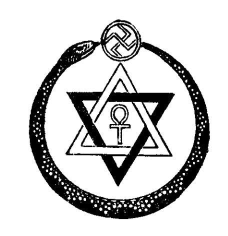


ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

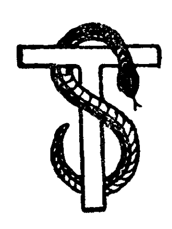
Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 ноября.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
—
1910



Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи".

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные" (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

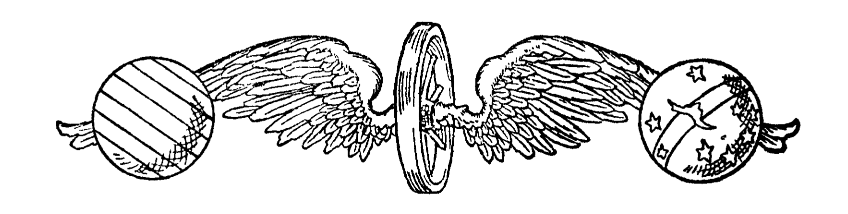
„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 годъ имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой **5** рублей.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

ноябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE.



Письмо Президента.

Дорогіе друзья!

Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить тѣхъ изъ васъ, кто отвѣтилъ на мой призывъ прійти на помощь буддійскимъ школамъ въ Цейлонѣ. Всего я получила до сего дня 2272 рупіи, съ небольшимъ, что вмѣстѣ съ 500 р., полученными мною въ подарокъ *) въ день рожденія—уже отослано въ Цейлонъ. Это составляетъ $^1/_{10}$ часть нужной суммы и я надѣюсь, что со временемъ весь долгъ будетъ покрытъ тѣми, кому дороги память и дѣло Президента—Основателя.

Вамъ будетъ интересно слышать о нашемъ центрѣ въ Бенаресѣ, гдѣ работа Ц. Индусскаго Коллэджа во всѣхъ отношеніяхъ, если не считать финансовой стороны, идетъ великолѣпно. Глава Коллэджа, г. Арундэль, окруженъ группой преданныхъ и блестящихъ работниковъ, изъ которыхъ многіе работаютъ совершенно безвозмездно, хотя несутъ на себѣ всю отвѣтственность и весь трудъ платныхъ должностей; г. Арундэль сумѣлъ вызвать къ себѣ столько любви и довѣрія, что въ школѣ воцарилась совершенно особая атмосфера. Юноши тихо и серьезно учатся, одушевленные пламеннымъ желаніемъ подготовить себя къ достойному служенію, и духъ любви и самоотреченія все больше и больше растетъ въ учащейся молодежи. Такое высокое и глубокое настроеніе выросло благодаря распространенію теософскихъ идей среди учащихся и благодаря присутствію многихъ теософовъ—работниковъ, дающихъ живой примѣръ отреченія, благородства и чистоты. Сотрудничество англійскихъ и индусскихъ работниковъ даетъ самые лучшіе результаты. Женская школа процвѣтаетъ подъ любовнымъ руководствомъ миссъ Арундэль и миссъ Пальмеръ и

*) Отъ женской школы, коллэджа и отъ Ордена Сыновъ Индіи.

готовитъ образованныхъ и высоко настроенныхъ дѣвушекъ для будущаго.

Послѣ шумной встрѣчи 28 сентября, мы провели свѣтло и радостно день 1 октября *). Изъ Адіара насъ выѣхало нѣсколько человѣкъ: г-жа Ванъ Гукъ и ея сынъ, мои два помощника Индусса и я. При пріѣздѣ въ Бенаресъ мы были засыпаны цвѣтами и разукрашены гирляндами, согласно мѣстному обычаю. 30-го сентября мальчики прекрасно разыграли самостоятельно ими разученныя двѣ пьесы, одну на бенгали, другую на нарѣчіи инди. Утромъ 1 октября мы собрались у храма Сарасвати **) при Коллэджѣ. Представители Индуизма, Зорастріанизма, Буддизма, Христіанства, Мусульманства и сектъ Сикховъ и Яйнитовъ поочередно читали, каждый на своемъ языкѣ, изъ своихъ Св. Писаній. Эта истинно братская церемонія произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе; конечно, такое явленіе возможно лишь тамъ, гдѣ царитъ Теософія. Въ 9½ ч. собрался орденъ Сыновъ и Дочерей Индіи; собраніемъ руководилъ проф. Водгаузъ, а любимый учитель Коллэджа, Рай-Игбаль-Марайнъ-Гурту говорилъ отъ имени собравшихся. Мнѣ былъ поднесенъ кошелекъ. Я сказала рѣчь о цѣляхъ и дѣятельности Ордена, родившагося какъ разъ 1 октября 1908 г. Въ 3½ ч. дня у насъ было снова собраніе: женская школа и Коллэджъ мнѣ также поднесли кошелки и было сказано много задушевныхъ рѣчей. Представительницей отъ собравшихся была прелестная индусская дѣвочка, которая мнѣ и передала подарокъ. Собрались также дѣти, принадлежащія къ Союзу Золотой Цѣпи. Они хоромъ повторили свой обѣтъ ***). Моя рѣчь закончила собраніе. Въ 6½ ч. вечера Теософическое Общество привѣтство-

---

*) День рожденія А. Безантъ.

**) Богиня знанія.

***) Дѣтскій Союзъ «Золотая Цѣпь» основанъ въ Англіи болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время онъ распространился во всѣхъ частяхъ свѣта и имѣетъ большое число членовъ. Дѣти, вступающія въ этотъ союзъ, обѣщаютъ ежедневно утромъ повторять и въ теченіе дня держать слѣдующій обѣтъ:

«Я — звено Золотой Цѣпи Любви, обнимающей міръ, и я должна хранить свое звено яснымъ и крѣпкимъ.

«И потому я буду стараться быть добрымъ и сострадательнымъ къ каждому живому существу, которое я встрѣчу, и буду защищать и помогать всѣмъ, кто слабѣе меня.

«И я буду стараться допускать только чистыя, добрыя мысли, говорить только чистыя и правдивыя слова и дѣлать только чистыя и хорощія дѣла.

«Да станетъ каждое звено Золотой Цѣпи яснымъ и крѣпкимъ».

Примѣч. Редакціи.

вало меня рѣчью г. Арундэль и генеральнаго секретаря. Я говорила о великой надеждѣ и о великомъ Грядущемъ.

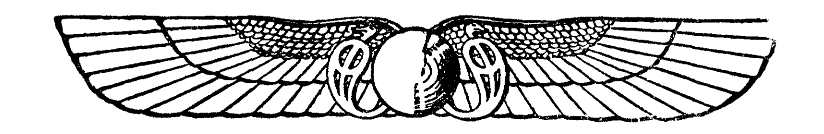
Въ кошелькахъ оказалось 1.571 р. Изъ нихъ 500 пошло въ Цейлонъ; 200 на школы Панхама; 200 на школу, основанную Ц. И. Коллэджемъ; 100—на постройку женской школы въ Бомбеѣ. Остальное еще не истрачено. Мнѣ хочется подарить Ц. И. Коллэджу музыкальные инструменты, чтобы могъ составиться оркестръ. Остатокъ пойдетъ на нужды главной квартиры. Я очень благодарна за возможность раздавать пожертвованія.

„Всеобщее руководство религіи и нравственности“ уже сильно подвинулось и нѣкоторые члены мнѣ помогли присылкой текстовъ изъ ихъ родныхъ Св. Писаній. Я ихъ очень благодарю. Первая часть уже въ рукахъ членовъ Общаго Совѣта. Я надѣюсь, что оно будетъ одобрено Совѣтомъ и явится въ печати въ концѣ января или началѣ февраля.

По міру несется радостная вѣсть. Небо свѣтлѣетъ передъ Зарею и сердца терпѣливо и радостно ждутъ рожденія Новаго Дня.

Ваша вѣрная слуга

Анни Безантъ.



Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра Теофиля Паскаль.

*(Продолженіе *).*

Законъ жертвы.

Въ предшествующихъ лекціяхъ я старался выяснить суть Теософіи, какой она существовала на протяженіи вѣковъ. Въ первой лекціи, когда я говорилъ о Великихъ Учителяхъ, рѣчь шла въ сущности о Древней Мудрости или Теософіи; о ней же шла рѣчь и во второй лекціи, въ которой я указывалъ, какъ черезъ нее всѣ историческія расы получили свои религіи; въ третьей лекціи я касался ея современнаго вида и, главнымъ образомъ, ея интеллектуальной стороны, тогда какъ ея нравственную сторону я старался передать въ четвертой лекціи. Теперь намъ предстоитъ говорить о ея послѣднемъ аспектѣ, можетъ быть самомъ важномъ—во всякомъ случаѣ самомъ прекрасномъ—ея мистикѣ. Мистика Теософіи являла собой въ самой глубокой древности сокровенное ядро религій; вотъ почему она была изучаема втайнѣ небольшимъ числомъ „избранныхъ“ во время такъ называемыхъ Мистерій, для толпы же она всегда была скрыта подъ символическимъ покровомъ.

Самая важная сторона Мистерій касалась созданія Вселенной и населяющихъ ее существъ посредствомъ Божественной Жертвы. Объ этомъ я и буду говорить сегодня, но въ виду краткаго времени я ограничусь египетскими, греческими и христіанскими символами. Они и наиболѣе извѣстны, и наиболѣе доступны для современнаго ума.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 10, стр. 18.

Съ одной стороны я постараюсь установить факты, съ другой стороны выяснить ихъ символическій смыслъ.

Вопросы, которые частью уже обсуждались въ третьей лекціи, я затрону лишь съ точки зрѣнія общихъ выводовъ.

Какова цѣль міроваго творчества?

Чтобы могло умножиться божественное начало, иначе говоря, чтобы возникли сознательныя существа, которыя бы могли изъ зародышеваго состоянія, постепенно развиваясь, достигнуть, въ концѣ всей эволюціи, до божественнаго совершенства,—для того, чтобы ограниченныя существа рождались и появлялись въ Безконечномъ,—необходимо, чтобы это Безконечное ограничило себя тѣмъ или инымъ способомъ.

Въ третьей лекціи я сказалъ уже нѣсколько словъ о метафизической сторонѣ этой тайны самоограниченія. Богъ ограничиваетъ себя и образуетъ сначала Единое Великое Существо, то, что религіи называютъ: Брамой, Озирисомъ, Логосомъ, Словомъ. Этотъ Логосъ, Сынъ Божій воплощается на землѣ и если позволено человѣку говорить о столь великомъ и божественномъ Совершенствѣ, я прибавлю, что Оно, какъ и человѣческія существа, представляется нашему ограниченному разуму подъ тройнымъ видомъ и въ тройственномъ единствѣ: подъ видомъ Троицы. Дѣйствительно, каждое разумное человѣческое существо, которое мы можемъ познать, является намъ какъ соединеніе тѣла, души и духа, иначе—какъ бы образованное изъ тройственной субстанціи, дозволяющей проявляться всѣмъ тремъ свойствамъ. Эти свойства: разумъ, любовь и сила (воля). Каждое существо можетъ существовать или проявляться только посредствомъ тѣла, тѣло же это можетъ жить лишь пока сила сцѣпленія держитъ всѣ его молекулы въ соединеніи, и ни одна индивидуальность не можетъ возникнуть, если тѣло не обладаетъ центромъ сознанія, своимъ „Я". Логосъ, Единое Великое Существо, отъ Котораго рождаются всѣ остальныя, обладаетъ всѣми этими качествами.

Сознаніе, центръ, основную способность Существа мы называемъ по христіанской терминологіи Отцомъ; второе Лицо можно характеризовать какъ силу притяженія въ природѣ, какъ Любовь, и мы называемъ его Сыномъ Божіимъ; третье Лицо представляетъ собою силу раздѣляющую, и это—Святой Духъ, т. е. разумъ, вѣрнѣе Мудрость.

Индусы назвали первое Лицо: Шива—разрушающее и возраждающее начало—(мы узнаемъ впослѣдствіи, почему Ему дано

такое имя); второе Лицо — Вишну, Охранитель формъ; третье Лицо—Брама, Творецъ.

Логосъ рожденъ величайшею изъ всѣхъ жертвъ, жертвой Абсолютнаго, Безконечнаго; эту жертву мы можемъ познать лишь какъ актъ высшей любви. Въ свою очередь и Логосъ, чтобы создать изъ себя существа, совершаетъ другую жертву, подобную первой. Чтобы ихъ проявить, онъ даетъ имъ элементы своей божественной Троичности: тѣло, душу и духъ, иначе сказать—матерію для образованія оболочки, жизнь для поддержанія этой матеріи и центръ сознанія, благодаря которому живое существо познаетъ свое „я". Такимъ оно является въ своей законченности.

Логосъ совершаетъ это творчество посредствомъ трехъ своихъ силъ: разума, любви и того, что мы назовемъ способностью чувствовать свое „я",—волей къ жизни.

Посмотримъ, какъ образуются тѣла.

Логосъ образуетъ ихъ, даруя имъ свою собственную субстанцію, матерію. Она еще не дифференцирована; она проявлена лишь въ своемъ наиболѣе однородномъ аспектѣ, но она заключаетъ въ себѣ, какъ и все проявленное, три вида, три качества, или—вѣрнѣе—три возможности. Логосъ долженъ ограничивать и проявлять эту матерію все болѣе, создавать изъ нея первичные атомы для того, чтобы изъ комбинаціи этихъ атомовъ могло произойти множество тѣлъ, составляющихъ Вселенную.

Атомъ есть орудіе вибраціи, образованное изъ одного или изъ нѣсколькихъ состояній матеріи, мѣняющихся сообразно качеству и типу атома. Когда божественная жизнь проходитъ чрезъ него, возникаютъ вибраціи, называемыя на обычномъ языкѣ качествами и свойствами. Когда большое число атомовъ соединяется для образованія тѣла, изъ общей суммы вибрацій этихъ атомовъ возникаютъ разнообразныя свойства, которыя сознаются существомъ, облеченнымъ въ это тѣло, болѣе или менѣе сообразно тому, до какой ступени эволюціи оно достигло.

Роль атомовъ заключается въ передачѣ существу, облеченному въ матеріальную оболочку, различныхъ видовъ вибрацій или воздѣйствій, которыя, разъ сознанныя, становятся собственностью эволюціонирующаго „я", помогая ему расти и развиваться. Когда на протяженіи всей эволюціи составляющіе тѣло атомы отзовутся на всѣ вибраціи Вселенной,—тогда развитіе центра сознанія человѣка приходитъ къ концу, и съ этого времени онъ можетъ самъ добровольно отвѣчать на всѣ вибраціи при посредствѣ

своего тѣла, отвѣчать такъ сказать, *изнутри наружу.* Это тѣло развило къ тому времени и воспринимающіе и передающіе органы чувствъ: человѣкъ въ состояніи и получать и отдавать.

Развитіе органовъ чувствъ идетъ медленно, но непрерывно, и подъ конецъ всѣ вибраціи Вселенной входятъ въ составъ человѣка, благодаря тому, что онъ создалъ въ своемъ тѣлѣ всѣ струны, соотвѣтствующія струнамъ великой Міровой Лиры.

Атомы суть двухъ родовъ: первичные атомы, числомъ семь, и второстепенные атомы; изъ ихъ различныхъ соединеній образовались всевозможныя тѣла Вселенной. Какъ мы это видимъ въ химіи, одинаковое число атомовъ одного и того же рода, но различно соединенные, производятъ въ одномъ случаѣ питательное вещество, а въ другомъ—ядъ, сообразно особенностямъ ихъ соединенія.

* * *

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что я разумѣю подъ созданіемъ матеріи. Тайна творчества была искуссно скрыта подъ символами во всѣхъ религіяхъ и во всѣхъ Мистеріяхъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ Логоса, разрываемаго на части, отдающаго свое тѣло. У христіанъ мы имѣемъ Агнца, принесеннаго въ жертву до начала міра, т. е. въ моментъ, когда Вселенная должна была проявиться. У индусовъ—лошадь, у египтянъ—Озирисъ или быкъ Аписъ. Всюду на идеѣ жертвы основывается проявленная Вселенная.

Кто же разрываетъ на части Божество?

Въ Египтѣ,- это Тифонъ, змѣй преисподней; въ Мистеріяхъ Вакха—Титаны, въ другихъ религіяхъ то, что можно назвать Противникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ повести къ разъединенію матеріи, какъ не сила отталкиванія, сила обособляющая, та сила, на которую опирается сила притяженія?

Почему сравнивали ее съ змѣей преисподней? Потому что эта сила—мать разъединенія, а разъединеніе создаетъ зло. Мы боремся другъ противъ друга потому, что считаемъ себя отдѣльными; эгоизмъ—плодъ разъединенія и вотъ почему сила, представляющая разъединеніе въ проявленномъ мірѣ, символизируется какъ змѣй, демонъ, противникъ и т. д.

Древніе символы говорятъ, что Вакхъ, какъ Озирисъ и какъ всѣ остальные растерзанные боги, знаетъ, что его тѣло со временемъ вновь соединится. Это случится тогда, когда матерія, разъединенная для того, чтобы создать тѣла различныхъ существъ,

снова возвратится въ свое первичное состояніе; когда существа, пройдя всю эволюцію въ ставшихъ позднѣе ненужными тѣлахъ, соединятся съ Логосомъ—своимъ центромъ; тогда то, что казалось множествомъ, станетъ снова единствомъ и первоначальное тѣло Логоса будетъ возстановлено.

Есть еще иной смыслъ у того же миѳа, тотъ, который символизируетъ атомы.

Чтобы создать тѣла, нужны были элементы, нужны были атомы; существуетъ семь основныхъ атомовъ, какъ мы уже говорили, и ихъ можно узнать подъ видомъ „игральныхъ костей" Вакха. Подъ этими костями подразумѣваются по преимуществу пять правильныхъ многогранниковъ, но онѣ же изображаются въ видѣ сферы и точки, что и составляетъ въ общемъ число семь: сфера и точка—двѣ противоположности—потомъ правильные многогранники: двадцатигранникъ, двѣнадцатигранникъ, осмигранникъ, кубъ и четырехгранникъ.

Точка и сфера символизируютъ Безконечность: точка есть абстрактная безконечность въ маломъ видѣ, сфера же въ состояніи расшириться до безконечной величины. Безконечно уменьшаясь, сфера преобразуется въ точку; когда же она расширяется до безконечности, возникаетъ Существо, безгранично великое. Сфера служитъ также символомъ перваго изъ первозданныхъ атомовъ; тогда какъ точка—символъ послѣдняго; сфера символизируетъ нѣчто болѣе сложное и болѣе богатое вибраціями, такъ какъ дѣйствующая сила можетъ устремляться со всѣхъ точекъ ея поверхности.

Въ символѣ второго атома—двадцатигранникѣ—сила не можетъ уже дѣйствовать изъ всѣхъ точекъ поверхности, она можетъ устремляться лишь изъ точекъ соприкосновенія граней икосаэдра съ поверхностью окружающей его сферы—и въ этомъ легко усмотрѣть первое проявленіе процесса ограниченія.

Въ символѣ третьяго атома—сила ограничивается еще болѣе: она можетъ исходить только изъ точекъ прикосновенія граней очерченнаго двѣнадцатиграника.

Въ слѣдующихъ символахъ сила все болѣе и болѣе ограничивается и уже можетъ исходить только изъ точекъ соприкосновенія граней очерченныхъ восьмигранника, куба и четырехгранника.

Наконецъ, ограничиваніе завершается, атомное творчество достигаетъ своего конечнаго предѣла, и сила не можетъ исходить иначе какъ черезъ точку.

Таковы символы первичныхъ атомовъ, т. е. тѣхъ семи типовъ, которые, придавая различныя свойства матеріи, составляютъ всю Вселенную. И все это доказываетъ, что глубокая древность обладала такой мудростью и такими знаніями, которыя можно оцѣнить лишь изучая ее.

Остается освѣтить еще одну сторону того же миѳа.

Вакхъ играетъ въ кости.

Играть въ кости значитъ производить различныя комбинаціи. Здѣсь символически изображается, что божественное творчество, „игра въ атомы", составляющіе семь основныхъ комбинацій матеріи, помощью своихъ безконечныхъ второстепенныхъ комбинацій производитъ всѣ тѣла со всѣми ихъ свойствами.

Здѣсь мы видимъ первую ступень творчества Вселенной Логосомъ: это—созданіе матеріи. Замѣтьте при этомъ, что творитъ собственно *разумъ:* онъ являетъ собою силу разъединенія, силу раздробляющей мысли; вотъ почему во всѣхъ религіяхъ Творецъ есть всегда третье лицо Троицы: Брама, Святый Духъ, разумное начало Бога.

* * *

Чтобы создать живое существо недостаточно одного матеріала, однихъ атомовъ; необходима также и форма, т. е. комбинація этихъ элементовъ. Чтобы создать форму, необходимо двѣ вещи: сперва сотворить типъ, составить планъ и затѣмъ соединить матеріалы, которыя должны осуществить этотъ типъ.

Когда архитекторъ хочетъ строить домъ, онъ начинаетъ съ приготовленія плана, онъ создаетъ въ своей мысли все, что должно заключаться въ зданіи, затѣмъ онъ его осуществляетъ, крѣпко соединяя различные матеріалы.

Логосъ, сотворивъ элементы, созидаетъ типы формъ, въ которыхъ эти элементы должны проявиться; типы эти носятъ названіе первообразовъ. И здѣсь должна выступить новая сила. Это уже не сила отталкиванія, а сила притяженія, не сила разъединяющая, центробѣжная, а сила центро-стремительная, сила любви, которая притягиваетъ и соединяетъ воедино.

Эта энергія заключается во второмъ Лицѣ Св. Троицы, въ Вишну, по вѣрованіямъ индусовъ, въ Сынѣ по представленіямъ христіанъ; и въ самомъ дѣлѣ, одна лишь Любовь можетъ соединить Разумомъ созданные атомы, сдѣлать изъ нихъ нѣчто цѣлое, т. е. создать изъ нихъ форму для проявленнаго существа.

Во Вселенной существуетъ масса формъ; онѣ, какъ и все въ этомъ мірѣ, проходятъ черезъ зародышевое состояніе прежде,

чѣмъ достигнутъ полнаго развитія. Первыя формы чрезвычайно просты и эфемерны, послѣднія же изъ тѣхъ, которыя извѣстны намъ, наоборотъ чрезвычайно сложны и длительность ихъ весьма значительна.

Все разнообразіе формъ подлежитъ творчеству Бога-Сына и мы сейчасъ познакомимся съ символомъ творчества Второго Логоса.

Здѣсь уже божественная Любовь имѣетъ дѣло съ атомами, она соединяетъ ихъ, комбинируетъ и созидаетъ изъ нихъ формы по плану первообразовъ. Когда какая либо изъ формъ не годится болѣе для жизни, когда всѣ опыты, черезъ которые она должна была пройти, закончены, когда все, чему она должна была научить своего владѣтеля, изучено, она разрушается, чтобы дать мѣсто другой, болѣе сложной формѣ, и тогда на сцену является Преобразователь, Шива индусовъ, называемый также благодаря выполняемой имъ задачѣ Разрушителемъ. Но названіе это не должно вызывать мысли о чемъ то кровожадномъ и жестокомъ: формы разрушаются лишь для того, чтобы душа могла облечься въ новыя формы, болѣе сложныя, а слѣдовательно и болѣе пригодныя для ея дальнѣйшаго развитія. Это то же самое, что выученная книга, на смѣну которой ученику даютъ другую, болѣе трудную книгу; когда форма не въ состояніи давать душѣ новаго опыта, она разрушается и замѣняется другой,—болѣе совершенной формой. Такъ продолжаетъ Логосъ созидать все новыя формы; его жизнь спускается, такъ сказать, съ одного плана Вселенной на другой, облекаясь послѣдовательно въ самыя тончайшія состоянія матеріи до самыхъ грубыхъ включительно. И, по мѣрѣ того, какъ жизнь Логоса продолжаетъ воплощаться, и формы, подлежащія одушевленію, строятся изъ матеріаловъ все болѣе и болѣе плотныхъ и требующихъ все большаго расхода силы; подвижность этихъ формъ все болѣе уменьшается; происходитъ какъ бы угасаніе жизни по мѣрѣ того, какъ она спускается все въ болѣе плотную матерію; когда же она достигаетъ до наиболѣе конкретнаго міра, до міра грубой физической матеріи, тогда формы становятся неподвижными и мы называемъ ихъ міромъ неорганической матеріи, желая этимъ сказать, что матерія эта признается нами безжизненной, — тогда какъ, въ дѣйствительности, не существуетъ ничего иного, кромѣ всеобъемлющей божественной Жизни.

Такимъ образомъ, жизнь Сына какъ бы замираетъ во Вселенной, по мѣрѣ того, какъ она спускается все ниже; но есть точка, дойдя до которой она снова воскресаетъ.

Когда формы кажутся неподвижными, въ нихъ тѣмъ не менѣе продолжается скрытая работа; послѣ минераловъ являются новыя тѣла, менѣе плотныя—растенія; затѣмъ другія формы, еще полнѣе проявляющія свою скрытую жизнь—животныя; за ними слѣдуетъ человѣческое тѣло, и безъ сомнѣнія, когда выростутъ наши способности, онѣ откроютъ намъ новыя свойства, проявляющіяся благодаря все болѣе утончающейся организаціи тѣхъ существъ, которыя представляютъ собою вѣнецъ человѣчества, поднимающагося къ божественному совершенству.

Это и есть воскресеніе жизни; пробужденіе, проявляющееся не только благодаря внѣшнимъ свойствамъ физическихъ тѣлъ, но и благодаря болѣе глубокимъ качествамъ. Въ минералѣ мы видимъ жизнь только подъ видомъ химическаго сродства. Въ растеніяхъ она является уже въ болѣе дѣятельной формѣ; нѣкоторыя изъ растеній уже двигаются, напримѣръ мимоза и многія другія. У животныхъ жизнь проявляется въ чувствованіяхъ и въ зачаткѣ разумности. Далѣе идетъ человѣкъ съ своимъ могущественнымъ разумомъ, съ зачатками жалости и самоотверженія; и наконецъ появляются представители сверхчеловѣчества, одаренные безграничной любовью и способные на жизнь, полную жертвъ.

Такова лѣстница проявленныхъ существъ и отъ совершенства достигнутой формы зависитъ ихъ качество. Я уже ранѣе говорилъ, что отъ формы электрическаго проводника зависитъ природа проявленій электричества: здѣсь оно свѣтъ, тамъ—химическое дѣйствіе, въ другомъ мѣстѣ оно же—движеніе. Электричество само по себѣ не измѣняется, но оно поляризуется различнымъ образомъ сообразно природѣ его проводниковъ.

Божественная жизнь едина, но формы ея многообразны; онѣ представляютъ собою проводники разнообразныхъ вибрацій, приводимыхъ въ дѣйствіе міровымъ дыханіемъ. Свойства этихъ вибрацій въ началѣ нисхожденія Сына Божія во Вселенную очень неопредѣленны; въ нихъ мало сознательности. Но уже въ минералахъ эта безсознательность начинаетъ смѣняться химическимъ сродствомъ, которое показываетъ наличность симпатіи и антипатіи у элементовъ; въ растеніяхъ различныя свойства вибрацій проявляются полнѣе. потому что тѣла ихъ сложнѣе; у животнаго болѣе усовершенствованное тѣло—тѣло эмоцій—вызываетъ жизнь чувствованія; и наконецъ, въ человѣкѣ эти свойства достигаютъ особенно утонченнаго и сложнаго развитія.

Когда родится человѣкъ, кромѣ физической оболочки онъ обладаетъ и инымъ, болѣе тонкимъ невидимымъ тѣломъ, со-

стоящимъ изъ той же субстанціи, изъ которой состоитъ и мысль.

Вы скажете, что животное точно также проявляетъ мысль; это вѣрно, но мысль животнаго не имѣетъ полноты человѣческой мысли, его ментальное тѣло зачаточно и оно обладаетъ лишь конкретной разумностью, весьма ограниченной способностью понимать, разсуждать, сравнивать и вспоминать; тогда какъ человѣкъ уже достигъ не только высшей ступени конкретнаго разума, но онъ обладаетъ при этомъ еще и абстрактнымъ разумомъ. Лишь человѣкъ имѣетъ способность создавать абстрактныя идеи, онъ одинъ обладаетъ яснымъ центромъ сознанія, своимъ опредѣленнымъ „Я", котораго у животнаго еще совсѣмъ не имѣется.

Когда живое существо достигаетъ сознанія своего „я", когда оно можетъ себя чувствовать отдѣльнымъ индивидомъ, тогда оно становится сознательно безсмертнымъ: оно всегда было вѣчнымъ, не сознавая того; теперь же, когда оно стало безсмертнымъ, чувство „я" открываетъ ему его тождество, допуская возможность сознательнаго безсмертія.

Кромѣ тѣла мысли у человѣка имѣются еще болѣе тонкіе проводники: два изъ нихъ должны еще быть созданы Сыномъ (Второе Лицо Св. Троицы), чтобы осуществились два послѣдніе этапа человѣчества.

Второй проводникъ по терминологіи индусовъ называется тѣломъ „буддическимъ"; слѣдуя апостолу Павлу, назовемъ его „духовнымъ тѣломъ", такъ какъ дѣло не въ названіи, а въ томъ, чтобы опредѣлить его значеніе.

Въ этомъ тѣлѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ еще одно свойство, которое можно назвать новымъ расширеніемъ сознанія. Онъ уже не чувствуетъ себя отдѣльнымъ отъ другихъ, онъ чувствуетъ, что его жизнь тождественна съ жизнью всѣхъ другихъ существъ. Когда онъ переносится мыслью на кого либо изъ своихъ братьевъ, на какой бы ступени эволюціи онъ ни находился—онъ въ состояніи чувствовать жизнь этого существа вибрирующею въ его сердцѣ и знать, что оно думаетъ и что оно чувствуетъ.

Пока духовное тѣло было не развито, это было невозможно; онъ могъ лишь до нѣкоторой степени судить о состояніи сознанія у живого существа по внѣшнимъ признакамъ, но онъ могъ при этомъ легко ошибаться; теперь же онъ можетъ чувствовать чужую жизнь непосредственно, такъ какъ обладаетъ духовнымъ тѣломъ, способнымъ вибрировать въ созвучіи съ душой любого существа. Онъ чувствуетъ жизнь другихъ, ихъ радости и печали;

онъ поднимается на ступень сверхчеловѣка, которая и есть состояніе „Христа“, о которомъ говоритъ Ап. Павелъ. На этой ступени человѣкъ уже достигъ своего спасенія или лучше сказать Сынъ Божій совершилъ его для него: онъ искупилъ человѣка.

Искупленіе представляетъ три стадіи: *безсмертіе*, даваемое очеловѣчиваніемъ, *спасеніе*, даруемое состояніемъ „Христа“, и, наконецъ, *освобожденіе*, для достиженія котораго должно еще организоваться новое тѣло.

Это тѣло, — назовемъ его *божественнымъ тѣломъ* — позволяетъ вполнѣ развившемуся человѣку чувствовать себя болѣе чѣмъ братомъ всѣхъ существъ, болѣе чѣмъ лучемъ одного и того же божественнаго Солнца; его сознаніе расширилось такъ безконечно, что онъ самъ чувствуетъ себя этимъ Солнцемъ или вѣрнѣе какъ бы центромъ Великаго Центра, онъ сознаетъ себя и всѣхъ остальныхъ единствомъ и знаетъ, что вся оставшаяся позади долгая эволюція его обособленнаго существованія была не что иное, какъ иллюзія. Счастливая иллюзія! Придавая слову иллюзія смыслъ заблужденія, мы можемъ, какъ Св. Ѳома, сказать *felix culpa*, потому что благодаря этой иллюзіи, породившей столько ошибокъ, наступитъ день, когда человѣкъ соединится съ своимъ источникомъ Богомъ, одновременно и поглощенный Богомъ и сознающій свое „Я“ и всю свою прошлую индивидуальность, такъ какъ его память сохраняетъ всѣ прошедшія жизни и все, что человѣкъ позналъ и совершилъ въ теченіе своей эволюціи. Человѣкъ сталъ богомъ въ Богѣ.

Такова работа второго Логоса, Сына Божія, воплощеннаго въ формахъ Вселенной. Мы увидимъ сейчасъ, что къ концу эволюціи появляется Отецъ, чтобы помочь своему Сыну довершить искупленіе.

* * *

Какимъ символомъ обозначалась въ древности эта великая работа? Тѣмъ, который извѣстенъ въ христіанствѣ какъ *Символъ вѣры*.

Символъ вѣры, или—правильнѣе—его основаніе происходитъ изъ Египта. Христосъ, по своемъ возвращеніи изъ Египта, передалъ его Ессейскому братству, а затѣмъ и своимъ первымъ ученикамъ, а преданіе передало его намъ. Оставивъ въ сторонѣ всѣ искаженія, какія Символъ Вѣры претерпѣлъ отъ небрежности переписчиковъ и неточности переводчиковъ, мы увидимъ, что основа его остается полной значенія, бросающаго свѣтъ на загадки бытія.

Послѣ сотворенія матеріи космическимъ Разумомъ—Святымъ Духомъ — начинается построеніе и сохраненіе формъ началомъ Любви, которое носитъ названіе Вишну, Сына Божія, космическаго Христа, воплощающагося и спускающагося въ различныя состоянія матеріи, „для нашего спасенія“—говоритъ Символъ Вѣры.

Онъ страдаетъ, говоритъ Символъ Вѣры: Что означаетъ это выраженіе?

Когда эволюція доходитъ до ступени, на которой живое существо облекается въ сверхфизическую матерію (называемую часто астральной), тогда возникаетъ способность чувствовать: душа, заключенная въ форму, начинаетъ страдать отъ соприкосновеній съ элементами Вселенной, а эта душа не что иное, какъ искра божественной Жизни, жизни Сына Божія, космическаго Христа. Вотъ почему символическое изображеніе заставляетъ страдать Сына Божія.

Затѣмъ, добавляетъ Символъ Вѣры, онъ былъ распятъ.

По мѣрѣ того, какъ Сынъ Божій спускается все ниже, матерія соотвѣтственно становится все плотнѣе, образуя собою крестъ изъ четырехъ элементовъ (физическая матерія). Онъ страдаетъ все болѣе, пока не спустится на землю, гдѣ дѣйствительно царствуетъ наиболѣе сильное страданіе, выражаемое „распятіемъ“.

Наконецъ онъ умираетъ.

Мы уже видѣли, что божественная Жизнь, по мѣрѣ воплощенія въ грубую матерію, какъ бы замираетъ. Вспомнимъ состояніе минераловъ. Но, продолжаетъ Символъ Вѣры, Христосъ воскресаетъ.

Это воскресеніе происходитъ въ природѣ на всѣхъ ступеняхъ. Оно начинается на поворотѣ эволюціи въ минералѣ, потомъ достигаетъ животнаго состоянія и, наконецъ—человѣческаго.

Когда человѣкъ развился, Христосъ вполнѣ воскресъ, ему остается только совершить свое вознесеніе.

Символъ Вѣры говоритъ, что онъ воскресъ на третій день; это есть одно изъ искаженій древняго символа, о которыхъ я упоминалъ сейчасъ. Въ дѣйствительности онъ воскресаетъ на четвертый день, т. е. въ четвертомъ циклѣ, такъ какъ человѣчество создано именно въ этомъ циклѣ нашей Вселенной.

Затѣмъ слѣдуетъ въ Никейскомъ Символѣ Вѣры: „воплотился и вочеловѣчился“, что означаетъ: что животное состояніе предшествуетъ человѣческому. Здѣсь упоминается естественный порядокъ эволюціи.

И наконецъ, Христосъ возносится, поднимается на небо— и садится одесную Отца.

* * *

Я упоминалъ въ началѣ этой лекціи, что для созданія живыхъ существъ необходимо было созданіе элементовъ матеріи, изъ которой состоятъ ихъ тѣла, затѣмъ — построить самыя тѣла и, наконецъ, развить центръ сознанія. Матерія есть созданіе разума; форма даетъ возможность проявиться сознанію, а наше „Я", этотъ лучъ первоисточника, можетъ быть данъ однимъ лишь Богомъ Отцомъ.

Далѣе въ христіанскомъ Символѣ говорится, что Сынъ искупилъ насъ, искупилъ изъ невѣдѣнія, матери всякаго грѣха. Эта фаза творенья—Искупленіе—достойна особаго изученія; я уже изобразилъ ее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя и хочу дополнить.

Искупленіе совершается въ человѣческой стадіи и представляетъ окончательное пробужденіе сознанія.

Наше „я" пробуждается медленно въ теченіе эволюціи Жизни; зародышъ разума находится уже у растеній, онъ увеличивается у животныхъ, но проявляется вполнѣ лишь въ человѣчествѣ. Это „Я" составляетъ внутреннюю сущность всякаго существа; это лучъ жизни Отца. Отецъ есть дѣйствительно центръ Вселенной, а Сынъ и Святый Духъ являютъ собою Его: Любовь и Его Разумъ.

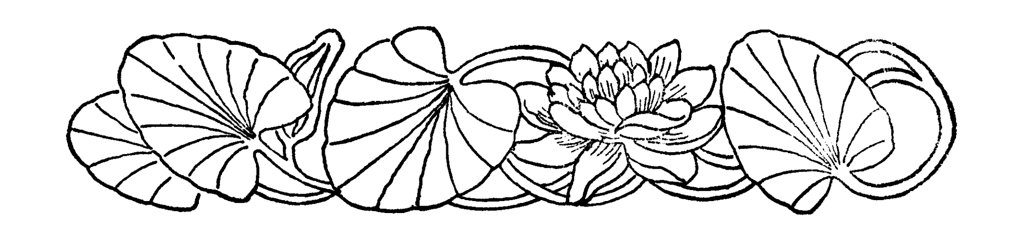
Отецъ также приноситъ себя въ жертву, какъ и Сынъ, и Святый Духъ.

Когда человѣчество уже готово родиться, Отецъ спускается къ Сыну, приносящему ему результаты прошедшей эволюціи,—милліоны формъ, готовыхъ воспринять искру Разума; Отецъ оживляетъ эти формы, просвѣщаетъ ихъ, даетъ имъ ихъ „Я", соединяетъ ихъ съ Собою, раскрываетъ ихъ сознаніе.

Когда человѣчество создано, первая стадія Искупленія совершилась, остальныя послѣдуютъ за ней. Послѣ человѣка должно родиться „божественное Дитя", Христосъ Св. Павла; дитя достигнетъ зрѣлости, выраститъ въ совершенный возрастъ Христа, который, совершивъ свое вознесеніе, появится какъ Спаситель Міра. Онъ все позналъ, все испыталъ, Онъ можетъ всему научить, Онъ обладаетъ совершенной Любовью и полнотою Силы.

Перев. **А. Г.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Мистики.

Д-ра Р. Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Валентинъ Вейгель и Яковъ Бёме.

Для Парацельса важнѣе всего было пріобрѣсти относительно природы такія идеи, въ которыхъ бы ясно проявлялся духъ исповѣдуемаго имъ высшаго познаванія. Родственнымъ для Парацельса мыслителемъ, примѣнявшимъ то же міропониманіе, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ природѣ самого человѣка, является Валентинъ Вейгель (1533—1588). Онъ переросъ протестантскую теологію въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ Экхартъ, Таулеръ и Сузо переросли католическую. Онъ имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ Себастьана Франка и Каспари Швенкфельда. Оба указывали, въ противоположность церковнымъ вѣрованьямъ, придерживавшимся мертвой буквы, на необходимость углубленія въ свой собственный внутренній міръ. Для нихъ цѣнность имѣлъ не Іисусъ, проповѣдуемый Евангеліемъ, а Христосъ, рождающійся въ каждомъ человѣкѣ, какъ наиболѣе глубокая часть его природы, освобождающая его отъ низшихъ влеченій и ведущая его къ идеальнымъ высотамъ... Вейгель былъ скромнымъ священникомъ въ Цшопау. Лишь изъ оставленныхъ имъ и напечатанныхъ въ XVII столѣтіи произведеній стало извѣстно, какими значительными идеями относительно природы человѣка обладалъ Вейгель. (Назовемъ нѣкоторыя изъ его сочиненій: „Золотая рукоятка, или какъ безъ ошибки познать вещи, многимъ высокоученымъ неизвѣстныя, которыя необходимо знать всѣмъ людямъ. Познай са-

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 10.

мого себя. О мѣстѣ міра *). У Вейгеля была потребность выяснить свое отношеніе къ ученію церкви. И это повело его къ изслѣдованію самыхъ основъ познаванія. Для того, чтобы человѣкъ могъ дать себѣ отчетъ, возможно ли путемъ того или другого вѣроисповѣданія прійти къ какому бы то ни было познаванію, для этого онъ долженъ знать, *какъ* самъ онъ познаетъ. И Вейгель исходитъ изъ самыхъ основъ познаванія. Онъ спрашиваетъ себя: какъ познаю я чувственный предметъ, когда онъ стоитъ передо мной? И исходя отсюда, онъ надѣется подняться до той точки, на которой человѣкъ способенъ дать себѣ отчетъ относительно высочайшаго разумѣнія.

При чувственномъ воспріятіи, орудіе (чувственный органъ) и предметъ наблюденія, противуположенія („Gegenwurf") стоятъ другъ передъ другомъ. „Такъ какъ при естественномъ познаваніи должны быть двѣ вещи, объектъ или противуположеніе, которое должно быть узнано и видимо глазомъ; и глазъ или познаватель, который видитъ объектъ или его познаетъ; и потому держи одно противъ другого: идетъ ли познаваніе отъ объекта въ глаза, или же познаваніе истекаетъ изъ глаза въ объектъ" **).

На это Вейгель говоритъ: если бы познаваніе исходило изъ противуположенія (предметъ наблюденія), въ такомъ случаѣ отъ одного и того же предмета всѣ глаза должны были бы получать одно и то же познаваніе. Но это не такъ, и мы знаемъ, что каждый видитъ по мѣрѣ своихъ глазъ. Лишь глаза, а не предметъ, виновны въ томъ, что относительно послѣдняго возможны различныя, многочисленныя представленія. Для выясненія своей мысли, Вейгель сравниваетъ зрѣніе съ чтеніемъ. Если бы не существовало книги, я бы конечно не могъ прочесть ее; но она могла бы быть передо мной, и все же я не прочелъ бы изъ нея ничего, еслибъ не обладалъ искусствомъ чтенія. Слѣдовательно, книга должна существовать; но она не можетъ дать мнѣ изъ себя самой ничего; я долженъ все, что читаю, извлекать изъ себя самого. Такова суть естественнаго (чувственнаго) познаванія. Цвѣтъ существуетъ какъ „противуположеніе"; но самъ по себѣ, онъ не можетъ дать глазу ничего; глазъ долженъ изъ себя познать, каковъ видимый имъ цвѣтъ. Такъ же, какъ содержаніе книги не нахо-

*) Der güldene Griff, das ist alle Ding ohne Irrthum zu erkennen, vielen Hochgelehrten unbekannt, und doch allen Menschen nothwendig zu wissen. Erkenne dich selbst. Vom Ort der Welt.

**) Der Güldene Griff. S. 26.

дилось въ читателѣ, такъ же и цвѣтъ не находится въ глазѣ. Если бы это содержаніе находилось въ читателѣ, онъ не нуждался бы въ чтеніи. И все же, при чтеніи, содержаніе книги истекаетъ не изъ нея, а изъ читающаго. То же самое относится и къ чувственному предмету. То, что представляетъ собою этотъ внѣшній чувственный предметъ, не истекаетъ извнѣ, а извнутри человѣка.

Исходя изъ этой мысли, можно было бы сказать: если всякое познаваніе истекаетъ изъ человѣка, то познаешь не то, что находится въ самомъ предметѣ, а только то, что находится въ самомъ человѣкѣ. Подробная разработка этого теченія мыслей привела къ воззрѣніямъ Эммануила Канта (1724 — 1804) *).

Вейгель говоритъ себѣ: „если познаваніе и истекаетъ изъ человѣка, то все же это лишь суть „противуположенія“, которая изъ послѣдняго черезъ человѣка проявляетъ себя. Такъ же какъ я сознаю черезъ чтеніе содержаніе книги, а не мое собственное содержаніе, такъ же я познаю и цвѣтъ „противуположенія“ черезъ глазъ; *его* цвѣтъ, а не тотъ, который находится во мнѣ или въ моемъ глазу. „Своимъ собственнымъ, оригинальнымъ путемъ подходитъ В. Вейгель къ выводу, съ которымъ мы уже встрѣчались у Николая Кузанскаго **). Такимъ путемъ Вейгель выясняетъ себѣ суть чувственнаго воспріятія. Онъ приходитъ къ убѣжденію, что все, что внѣшнія вещи имѣютъ сказать намъ, можетъ истекать лишь изъ нашего собственнаго внутренняго міра. Человѣкъ не долженъ оставаться пассивнымъ, если онъ хочетъ познать чувственныя вещи: онъ не долженъ допускать, чтобы онѣ дѣйствовали на него; но онъ долженъ быть активнымъ и познаваніе вещей извлекать изъ *себя* самого. „Противуположеніе“ служитъ лишь къ пробужденію въ разумѣ познаванія. Къ высшему познаванію человѣкъ поднимается лишь тогда, когда его разумъ становится своимъ собственнымъ „противуположеніемъ“. Уже по чувственному воспріятію можно видѣть, что никакое познаваніе не можетъ входить въ человѣка извнѣ. Слѣдовательно „высшее познаваніе“ не можетъ прійти извнѣ, оно можетъ быть пробуждено лишь внутри. Изъ этого вытекаетъ, что и не можетъ быть внѣшняго откровенія, а можетъ быть лишь внутреннее пробужденіе. И точно такъ же какъ внѣшнее „противуположеніе“ ожидаетъ,

---

*) Ошибочность этого хода мысли я разобралъ въ моей книгѣ „Philosophie der Freiheit. Berlin 1894 г. Здѣсь я ограничусь только мимолетнымъ замѣчаніемъ, что В. Вейгель своимъ простымъ первобытнымъ способомъ пониманія стоитъ гораздо выше. чѣмъ Кантъ.

**) См. стр. 22, въ № 9 „Вѣстникъ Теософіи“ за 1910 г.

чтобы къ нему подошелъ человѣкъ для того, чтобы оно могло выразить свою сущность, точно также и человѣкъ, если онъ хочетъ быть своимъ собственнымъ „противуположеніемъ“, долженъ ожидать, пока внутри его не пробудится познаваніе его собственной сущности. И насколько человѣкъ долженъ проявляться дѣятельно по отношенію къ чувственнымъ воспріятіямъ, чтобы познать суть чувственнаго объекта („противуположенія“), настолько же онъ долженъ проявляться пассивно въ своихъ высшихъ познаваніяхъ, такъ какъ теперь *онъ самъ* является „противуположеніемъ“ (предметомъ познаванія). Онъ долженъ свою суть воспринять въ себя самого. Поэтому духовное познаваніе и кажется ему просвѣтленіемъ свыше. Въ противуположность чувственному познаванію, Вейгель высшее познаваніе называетъ „Свѣтомъ Благодати“. Этотъ „Свѣтъ Благодати“ есть въ дѣйствительности ничто иное, какъ самопознаніе человѣческаго духа или рожденіе знанія на высшихъ ступеняхъ созерцанія.

И также какъ у Николая Кузанскаго, при переходѣ его знанія къ высшему созерцанію, рождается на этой высшей ступени не собственное его познаваніе, а то церковное исповѣданіе, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, то же самое происходитъ и съ Вейгелемъ. Онъ идетъ, направляясь къ вѣрному пути, но теряетъ его немедленно какъ только вступаетъ на самый путь. Кто желаетъ итти по пути, на который указываетъ Вейгель, тотъ долженъ видѣть въ немъ руководителя только *до* начала этого пути.

* * *

Съ ликующей природой, поднявшейся на вершину своего бытія и радостно изумляющейся своей собственной сути, вотъ съ чѣмъ можно сравнить ту музыку, которая звучитъ въ произведеніяхъ Горлицкаго башмачника, Якова Бёме (1575 — 1624). Въ его лицѣ передъ нами стоитъ человѣкъ, слова котораго одарены крыльями, сотканными изъ блаженнаго сознанія, что его знаніе преобразилось въ свѣтъ высшей мудрости. Какъ любовь къ Богу, желающую стать мудростью, и какъ мудрость, желающую жить лишь въ любви къ Богу, описываетъ Яковъ Бёме свое состояніе: „Когда я домогался и боролся подъ защитой Бога, тогда въ моей душѣ занялся изумительный свѣтъ, совсѣмъ не свойственный дикой природѣ, и въ немъ я впервые позналъ, что такое Богъ и человѣкъ и какое дѣло Богу до человѣка“. Яковъ Бёме не чувствуетъ себя болѣе единичной личностью, которая высказываетъ свои понятія; онъ чувствуетъ себя органомъ великаго Мірового

Духа, говорящаго черезъ него. Границы его личности не являются для него границами того Духа, который говоритъ черезъ него. Этотъ Духъ для него вездѣсущъ. Онъ знаетъ, что „софистъ будетъ его осуждать“, когда онъ говоритъ о началѣ міра и о его сотвореніи, „такъ какъ я не былъ при этомъ и самъ того не видалъ. Тому софисту да будетъ сказано, что въ моей душевной и тѣлесной сути, когда я еще не былъ *я*, а былъ сутью Адама, я былъ при этомъ, и самъ всего моего величія въ Адамѣ себя лишилъ“. Бöме въ состояніи передать лишь помощью внѣшнихъ сравненій, какимъ образомъ въ его внутреннемъ мірѣ занялся тотъ яркій свѣтъ. Когда онъ однажды, еще въ дѣтствѣ, находился на вершинѣ горы, онъ увидалъ вверху, тамъ, гдѣ большіе красные камни, казалось, завершали гору, открытый входъ и въ его углубленіи сосудъ изъ золота. Трепетъ объялъ его, и онъ пошелъ своей дорогой, не притронувшись къ сокровищу. Позднѣе онъ поступилъ въ Горлицѣ въ обученіе къ башмачнику. Неизвѣстный человѣкъ вошелъ въ лавку и спросилъ пару башмаковъ. Хозяинъ отсутствовалъ, и мальчикъ Бöме не могъ продать требуемое. Незнакомецъ удалился, но черезъ нѣкоторое время вернулся, вызвалъ мальчика за дверь и сказалъ ему: „Яковъ, ты малъ, но со временемъ ты станешь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, которому весь міръ будетъ удивляться“. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, Яковъ Бöме видитъ при свѣтѣ солнца отраженіе въ оловянномъ сосудѣ: то, что онъ увидѣлъ при этомъ, раскрыло для него, какъ ему казалось, глубокую тайну. И онъ считалъ себя съ этого момента обладателемъ ключа къ таинственной рѣчи природы.

Онъ живетъ какъ духовный отшельникъ, кормясь скромнымъ трудомъ своихъ рукъ и при этомъ, какъ бы для своей собственной памяти, записывая тѣ звуки, которые звучали въ немъ въ минуты, когда онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе Духа. Ревнители буквы религіи дѣлаютъ жизнь для Бöме тяжелой; онъ, желавшій читать лишь тѣ письмена, которыя освѣщались для него загорѣвшимся внутреннимъ свѣтомъ, испытывалъ преслѣдованія и даже мученія со стороны тѣхъ, которымъ были доступны лишь внѣшнія писанія, лишь застывшее, догматическое исповѣданіе вѣры.

Душу Якова Бöме тревожитъ міровая загадка, и эта тревога устремляетъ его къ познаванію. Духомъ своимъ онъ чувствуетъ себя погруженнымъ въ Божественную гармонію, но когда онъ смотритъ вокругъ, онъ всюду видитъ въ Божественныхъ твореніяхъ дисгармонію. Человѣку присущъ свѣтъ мудрости, и все же онъ подверженъ заблужденіямъ; въ немъ живетъ влеченіе къ

добру и все же диссонансъ зла звучитъ черезъ все человѣческое развитіе. Природа управляема великими, естественными законами, и все же нецѣлесообразности и дикая борьба элементовъ нарушаетъ ея созвучіе. Какъ понять дисгармонію въ гармоническомъ міровомъ единствѣ? Этотъ вопросъ мучаетъ Якова Бöме. Онъ стоитъ въ средоточіи всего его міросозерцанія. Онъ стремится овладѣть такимъ представленіемъ о міровомъ единствѣ, которое бы включало въ себѣ и дисгармоническое; ибо нельзя выяснить себѣ міръ, оставляя невыясненнымъ нарушеніе гармоніи. Необходимо, чтобы дисгармонія получила изъ гармоніи, а зло изъ добра свое объясненіе. Ограничимся, говоря объ этихъ вещахъ, добромъ и зломъ, ибо въ нихъ находитъ свое выраженіе дисгармонія, проявляющаяся въ предѣлахъ человѣческой жизни. Въ сущности, Яковъ Бöме ограничивается этими предѣлами. И онъ можетъ сдѣлать это, ибо природа и человѣкъ представляются ему, какъ единая сущность. Онъ видитъ въ обоихъ сходные законы и явленія. Для него нецѣлесообразное есть въ то же время и злое въ природѣ, точно также какъ злое является для него нецѣлесообразнымъ въ человѣческой судьбѣ. Однѣ и тѣ же основныя силы дѣйствуютъ и здѣсь, и тамъ.

Какъ же можетъ изъ одной и той же сущности вытекать и злое и доброе? Если говорить въ духѣ Якова Бöме, то получится такой отвѣтъ: первосущность изживаетъ свое бытіе не въ себѣ самой. Множественность міра принимаетъ участіе въ этомъ бытіи. Какъ человѣческое тѣло живетъ не какъ единичный членъ, а какъ множественность членовъ, точно также и Первосущность. И какъ единая человѣческая жизнь вливается въ эту множественность членовъ, такъ и Первосущность вливается въ множественность предметовъ этого міра. Такъ же вѣрно, какъ то, что цѣлый человѣкъ имѣетъ лишь *одну* жизнь, такъ же вѣрно и то, что каждый членъ обладаетъ своей собственной жизнью. И какъ возможно допустить, не нарушая общей гармоніи человѣческой жизни, что человѣкъ употребитъ свою руку противъ собственнаго тѣла и поранитъ послѣднее, также возможно допустить, что предметы этого міра, изживающіе жизнь Первосущности на свой собственный ладъ, могутъ обратиться одно противъ другого. Такимъ образомъ, единая жизнь, раздробляясь на множество различныхъ жизней, даетъ каждой изъ нихъ способность обращаться противъ Цѣлаго. Не изъ добра вытекаетъ зло, а изъ способа проявленія добра. Какъ свѣтъ способенъ свѣтить лишь тогда, когда онъ проникаетъ въ тьму, также и добро можетъ проявиться лишь

тогда, когда оно проходитъ черезъ свою противоположность. Изъ „безосновности“ *) тьмы сіяетъ свѣтъ; изъ „безосновности“ безразличія рождается добро. И какъ въ тѣни лишь болѣе свѣтлый оттѣнокъ даетъ намекъ на свѣтъ, темнота же неизбѣжно ощущается какъ нѣчто, ослабляющее свѣтъ: точно также и въ мірѣ требуется цѣлесообразность во всѣхъ вещахъ, злое же или нецѣлесообразное принимается какъ неизбѣжное. Хотя, такимъ образомъ, для Якова Бёме Первосущность является Всѣмъ, все же ничто не можетъ быть понято въ проявленномъ мірѣ, если не имѣть въ виду одновременно и Первосущность, и ея противуположность: „Доброе поглотило въ себя злое или противящееся... Каждое существо имѣетъ въ себѣ добро и зло, и по мѣрѣ развитія, когда оно дѣйствуетъ въ своей обособленности, оно становится соединеніемъ противуположныхъ свойствъ, изъ которыхъ одно стремится преодолѣть другое“. Такимъ образомъ Яковъ Бёме видѣлъ въ каждой вещи и въ каждомъ явленіи добро и зло; но совсѣмъ не въ его духѣ искать соединеніе добра и зла въ Первосущности. Первосущность должна была поглотить зло, но зло не есть часть Первосущности. Яковъ Бёме ищетъ Первооснову міра; но самъ міръ возникъ благодаря Первооснове изъ безосновности (Ungrund). „Внѣшній міръ не есть Богъ и не будетъ Богомъ никогда, онъ—то, въ чемъ Богъ раскрываетъ себя... Когда говорятъ: Богъ есть все, Богъ есть и Небо и Земля, а также и внѣшній міръ, то это правда, ибо въ Немъ и изъ Него происходитъ все. Но что мнѣ изъ такой рѣчи, которая не есть религія“?

Съ подобнымъ воззрѣніемъ на заднемъ планѣ строилъ Бёме всѣ свои представленія относительно сущности всего міра, причемъ закономѣрный міръ возникалъ у него постепенно — изъ первоначальной безосновности (Ungrund). Въ семи естественныхъ образахъ строился этотъ міръ. Въ темной терпкости пріобрѣтаетъ Первосущность свой образъ, безмолвно и неподвижно замкнувшись въ себѣ. Символомъ Соли объясняетъ Бёме эту терпкость. Такими опредѣленіями онъ приближается къ Парацельсу, который беретъ у химическихъ процессовъ имена для обозначенія явленій природы **). Благодаря поглощенію своей противуположности вступаетъ первый естественный образъ (природы) въ форму второго; терпкое неподвижное получаетъ движеніе; сила и жизнь вливаются въ него. Ртуть является символомъ для этого второго образа. Въ борьбѣ покоя и движенія, смерти и жизни раскры-

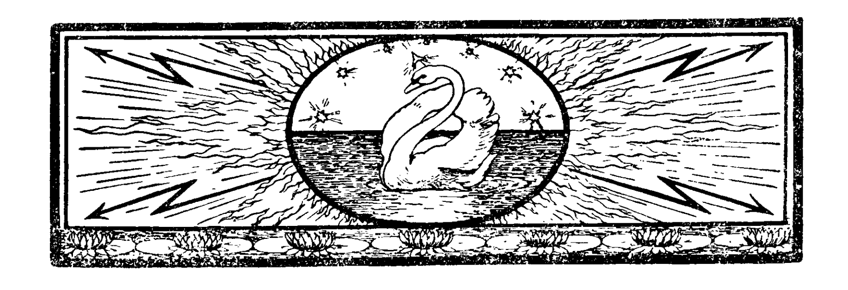
*) Ungrunde.

**) См. конецъ статьи о Парацельсѣ въ № 10 „Вѣстн. Теософ.“.

вается третій образъ природы (сѣра). Эта внутри себя борящаяся жизнь раскрывается для себя; она живетъ отнынѣ не внѣшней борьбой своихъ членовъ; ея сущность пронизывается какъ все освѣщающей молніей (огонь). Этотъ четвертый образъ природы поднимается къ пятому, къ заключенной въ себѣ самой живой борьбѣ частей (вода). На этой ступени появляется внутренняя терпкость и безмолвіе, какъ на первой ступени; только это не абсолютный покой, не безмолвіе внутреннихъ противуположностей, но внутреннее движеніе противуположностей. Здѣсь заключается не покойное, но подвижное, воспламененное огненной молніей четвертой ступени. На шестой ступени Первосущность сознаетъ себя самою какъ эту внутреннюю жизнь; она воспринимаетъ себя черезъ посредство органовъ чувствъ. Этимъ шестымъ образомъ природы являются одаренныя чувствомъ живыя существа. Яковъ Бёме называетъ ихъ „звукъ“ и ставитъ такимъ образомъ чувственное воспріятіе звука символомъ чувственнаго воспріятія вообще. Седьмымъ образомъ природы является поднимающійся на основѣ своихъ чувственныхъ воспріятій Духъ (Мудрость). Онъ снова находитъ себя внутри строящагося на безосновности, изъ гармоніи и дисгармоніи образующагося міра, какъ свое я, какъ первопричину всего, „Святой Духъ вноситъ отблескъ царственнаго величія въ сущность, въ которой Божественность стоитъ раскрытой“.

Съ такими представленіями Яковъ Бёме ищетъ обосновать тотъ міръ, который, по воззрѣніямъ его времени, онъ считалъ реальнымъ. Дѣйствительностью для него являлось все то, что признавалось наукой его времени и Библіей. Большая разница между способомъ его воспріятія и признаваемой имъ дѣйствительностью. Способъ этотъ можно отнести и къ совершенно иной дѣйствительности, и это естественно для Якова Бёме, который могъ бы такъ же успѣшно жить и на рубежѣ XIX и XX столѣтій. Только въ этомъ случаѣ его способъ представленія проникалъ бы не въ библейское шестидневное Твореніе и не въ борьбу между ангелами и дьяволомъ, а въ геологическія утвержденія Ляйеля и въ факты „естественной исторіи творенія“ Геккеля. Кто проникъ въ духъ писаній Якова Бёме, тотъ неминуемо долженъ прійти къ такому выводу. Главнѣйшія произведенія Якова Бёме слѣдующія: *„Восходящая утренняя заря“. „Три Начала Божественной жизни или о троичной жизни человѣка“. Signatura Rerum или о рожденіи и объ отличіяхъ всѣхъ существъ“. Mysterium Magnum.*

Перев. Е. П.



Проблема зла и страданія.

А. Безантъ.

Братья! сегодня я буду говорить вамъ о проблемѣ, занимавшей умы людей впродолженіи многихъ тысячелѣтій,—проблемѣ, о которой и нынѣ спорятъ такъ же усердно, съ такой же энергіей, какъ еслибы ее никогда не разбирали раньше. Продолжительность этого спора и упорное возвращеніе къ нему человѣческаго ума доказываютъ, что проблема эта еще не рѣшена. Повидимому, человѣкъ инстинктивно чувствуетъ, что рѣшеніе ея научило бы его многому важному и цѣнному и что за „тайной зла" кроется какая то безцѣнная истина.

Я не заявляю притязанія разрѣшить эту старую какъ вѣкъ проблему, но надѣюсь представить вамъ нѣкоторыя соображенія, которыя прольютъ, быть можетъ, свѣтъ на этотъ вопросъ.

Свою тему я дѣлю на четыре части:

1. Происхожденіе зла.
2. Относительность зла.
3. Значеніе зла.
4. Прекращеніе страданія.

Я надѣюсь показать вамъ, что зло есть необходимая часть проявленія, необходимое его условіе и что оно возникаетъ одновременно съ проявленіемъ. Вы увидите также, что зло не абсолютно, но относительно,—относительно потому, что существуетъ лишь въ отношеніяхъ между предметами, а не въ самыхъ предметахъ, а также потому, что оно постоянно мѣняется, сообразно времени, порядку вещей и эволюціи вселенной. Затѣмъ, я надѣюсь показать вамъ цѣли, къ которымъ черезъ страданія ведетъ зло,

пользу, приносимую имъ, и, наконецъ, способъ, какимъ мы можемъ избѣжать зла, и, пользуясь имъ, разорвать цѣпи, приковывающія насъ къ колесу рожденія и смерти. Я постараюсь доказать, какъ можно, живя въ мірѣ, жить въ немъ, не порождая кармы и такимъ образомъ „сжечь карму въ огнѣ знанія".

Начнемъ съ вопроса о происхожденіи зла. Прежде всего надо понять, что не могло бы быть никакого проявленія вселенной, никакого проявленія вообще, ни множественности, ни различія, еслибы не было ограниченія. Попытаюсь выяснить вамъ это первое положеніе.

Единое Бытіе, именуемое въ Индіи *Браманъ*, абсолютно и недѣлимо, оно не имѣетъ аттрибутовъ и качествъ. Оно есть единство, а не различіе, не множество. Оно есть „Единое, за которымъ нѣтъ второго". Думая объ этомъ Единомъ Бытіи, мы самымъ актомъ мышленія уже себя отдѣляемъ отъ Него; пытаясь понять Единаго, мы самымъ этимъ мысленнымъ усиліемъ вносимъ двойственность въ то, что хотимъ считать единствомъ. Гдѣ есть раздѣленіе между мыслителемъ и предметомъ мысли, раздѣленіе, обусловливаемое актомъ мышленія, тамъ есть и различіе; слѣдовательно, это не Бра̀манъ, не Единое, въ которомъ нѣтъ отдѣльнаго бытія, въ которомъ нѣтъ двойственности. Мысль включаетъ въ себѣ воспріятіе и предметъ воспріятія, а Бра̀манъ есть абсолютное единство, абсолютная тождественность. Мы ищемъ мысли тамъ, гдѣ она не можетъ существовать. Это Бытіе абсолютно, слѣдовательно, непостижимо, и слѣдовательно, неограниченно.

И потому справедливо написано, что Оно ни сознательно, ни безсознательно, хотя въ немъ находится глубочайшая Сущность, которая при ограниченіи становится сознательностью,—при ограниченіи, потому что сознаніе заключаетъ въ себѣ двойственность: въ немъ два понятія, нѣчто сознающее и нѣчто сознаваемое. Слѣдовательно, двойственность является съ самаго того момента, какъ употреблено слово „сознаніе", такъ что въ абсолютномъ единствѣ, гдѣ находится тождественность, а не различіе, гдѣ есть только Единое, не имѣющее за собой второго, нѣтъ возможности мышленія, потому, что тамъ нѣтъ условности, и потому нѣтъ и ограниченія. Но съ момента возникновенія вселенной появляются условность и ограниченіе. Ограниченіе есть условіе проявленія, ибо при первой мысли о началѣ проявленія вокругъ центральной точки должна быть описана окружность, кругъ вселенной; безъ этого мысль теряется въ абсолютномъ единствѣ и

тождественности. Мысль можетъ дѣйствовать лишь внутри этого круга и самое слово „проявленіе“ включаетъ въ себѣ это ограниченіе. Понятіе о проявленіи по закону логики — включаетъ въ себѣ и противоположное понятіе — отсутствіе проявленія. Все, о чемъ бы вы ни думали, имѣетъ прямую противоположность себѣ, ибо противоположеніе заключено въ самомъ фактѣ опредѣленія. Понятіе объ „А“ включаетъ въ себѣ и противоположное ему понятіе объ не „А“. Поэтому, познавъ проявленіе, мы принуждены признать и отсутствіе проявленія, но трудно представить себѣ это мысленно. Въ проявленіи должно заключаться ограниченіе. Ограниченіе—находится въ самомъ фактѣ существованія вселенной; оно (это существованіе) условно и, потому, ограниченіе нераздѣльно со вселенной; только посредствомъ процесса ограниченія можетъ возникнуть вселенная. Безконечное Единство, которое можно разсматривать какъ предѣлъ всякой мысли, устанавливаетъ ограниченія внутри самого себя. Вникнувъ въ это положеніе и уяснивъ его себѣ, легко сдѣлать слѣдующій шагъ. Всякое различіе, всякое ограниченіе заключаетъ въ себѣ несовершенство. Совершенство неограниченно; ограниченное же — несовершенно. Такимъ образомъ, несовершенство должно являться результатомъ ограниченія. Въ цѣломъ вы можете найти совершенство,—въ цѣломъ, но не въ частяхъ его. Съ того момента, какъ являются части, множественность, различные предметы, каждый изъ нихъ въ отдѣльности несовершененъ, потому что онъ меньше цѣлаго. Самый тотъ фактъ, что данная вещь есть часть, а не цѣлое, доказываетъ ея несовершенство.

Таково второе наше положеніе.

Первое—фактъ проявленія, нераздѣльнаго съ ограниченіемъ, такъ что ограниченіе становится источникомъ различія предметовъ. Второе—неизбѣжность несовершенства отдѣльныхъ предметовъ, въ силу того, что каждый изъ нихъ меньше всего цѣлаго, которое одно только можетъ считаться совершенствомъ. Обратите вниманіе на связь этихъ положеній. Замѣтьте, что самый фактъ существованія вселенной включаетъ въ себѣ несовершенство. Если вы возстаете противъ несовершенства, вы возстаете и противъ проявленія. Если вы возстаете противъ ограниченія, вы должны отрицать все, что доступно мысли, все, чему можно приписать сознаніе, все, за исключеніемъ абсолютнаго единства, совершенно непостижимаго для мысли. Такимъ образомъ, мы имѣемъ точкой отправленія тотъ фактъ, что возникновеніе вселенной посредствомъ ограниченія неминуемо ведетъ за собой несовер-

шенство ограниченнаго и что, такъ какъ каждый предметъ по необходимости ограниченъ, въ силу необходимости же онъ будетъ несовершененъ, какъ часть, меньшая, чѣмъ цѣлое. Признавъ это, вы поймете происхожденіе несовершенства, или такъ называемаго зла. И такъ, несовершенство нераздѣльно со вселенной. Несовершенство необходимо, какъ условіе, такъ что, одновременно съ появленіемъ какой бы то ни было вселенной, должно появиться и несовершенство. Начало несовершенства лежитъ въ самомъ фактѣ проявленія. Но когда мы доходимъ до такъ называемаго зла, намъ приходится брать въ соображеніе нѣчто кромѣ этого необходимаго несовершенства отдѣльныхъ предметовъ: хотя источникъ несовершенства кроется въ самомъ фактѣ существованія вселенной, однако то, что мы называемъ зломъ, лежитъ въ степени этого несовершенства и въ его отношеніи къ остальному міру. Уже въ самыхъ словахъ „добро и зло" заключена относительность; они неизбѣжно приводятъ къ признанію „пары противоположностей"; нельзя приложить къ чему бы то ни было слово „добро", не представляя себѣ въ то же время понятія о злѣ, о „не добрѣ", ибо добро и зло суть взаимно связанные термины, каждый изъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ лишь какъ противоположность другому, неизбѣжно приходящему на умъ въ то же самое время. Основной законъ работы разума состоитъ въ томъ, что мысль должна дѣйствовать посредствомъ различія, распознавая разницу, технически говоря, между „А" и „не А", причемъ „А" представляетъ собою отдѣльную вещь, служащую предметомъ мышленія, а „не А"—все остальное, не входящее въ составъ данной вещи. Такимъ образомъ, говоря „добро", вы отдѣляете его отъ того, что отличается отъ него, отъ „не добра". Безъ этого раздѣленія въ умѣ не могло бы возникнуть никакого понятія о добрѣ, ибо мы сознаемъ добро лишь какъ контрастъ съ „не добромъ", отличающимся отъ него. При отсутствіи этого различія мы бы ничего не могли назвать добромъ. „Добро" и „не добро" есть, слѣдовательно, пара противоположностей и каждая изъ нихъ можетъ существовать лишь при условіи существованія другой. Подобнымъ образомъ, вы можете взять другую пару противоположностей. Сравните свѣтъ и тьму. Слово „свѣтъ" ничего бы не значило для мысли, не будь мрака или „не свѣта". Мысль познаетъ „свѣтъ" лишь въ силу отличія его отъ „не свѣта". Мысль признаетъ извѣстныя тѣла свѣтящимися лишь потому, что остальныя тѣла не свѣтятся—и это настолько вѣрно, что присутствіе, не дающихъ отъ себя свѣта, темныхъ тѣлъ необходимо для

проявленія свѣта. Астрономы говорятъ намъ, высказывая это научное положеніе, что въ безднахъ небеснаго пространства не свѣтъ, а тьма, хотя бездны эти полны тѣхъ самыхъ эфирныхъ вибрацій, которыя мы на землѣ называемъ свѣтомъ. Почему же это такъ? Потому, что тамъ, въ неизмѣримыхъ пространствахъ великой вселенной, нѣтъ тѣхъ свѣтоотражающихъ, но самихъ по себѣ темныхъ тѣлъ; а за неимѣніемъ этихъ темныхъ тѣлъ, не можетъ отражаться, отбрасываться и свѣтъ. Отсюда вытекаетъ, что пространство, полное вибрацій свѣтового эфира, абсолютно темно, за отсутствіемъ въ немъ тѣлъ, темныхъ самихъ по себѣ, но отражающихъ свѣтъ.

Продолжимъ развитіе этой мысли. Насколько мы можемъ судить по окружающимъ насъ явленіямъ, зло само по себѣ не существуетъ; оно, какъ и добро, заключается въ соотношеніи предметовъ между собой; оно относительно, а не абсолютно. То, что мы считаемъ зломъ въ одномъ мѣстѣ, можетъ не быть имъ въ другомъ, такъ какъ эволюція включаетъ въ себѣ смѣну характера вещей; и то, что было добромъ въ одной ея стадіи, можетъ сдѣлаться зломъ въ другой. Теперь я возьму нѣкоторыя вещи, считаемыя нами дурными, и покажу вамъ, что зло находится не въ нихъ самихъ, а только въ отношеніи между ними и другими предметами. Я возьму наглядный примѣръ для иллюстраціи своихъ словъ. У васъ можетъ быть сильно вибрирующее тѣло; оно вибрируетъ безъ соприкосновенія съ другимъ тѣломъ; его вибраціи распространяются и наружу и во внутрь, не причиняя ни вреда, ни боли. Результатъ этого активнаго движенія тѣла не будетъ содержать въ себѣ ничего такого, что мы признали бы зломъ. Но приведите въ соприкосновеніе съ этимъ сильно вибрируюшимъ тѣломъ другое тѣло: если оно способно отвѣчать на внѣшнюю вибрацію, получится то, что мы называемъ удовольствіемъ. Соприкасаясь съ первымъ тѣломъ, и получая толчокъ, оно испытываетъ ощущеніе, извѣстное намъ подъ именемъ боли. Боль считается одной изъ формъ зла. Но на дѣлѣ боль есть лишь результатъ соприкосновенія двухъ предметовъ, безвредныхъ въ отдѣльности; она возникаетъ изъ взаимнаго соотношенія вещей, которыя въ отдѣльности безвредны, но только несовершенны каждая сама по себѣ. Становясь въ извѣстное отношеніе другъ къ другу, онѣ какъ бы взаимно противодѣйствуютъ; тогда является то, что мы считаемъ зломъ, и характеръ этого результата будетъ зависѣть даже не отъ природнаго несовершенства данныхъ вещей, а отъ ихъ взаимоотношенія. Это приводитъ насъ къ тому выводу, что

вмѣстѣ *съ ходомъ эволюціи развивается все больше и больше и такъ называемое зло.*

Эволюція, по мѣрѣ своего развитія, даетъ сознательное существованіе все высшимъ и высшимъ организмамъ, все высшимъ и высшимъ типамъ живыхъ существъ, которыя вступаютъ во все болѣе и болѣе сложныя взаимоотношенія, и въ этихъ организмахъ все сильнѣе развивается способность отвѣчать на внѣшніе импульсы. Въ нихъ развивается также память и способность сопоставлять предметы, т. е. сравнивать ихъ, и затѣмъ, разсматривая результаты сравненія, желать. Впослѣдствіи же опытъ, пріобрѣтаемый постепенно, просвѣщаетъ развивающееся сознаніе, пріучаетъ его смотрѣть на нѣкоторыя вещи какъ на идущія противъ прогресса, противъ высшей эволюціи, какъ на замедляющія эту эволюцію, останавливающія ее и приводящія къ разъединенію вмѣсто высшаго сліянія. Что собственно такое эволюція? Это просто созиданіе все высшихъ и болѣе сложныхъ организмовъ, которые выражаютъ все съ большимъ и большимъ совершенствомъ божественную жизнь, стремящуюся проявиться во вселенной. Говоря о высшемъ или низшемъ проявленіи, мы подразумѣваемъ только большую или меньшую степень проявленія Божества. Мы называемъ проявленіе высшимъ или низшимъ, смотря по тому, насколько развиваемыя имъ свойства клонятся къ уменьшенію обособленности и достиженію единства, т. е. насколько они отклоняются отъ полюса матеріи къ полюсу духа. Самую внѣшнюю сторону проявленія Единой Жизни мы зовемъ матеріей. Итакъ, существуютъ два полюса проявленія: съ одной стороны форма или матерія, съ другой —жизнь или духъ. Это два противоположные полюса единой вѣчной жизни; весь процессъ эволюціи состоитъ въ томъ, что эта жизнь въ ея двойственномъ видѣ выражается внѣшнимъ образомъ, производя различія, а затѣмъ, достигнувъ предѣловъ этого различія, втягивается обратно, возсоединяя различныя обособленныя единицы въ одно могучее и обогащенное цѣлое. Изливающаяся жизнь ищетъ различія, поэтому можно сказать, что она клонится къ полюсу матеріи. Втягивающаяся обратно жизнь ищетъ единства, слѣдовательно, о ней можно сказать, что она притягивается къ полюсу духа. Здѣсь есть надъ чѣмъ пораздумать мыслящему человѣку. Если мы называемъ добромъ все, что дѣйствуетъ въ гармоніи съ Великимъ Закономъ, а зломъ все, противящееся ему, тогда мы найдемъ, что качества, считаемыя—и совершенно правильно —дурными въ настоящее время: своекорыстіе, жажда матеріальныхъ выгодъ и

т. п., были хорошими прежде, въ періодъ нисхожденія духа въ матерію, такъ какъ только посредствомъ нихъ могло возникнуть необходимое въ то время различіе. Теперь же эти качества считаются дурными, какъ замедляющія процессъ соединенія, какъ препятствующія идущей обратно, къ полюсу духа, волнѣ Жизни. Мы видимъ относительность зла и понимаемъ, что качество, бывшее нѣкогда хорошимъ и способствовавшее прогрессу вселенной, становится дурнымъ, когда ходъ эволюціи оставляетъ его за собой и, когда, попадая въ стадію высшую, чѣмъ та, которая ему свойственна, это качество начинаетъ замедлять прогрессъ, которому прежде способствовало. Эволюція на своемъ обратномъ пути стремится развивать въ природѣ преимущественно полюсъ жизни, придаетъ матеріи какъ бы все болѣе и болѣе пластичную, утонченную и сложную организацію, пока, въ силу самой этой сложности, равновѣсіе матеріи дѣлается настолько неустойчивымъ, что она начинаетъ очень легко принимать всевозможныя формы подъ давленіемъ внутреннихъ импульсовъ и все въ болѣе и болѣе полной мѣрѣ проявлять Жизнь. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, эта матерія станетъ ничѣмъ инымъ, какъ только утонченнымъ проводникомъ жизни; этотъ проводникъ легко мѣняетъ свой видъ съ каждымъ новымъ импульсомъ, даваемымъ ей приливомъ и отливомъ жизни. Это и есть эволюція. Начиная понимать значеніе эволюціи, человѣкъ смотритъ на все, что идетъ вмѣстѣ съ нею, какъ на согласное съ цѣлями вселенной и поэтому содѣйствующее большему и большему сліянію, образованію единаго сложнаго цѣлаго. Тогда добромъ будетъ для него все, что дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, а зломъ—всѣ наклонности, господствовавшія въ прежней стадіи эволюціи, въ той стадіи, когда требовалась величайшая дифференціація. Признавъ, что теперешняя эволюція есть процессъ сліянія отдѣльныхъ предметовъ въ совершенное единство, человѣкъ назоветъ добромъ то, что стремится къ гармоніи, къ единенію, къ развитію высшаго единства, къ проявленію все болѣе и болѣе совершенному божественной Жизни. Зломъ же будетъ для него то, что вводитъ отжившія формы прошлаго въ настоящее и замедляетъ переходъ къ относительно высшему и совершенному.

Продолжая изслѣдованіе въ томъ же направленіи, что же мы найдемъ? Мы увидимъ, что любой факторъ прошлой стадіи эволюціи, отнюдь не бывшій тогда зломъ, становится таковымъ, когда, сохраняясь на высшей ступени той же эволюціи, онъ замедляетъ ея ходъ. Напримѣръ, въ минеральномъ царствѣ вы

видите, какъ вулканическое изверженіе выбрасываетъ минералы и камни, вы видите землетрясеніе, усиленное образованіе газовъ, сопровождаемое взрывами, вы видите пустыню на мѣстѣ плодородной равнины и говорите: вотъ это зло. Тѣ же, кто мудрѣе васъ, наоборотъ, смотрятъ на все это, какъ на часть возстановительнаго процесса, который посредствомъ разъединенія и сочетанія даетъ возможность проявиться новымъ комбинаціямъ матеріи. Благодаря этому процессу, мѣняется лицо земли, поднимаются горные хребты, образуются стоки для рѣкъ; эта разрушительная сила образуетъ новые материки, гдѣ могутъ явиться, по мѣрѣ хода эволюціи, новыя формы жизни. Остановимся на минуту на вопросѣ объ образованіи материка. Взгляните на ужасающую работу вулканическихъ силъ; одновременно съ этой работой возникаютъ горныя цѣпи, затѣмъ, образуются громадные ледники, массы льда, которыя и сползаютъ съ горы въ долину. Посмотрите, съ какой неодолимой силой прорѣзываютъ они себѣ путь, послушайте, какъ они движутся, разбивая, дробя, сплющивая, разбрасывая массы камня; прослѣдите этотъ процессъ борьбы, столкновенія, шума, смятенія, преодолѣванія; повидимому, вся эта энергія не направлена ни на что другое, кромѣ разрушенія. Но проходятъ вѣка—и вы замѣчаете, что тамъ, гдѣ былъ ледникъ, образовался прорѣзывающій горные склоны и долины стокъ, ложбина, въ которой скопляется, постепенно заполняя ее, вода, пока наконецъ, вмѣсто ледяныхъ массъ съ ихъ разрушительнымъ дѣйствіемъ не появится рѣка, полная животворной влаги. Тамъ, гдѣ течетъ эта рѣка, появляется растительность, строятся большіе города, растетъ пища для поддержанія жизни людей, поднимаются могучія деревья и виднѣются человѣческія жилища—словомъ, повсюду разливается довольство. А каковъ былъ бы человѣческій удѣлъ безъ предыдущей эволюціи? Мы можемъ заключить, что не будь разрушительной дѣятельности первыхъ періодовъ жизни, не было бы и благоденствія дальнѣйшихъ ея стадій; поэтому, нельзя назвать эту дѣятельность зломъ. Зла самого по себѣ нѣтъ; есть только дѣйствіе разрушительныхъ и созидательныхъ силъ. Бытіе, которое есть источникъ всей жизни, великое То, Богъ—познается нами и какъ Созидатель, и какъ Разрушитель *), ибо безъ разрушенія низшей формы не можетъ появиться высшая и всякая смерть есть только иной видъ рожденья.

Обратимся къ человѣку, къ существу, въ которомъ постепенно развился разсудокъ, которое научилось уже вспоминать и,

*) Вишну и Шива.

слѣдовательно, судить и понимать. Это существо достигло въ своей эволюціи уже той стадіи, когда въ немъ развивается божественная Любовь, той стадіи, на которой причиненіе вреда другимъ идетъ въ разрѣзъ съ этой эволюціей. Поэтому, когда среди людей появляются разрушительныя силы (лежащія въ основаніи всѣхъ человѣческихъ страстей), мы называемъ ихъ дѣйствіе „преступленіемъ". Почему, напр., мы считаемъ убійство дурнымъ дѣломъ? Потому, что въ немъ убійца возвращается къ прошедшей стадіи эволюціи, которую онъ уже долженъ бы былъ перерасти. Въ качествѣ человѣка онъ уже долженъ бы былъ развить въ себѣ стремленіе къ высшей жизни, къ жизни единства и гармоніи, вмѣсто же этого онъ поощряетъ въ себѣ наклонности, которыя замедляютъ его ростъ и на достигнутой имъ стадіи опасны для него. На той ступени эволюціи, которой этотъ убійца долженъ былъ достичь, онъ обязанъ быть одной изъ тѣхъ силъ, которыя стремятся къ божественному единству, а не тѣхъ, которыя препятствуютъ этой эволюціи и замедляютъ ея совершеніе.

Теперь коснусь силъ, противодѣйствующихъ процессу эволюціи. Возьмемъ человѣка, который понимаетъ, что въ сферѣ мысли и дѣйствія онъ можетъ стать или на сторону прогресса, или на сторону замедленія его, человѣка, который знаетъ свое мѣсто въ мірѣ, знаетъ истинную работу природы и добровольно можетъ стать или на сторону эволюціи жизни, или пойти съ силами сопротивленія.

Человѣкъ можетъ присоединиться или къ той изъ нихъ, которая направляется къ сліянію съ Божествомъ, или къ той, которая замедляетъ эволюцію: выборъ въ его власти. Но, да будетъ ему извѣстно, что, выбирая замедленіе эволюціи, онъ выбираетъ и свое собственное разрушеніе, ибо въ этомъ случаѣ онъ отождествляется съ разрушительной силой. Выбирая же гармонію съ эволюціей жизни, онъ обезпечиваетъ продолженіе своего существованія, ибо тогда онъ отождествляется съ закономъ прогресса и самый фактъ этого отождествленія даетъ ему элементъ постоянства, являющійся результатомъ гармоніи. Вы можете спросить, почему отождествленіе съ силами сопротивленія приводитъ къ разрушенію? Потому, что божественная жизнь, совершая свой путь и развивая міровую эволюцію, возвращается снова къ единству; все, гармонирующее съ ея величавымъ движеніемъ, движется также впередъ безъ затраты собственной энергіи; все же, идущее въ разрѣзъ съ нимъ, все, что причиняетъ треніе и замедленіе, разрушается этимъ, имъ же самимъ вызваннымъ треніемъ.

Одинъ изъ законовъ движенія заключается въ томъ, что тѣло, разъ приведенное въ движеніе, продолжаетъ двигаться безостановочно, если ничто не препятствуетъ ему; но если соприкосновеніе его съ какимъ-либо другимъ вызываетъ треніе, оно мало по малу останавливается. Гдѣ есть треніе, тамъ и трата энергіи и переведеніе двигательной силы въ другой видъ энергіи, напримѣръ, въ теплоту, причемъ происходитъ разсѣиванье энергіи: продолжительное треніе приводитъ къ разрушенію форму, которая подверглась тренію. Уничтожается и разсѣивается не энергія, этого не можетъ быть; распадается ея форма, приходящая въ соприкосновеніе съ другой формой, въ которой проявляется противоположная сила. Форма гибнетъ потому, что сопротивленіе разбиваетъ ее на части, или, скорѣе, потому, что она сама разбивается на части, сталкиваясь съ противоположной силой; энергія же остается такой, какой она есть, частью единой вѣчной Жизни. Но вы можете спросить, для чего нужны эти силы сопротивленія? Почему въ эволюціи должно существовать замедленіе и противодѣйствіе? Откуда и какъ оно можетъ взяться, если все исходитъ отъ Единаго? Во-первыхъ, причина этого явленія заключается въ томъ, что всѣмъ положительнымъ свойствамъ необходима для ихъ развитія борьба съ препятствіями. Безъ этого немыслимо никакое развитіе, никакой ростъ; и ростъ, и развитіе являются слѣдствіемъ упражненія энергіи надъ чѣмъ-либо сопротивляющимся ей. Поразмысливъ немного, вы увидите, насколько это справедливо. У васъ имѣются на рукахъ мускулы—и если вы захотите развить ихъ, какъ приметесь вы за это? Вы станете упражнять ихъ, побуждать къ работѣ, а не оставлять въ покоѣ. Извѣстно, что нѣкоторые люди практикуютъ извѣстную форму аскетизма, заключающуюся въ томъ, что они протягиваютъ руку и держатъ ее не сгибая, такъ что ея мускулы не могутъ сокращаться. Что же изъ этого выходитъ? Послѣ нѣкотораго времени рука становится неподвижной въ этомъ положеніи; она не сгибается болѣе; ея мускулы потеряли способность сокращаться; по нимъ больше не льется жизненная сила; здѣсь застой, отсутствіе усилій, мускульнаго сокращенія, борьбы съ сопротивленіемъ. Въ результатѣ получается то, что рука какъ бы идетъ назадъ, принимаетъ низшую форму проявленія жизни, форму, для которой движеніе въ цѣломъ не составляетъ необходимости. Эта рука становится такой несгибаемой, какъ камень или кусокъ дерева; она утратила свою мускульную силу вслѣдствіе недостатка упражненія, вслѣдствіе того, что она оставалась въ покоѣ и неподвиж-

ности и черезъ это потеряла способность двигаться. Но что дѣлаетъ человѣкъ, если ему требуется развить свои мускулы? Онъ беретъ массивную палку или гимнастическія гири, вообще, что нибудь тяжеловѣсное и затѣмъ поднимаетъ его, вращаетъ, двигаетъ, словомъ, заставляетъ свои мускулы противодѣйствовать вѣсу. Онъ поднимаетъ тяжесть съ земли; ея вѣсъ тянетъ его внизъ, а онъ поднимаетъ ее кверху. Слѣдствіемъ этого столкновенія двухъ силъ является развитіе мускульной энергіи, развитіе силы въ мускулахъ. Мускульная система развивается посредствомъ противодѣйствія тяжести, она становится отъ этого сильнѣе и болѣе способной преодолѣвать сопротивленія; такимъ образомъ, по мѣрѣ упражненія она развивается все больше и дѣлается сильнѣе, чѣмъ была прежде. Развитіе мускуловъ является слѣдствіемъ того, что они употреблялись для противодѣйствія сопротивленію и путемъ упражненія преодолѣвали его; эта борьба дала имъ жизнь и крѣпость, ибо, по мѣрѣ увеличенія способности мускула къ воспріятію жизни, вливается въ него и самая жизнь, а сила, которую мы можемъ почерпнуть изъ окружающей насъ божественной жизни, ограничена только нашей способностью воспринимать и удерживать ее. Въ этомъ состоитъ польза зла. Жизнь, находящаяся въ васъ, не можетъ проявить высшихъ своихъ свойствъ, пока вы не будете окружены условіями, при которыхъ для нея путемъ борьбы съ сопротивленіемъ, станетъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе. Зло выполняетъ роль тяжести, преодолѣваемой напряженіемъ мускуловъ, и, подобно тому, какъ борьба съ сопротивленіемъ внѣшней тяжести развиваетъ внѣшній организмъ, борьба со зломъ—противовѣсомъ добродѣтели—развиваетъ моральный характеръ. Каждая добродѣтель имѣетъ соотвѣтственно противоположное ей дурное качество. Правдивость и лживость, храбрость и трусость, состраданіе и ненависть, смиреніе и гордость—все это пары противоположностей. Какъ можетъ въ васъ развиться правдивость, если вы не будете бороться съ ложью, сознавая себя окруженными ею со всѣхъ сторонъ? Что можете вы дѣлать, увидѣвъ силу лжи, какъ не противодѣйствовать ей силой собственной правдивости? Пусть не одно лживое слово никогда не срывается съ вашихъ устъ; пусть ни одной лживой мысли не будетъ у васъ на умѣ; пусть ни одинъ ложный поступокъ не исказитъ вашей жизни и результатомъ этого сознательнаго отношенія ко лжи явится развитіе въ васъ силы, необходимой для того, чтобы быть правдивымъ. По мѣрѣ того, какъ вы боретесь съ собственной наклонностью ко лжи, въ васъ разви-

вается все возрастающая способность быть правдивымъ. Что же такое Истина? Истина—это Браманъ, Богъ; это—жизнь, это—суть того, что мы зовемъ божественной жизнью. И мы достигаемъ ея, борясь съ ложью, развивая въ себѣ правду, служащую вмѣстилищемъ божественной жизни. По мѣрѣ того, какъ эта правдивость растетъ и крѣпнетъ въ васъ отъ борьбы съ ложью, такъ же, какъ мускулъ дѣлается сильнѣе отъ борьбы съ сопротивленіемъ, вашъ характеръ начинаетъ вмѣщать въ себѣ божественную жизнь, ту, которая, заполняя его все болѣе, будетъ для васъ источникомъ все возрастающей силы. Такимъ образомъ, вы разовьете въ себѣ правдивость, чего никогда не случилось бы, не будь сопротивленія, и это качество, пріобрѣтенное вами въ большей или меньшей мѣрѣ (пропорціонально энергіи, развитой вашими усиліями въ борьбѣ съ ложью), очиститъ вашу природу отъ лжи и сдѣлаетъ чистой вашу жизнь. То же самое и со всякимъ другимъ душевнымъ свойствомъ. Храбрость развивается въ присутствіи, а не въ отсутствіи того, чего вы боитесь. Еслибы совсѣмъ не существовало вещей, возбуждающихъ страхъ, никогда бы не развилась и храбрость; но ихъ присутствіе увеличиваетъ опытъ души и постепенно развиваетъ въ ней храбрость. Наблюдали-ли вы когда нибудь, какъ то, что сперва пугало ребенка, что было для него предметомъ ужаса, по мѣрѣ того, какъ становилось ему знакомымъ, теряло свое устрашающее дѣйствіе? Посмотрите, какъ робокъ маленькій ребенокъ, какъ даже постороннее лицо пугаетъ его. Чѣмъ можно заставить дитя потерять свою робость и стать храбрымъ? Отнюдь не запираньемъ его въ комнату, гдѣ оно никогда бы никого не увидѣло. Если вы будете держате его взаперти, не допуская къ нему никого посторонняго, оно вовсе не испытаетъ чувства страха, но и не обрѣтетъ нужнаго опыта. Страхъ возбуждаютъ въ немъ незнакомые предметы; когда же оно начнетъ постепенно знакомиться съ ними, этотъ страхъ, благодаря постояннымъ опытамъ, исчезнетъ и взамѣнъ его явятся твердость и ловкость.

Можно бы было, такимъ образомъ, перебрать одну за другой всѣ добродѣтели и доказать, что онѣ развиваются только тогда, когда имѣютъ дѣло съ сопротивленіемъ, и что въ результатѣ столкновенія противоположныхъ силъ кроется значеніе силъ сопротивленія энергіи. Вотъ въ чемъ смыслъ зла, которое дѣйствуетъ какъ противовѣсъ стремленію къ совершенству и этимъ развиваетъ силу, искореняющую въ человѣкѣ желаніе обладать временнымъ, тѣмъ, что обречено на разрушеніе. Не будь зла, не

было бы и силы, необходимой для эволюціи совершенства. Присутствіе зла во вселенной даетъ добру возможность расти, а совершенству возможность побѣждать. Такъ же не должны мы забывать и основной смыслъ зла: развитіе способности различать между добромъ и зломъ и вытекающій отсюда результатъ—способность хотѣнія, выбора. Какъ могли бы мы познать истину, еслибы не представляли ее себѣ, какъ нѣчто отличное отъ не истиннаго? И какъ поняли бы мы ея значеніе, еслибы по опыту не знали разрушительныхъ послѣдствій лжи для человѣка и для общества? Сознаніе можетъ понять „А" лишь въ силу того, что существуетъ „не А" и послѣднее необходимо для опредѣленія перваго. Мы не можемъ понять истины, узнать и опредѣлить иначе, какъ отличая ее отъ не-истины. То же самое справедливо и относительно всякой добродѣтели и добра вообще. И распознаваніе зла возможно только *путемъ опыта.*

Зло полезно также въ качествѣ бича, заставляющаго насъ стремиться къ добру. Ибо зло есть ничто иное, какъ разногласіе съ развивающимися силами проявленной божественной Жизни; слѣдовательно, результатомъ его должно явиться страданіе. Сущность страданія въ дисгармоническихъ вибраціяхъ. Поэтому, зло неизбѣжно влечетъ за собой страданіе не какъ произвольную кару, но какъ естественную необходимость. Страданіе же вызываетъ чувство отвращенія къ вызвавшей его причинѣ и, такимъ образомъ, отвлекаетъ человѣка отъ тѣхъ стихійныхъ силъ, которыя дисгармонически и бурно стремятся къ разъединенію, увлекая за собой все то, что добровольно присоединилось къ нимъ. Могучій потокъ божественной Жизни захватываетъ всѣхъ безъ исключенія людей, но въ немъ два теченія: одно несетъ внизъ всѣ дурныя и безпорядочныя формы и разрушаетъ ихъ, обращая ихъ опять въ грубый матеріалъ, для того, чтобы создать изъ нихъ новыя формы, тогда какъ другое теченіе поднимаетъ кверху все, что развивается въ надлежащемъ порядкѣ и что, дѣлаясь орудіемъ Божественнаго Закона, участвуетъ въ его вѣчномъ бытіи, какъ проявленіе Единой Реальности. Попытаюсь теперь показать вамъ, какъ можно избавиться отъ зла, и, какъ зло, постепенно теряетъ свою власть надъ нами, по мѣрѣ того, какъ Богъ, пребывающій въ насъ, раскрывается. Не забывайте, что такой взглядъ на зло даетъ вамъ возможность смотрѣть съ пониманіемъ, а слѣдовательно, и съ абсолютной терпимостью на всѣ окружающія васъ формы зла. Вы увидите въ нихъ неизбѣжное несовершенство; душа человѣческая, погрязшая въ грѣхѣ и злѣ, не вызоветъ

у васъ гнѣва или нетерпимости—вы будете знать, что она, именно благодаря злу, съ которымъ борется, постепенно пріобрѣтетъ ту силу, которая и дастъ душѣ восторжествовать надъ зломъ. Такимъ образомъ, вы въ концѣ концовъ поймете, что Божество пребываетъ во всемъ, въ хорошемъ, такъ же, какъ и въ дурномъ. И тогда вселенная наполнится для насъ надеждою, ибо мы признаемъ, что все идетъ къ совершенству и что добро и зло суть двѣ силы, одинаково содѣйствующія освобожденію души. Одна содѣйствуетъ тѣмъ, что влечетъ ее кверху; другая—тѣмъ, что разбиваетъ все временное, преходящее, къ чему привязывается душа и что отдѣляетъ ее отъ единства, слѣдовательно, и отъ Бога. Цѣль индивидуальнаго „я“ состоитъ въ томъ, чтобы работать въ одномъ направленіи съ божественной Жизнью; понявъ значеніе существованія вселенной, вы постараетесь использовать кажущееся зло, чтобы оно же и помогло вамъ освободиться отъ всего, что связываетъ васъ съ преходящей частью природы. Боль считается зломъ. Страданіе непріятно, но оно не зло; оно желательно, потому, что оно необходимое условіе достиженія совершенства. Чтобы ясно понять внутреннюю связь между этими двумя явленіями,—нужно не забывать, что наше развитіе должно стать сознательнымъ. Когда мы направляемся къ какому-либо внѣшнему предмету, притягивающему насъ, мы сперва ищемъ только удовлетворенія. Но внѣшніе предметы, притягивающіе къ себѣ ослѣпленную душу, не могутъ дать ей постояннаго удовлетворенія. Въ восточныхъ св. книгахъ душа часто уподобляется возницѣ, который правитъ колесницей и пользуется возжами для обузданія коней—точно также и душа должна пользоваться умомъ для обузданія чувствъ. Но когда эти чувства влекутъ душу къ предметамъ ея желаній, какъ можетъ она узнать, что эти предметы въ сущности вовсе не желательны? Какъ освободится она отъ оковъ неутомимаго желанія? И какъ научится она отвращаться отъ временнаго и желать только вѣчнаго, непреходящаго? Для этого ей нужно испытать огонь желанія и на опытѣ убѣдиться въ томъ, что все, что не Богъ, преходяще; ускользая отъ человѣка, все временное причиняетъ ему страданіе. Освободиться отъ желанія можно только сознаніемъ, что удовольствіе, доставляемое удовлетвореніемъ желаній, проходитъ очень скоро, что если продлить его слишкомъ долго, то за нимъ послѣдуетъ пресыщеніе, а за пресыщеніемъ—страданіе. Поэтому, человѣческая свобода и мудрость состоятъ именно въ томъ, чтобы освободиться отъ желанія чувственныхъ удовольствій. Если, привлекаемые ощущеніемъ

пріятнаго вкуса, мы убѣждаемся опытомъ, что крайнее его удовлетвореніе ведетъ за собой пресыщеніе и даже болѣзнь, мы приходимъ къ тому, что разумнѣе было бы желать чего нибудь иного, болѣе постояннаго, чѣмъ *такое* удовлетвореніе. Только тогда можно сказать, что корень этого желанія вырванъ и уже не пуститъ снова ростковъ. Но вы не убѣдите людей въ томъ, что это такъ, пока они сами не попробуютъ удовлетворить свои низменныя желанія и не испытаютъ вытекающихъ изъ этого печальныхъ плодовъ. Никакіе доводы и разсужденія ни къ чему не приводятъ; но когда люди сами пройдутъ черезъ опытъ, то они постигнутъ, что за чрезмѣрнымъ удовлетвореніемъ желанія слѣдуетъ нарушеніе здоровья и вслѣдъ за тѣмъ страданіе. И тогда люди перестанутъ удовлетворять себя такимъ способомъ, и въ нихъ начнется медленный процессъ вырыванія самого корня *желанія.* Только такъ искореняется желаніе. Вы можете освободиться отъ него лишь постепенно, узнавая на опытѣ, что удовлетвореніе всякаго желанія, которое *не* ведетъ человѣка къ прогрессу, къ совершенствованію, есть источникъ страданія и неминуемо приноситъ горе. Ничто, кромѣ такого опыта, не можетъ освободить насъ отъ желаній; не внѣшняя сила, но внутренняя воля должна разрушить желаніе и это достигается только путемъ страданія, путемъ испытаннаго страданія. Поэтому, страданіе, неправильно называемое зломъ, слѣдовало бы привѣтствовать, потому что оно ниспосылается человѣку, чтобы отвратить его отъ всего преходящаго и направить его къ вѣчному. Только этимъ путемъ онъ можетъ учиться; только страданіе рождаетъ въ немъ тѣ внутреннія стремленія, которыя влекутъ его къ совершенію *божественной Истины.* Но не слѣдуетъ понимать мои слова въ смыслѣ того, что надо удовлетворять свои желанія. Стадія полнаго удовлетворенія желаній есть стадія дѣтства души; она предшествуетъ той стадіи, когда память души, сохраняя прошлыя страданія, слѣдовавшія за удовлетвореніемъ желаній, проявляется впервые какъ голосъ совѣсти, который и предостерегаетъ низшую природу объ опасности подчиняться желаніямъ. Если душа уже достаточно опытна, чтобы давать подобныя предостереженія, то будетъ безуміемъ пренебречь ими. Полное удовлетвореніе желаній—признакъ той ступени развитія, на которой человѣкъ уступаетъ внѣшнимъ импульсамъ немедленно, безъ разсужденія, безъ вопроса и при этомъ не испытываетъ ни сожалѣнія, ни угрызеній совѣсти. Возникновеніе въ умѣ какого-бы то ни было вопроса объ этомъ, будетъ-ли умѣстно и

благоразумно удовлетворить данное желаніе, доказываетъ, что въ памяти души записано страданіе, послѣдовавшее за подобнымъ же удовлетвореніемъ въ прошломъ. Если же человѣкъ, вопреки предостереженію совѣсти, поддается желанію, то къ страданію, идущему отъ пресыщенія, присоединяется и страданіе отъ угрызеній совѣсти. Такимъ образомъ, человѣкъ учится, пока, наконецъ, ясно не пойметъ, что не слѣдуетъ покупать временнаго наслажденія въ настоящемъ цѣной страданія въ будущемъ. Тогда человѣкъ начинаетъ уничтожать въ себѣ желанія тѣмъ, что отказывается удовлетворять ихъ; помышляя о страданіяхъ, которыя слѣдуютъ за пресыщеніемъ, онъ подсѣкаетъ самый корень желанія сѣкирой, скованной изъ опыта. Всѣ люди средняго уровня, всѣ, за исключеніемъ развѣ самыхъ низшихъ и грубыхъ натуръ, достигли уже той стадіи, на которой слышенъ голосъ совѣсти, и поэтому они обязаны стремиться сознательно вверхъ, изъ тины матеріальности къ духовной жизни. Но какимъ образомъ можемъ мы разбить цѣпи, удерживающія насъ внизу? Цѣпи разбиваются тѣмъ неизбѣжнымъ опытомъ, который накапливается жизнь за жизнью и даетъ душѣ знаніе вселенной и ея законовъ. Желаніе есть цѣпь; пока оно останется въ мірѣ, люди будутъ воплощаться снова и снова. Доброе желаніе притянетъ ихъ обратно на землю точно также, какъ и злое: желаніе религіознаго блаженства точно такъ же, какъ и желаніе земныхъ радостей, желаніе похвалы людской, любви, даже знанія — все будетъ тянуть ихъ къ землѣ. Душа можетъ желать чего-нибудь возвышеннаго, но все же это будетъ желаніемъ добиться извѣстныхъ результатовъ и это желаніе привяжетъ ее къ мѣсту, гдѣ возможно найти удовлетвореніе, иными словами душа будетъ ковать человѣку новую *карму*. Поэтому для освобожденія отъ *кармы*, мы должны освободиться отъ *желанія*. Это не значитъ: прекратить всякое дѣйствіе, но дѣйствовать безъ всякаго участія желанія, прилагая къ дѣлу всѣ необходимыя для его успѣха старанія, но оставаясь равнодушнымъ къ плодамъ этихъ усилій. Это и есть извѣстный урокъ, преподанный Шри-Кришной; въ немъ — суть всей Истины. Отреченіе отъ желанія, а не отъ дѣятельности, дѣлаетъ человѣка совершеннымъ, святымъ, іогомъ. Не тотъ Іогъ, кто носитъ желтую одежду и посыпаетъ голову пепломъ и по внѣшности только отрекается отъ міра, а тотъ истинный Іогъ, кто разрушилъ всѣ узы желанія. Ибо человѣкъ, дѣлающій каждое свое дѣло только потому, что оно—его долгъ, и остающійся при этомъ равнодушнымъ къ плодамъ своей дѣятельности, такой человѣкъ—истинный слуга Божій въ мірѣ; онъ

дѣйствуетъ не для себя. Онъ знаетъ, что колесо жизни *должно* вращаться и участвуетъ въ его вращеніи не ради того, что могутъ принести обороты колеса лично для него, но ради того, чтобы божественная Жизнь могла изливаться безпрепятственно. Такой человѣкъ способенъ выполнять свою долю труда безъ привязанности и вращаетъ колесо жизни независимо отъ того, принесетъ ли ему это удовольствіе или страданіе, похвалу или порицаніе, славу или позоръ, божественное знаніе или невѣдѣніе. Онъ знаетъ твердо только одно, что его долгъ содѣйствовать Божественнымъ Цѣлямъ, пока продолжается творчество, и въ силу этого сознанія онъ отождествляетъ себя съ Богомъ, отъ котораго исходитъ все круговращеніе жизни. Подобный человѣкъ, по ученію Шри-Кришны, хотя и не добивается ничего ни на землѣ, ни на небѣ, но знаетъ, что, если бы прекратилась дѣятельность,—остановилась бы и всякая жизнь. И потому дѣйствія человѣка духовнаго, который совершаетъ поступки не для того, чтобы получить что-либо взамѣнъ, а чтобы исполнились божественныя цѣли, такія дѣйствія суть жертвоприношенія. Человѣкъ, приносящій всѣ свои дѣйствія какъ бы въ жертву Богу, не создаетъ *Кармы;* онъ не имѣетъ желанія, онъ не создаетъ цѣпей, приковывающихъ его къ землѣ,—онъ свободенъ духомъ, хотя внѣшняя его жизнь можетъ быть при этомъ полна дѣятельности.

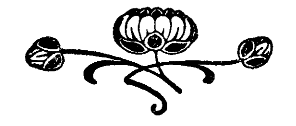
Мы разобрали проблему зла и страданія. Мы видѣли, что зло исходитъ изъ ограниченія, что оно — явленіе относительное, и что за нимъ часто скрывается будущее благо. Мы видѣли, какъ явленія, вовсе не бывшія зломъ на низшей ступени человѣческой эволюціи, становятся таковымъ на высшей ступени. Мы видѣли, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ идетъ впередъ и развивается, онъ пользуется зломъ какъ ступенями для своего собственнаго совершенствованія. Мы видѣли, какъ желаніе остается въ сердцѣ человѣка и притягиваетъ его обратно на землю и какъ онъ идетъ впередъ и впередъ, очищая желаніе и отождествляясь съ божественнымъ Руководителемъ вселенной. Мы видѣли также, какъ дальнѣйшія его дѣйствія теряютъ свою сковывающую власть надъ нимъ, какъ онъ освобождается и, какъ наконецъ вся жизнь его становится алтаремъ, на которомъ приносятся постоянныя жертвоприношенія Вѣчному. По истинѣ, такая жизнь единственная, которою стоитъ жить; это путь, на которомъ находится невыразимый миръ и безграничная сила. Но такая жизнь во всей своей полнотѣ доступна только іогу*). Сравните ее съ жизнью человѣка,

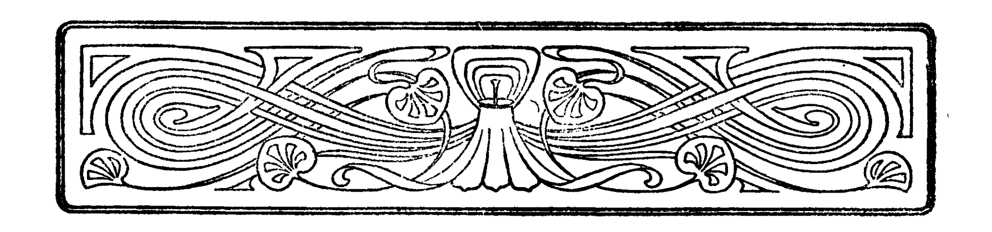
*) Подвижнику.

привязаннаго къ міру, съ жизнью, полною неудовлетворенія и недовольства. Взгляните на людей, окружающихъ васъ, на ихъ лица—какъ они полны жадности и желанія, тревоги и неправды. Посмотрите, какъ терзаютъ сердца людей страданія, неудачи, бѣдствія, надежды и опасенія, какъ все это бросаетъ ихъ изъ стороны въ сторону и нерѣдко доводитъ до гибели.

Намъ важно постигнуть, что Богъ есть блаженство. Почему? Потому, что только въ Немъ Единство, и только въ Немъ отсутствіе желанія. Пребывая въ Немъ, душа соприкасается съ миромъ, который не можетъ быть нарушенъ ничѣмъ преходящимъ. Человѣческая душа, взволнованная страданьемъ и тревогой, обрѣтетъ надежду и покой, только прилѣпляясь къ Богу. Ничто не можетъ поколебать душу, знающую свое происхожденіе отъ Единаго, нашедшую свое истинное, высшее Я. Душа соединилась вполнѣ съ Вѣчной, Неизмѣнной Истиной. Ее не притягиваетъ земное; земное для нея прошло навсегда. Тѣло не есть душа; болѣзнь можетъ искалѣчить тѣло; случайность—повредить ему, смерть—сразить его, но душа останется безъ перемѣны. Люди могутъ разлучиться тѣлесно (въ физической сферѣ), но внутреннее ихъ единство останется неизмѣннымъ. Разлука не повергнетъ духовнаго человѣка въ отчаяніе, ибо никакая внѣшняя перемѣна не въ силахъ нарушить обрѣтенный имъ миръ. Душа человѣка духовнаго стоитъ подобная утесу среди бурно вздымающихся волнъ. Волны бѣдствій и скорби бушуютъ вокругъ нея, ударяя въ нее, но онѣ не колеблятъ ее, а только разсыпаются въ пѣну у ея подножія, омывая ее и дѣлая еще прекраснѣе. Такая душа отождествила себя съ Единымъ; силой мудрости и любви она освободилась отъ ига всего преходящаго и нашла свою опору въ Божественномъ. Черезъ великій трудъ и черезъ опытъ радости и скорби пришла она наконецъ къ своей цѣли и, достигнувъ ея, она поняла во всей полнотѣ своей значеніе зла и страданія для эволюціи человѣчества.

Пер. **М. Робиновичъ.**





Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь X.

1.

Благословенный сказалъ:

Снова, о Могущественный [1]), услышь Мое наивысшее слово, которое я объявлю тебѣ, блага твоего ради, тебѣ, любимому.

2.

Не знаютъ Моего происхожденія ни сонмы Лучезарныхъ, ни сонмы великихъ Риши [2]), ибо Я есмь начало всѣхъ Лучезарныхъ и всѣхъ великихъ Риши.

3.

Кто среди смертныхъ знаетъ Меня нерожденнаго, безъ начала, великаго Господа вселенной, тотъ, не подверженный заблужденіямъ, освобождается отъ всякаго грѣха.

4.

Разумъ, мудрость, отсутствіе иллюзіи, всепрощеніе, правда, самообладаніе, спокойствіе, наслажденіе, страданіе, бытіе, не-бытіе, страхъ, а также мужество,

5.

Незлобивость [3]), ровность, довольство [4]), подвижничество, дѣла милосердія, слава и безчестіе, таковы разновидныя качества существъ, происходящихъ отъ Меня.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“, 1910 г., № 10.

[1]) Буквально: велико-вооруженный.

[2]) Великіе святые, святители Индіи.

[3]) Буквально: неспособность вредить.

[4]) Довольство своей судьбой.

6.

Семеро великихъ Риши, древніе Четыре [1]), а также Ману, родились отъ Моей природы и Моей мысли; отъ нихъ произошелъ весь этотъ родъ.

7.

Кто знаетъ по существу это превосходство и единеніе со Мною, тотъ уравновѣшенъ Іогой; въ этомъ не должно быть никакого сомнѣнія.

8.

Я Источникъ всего; все развивается отъ Меня; понявъ это, мудрые поклоняются Мнѣ въ глубокомъ восторгѣ.

9.

Устремивъ свои мысли ко Мнѣ, всей своей жизнью сокровенно пребывая во Мнѣ, просвѣтляя другъ друга, постоянно бесѣдуя обо Мнѣ, они довольны и радостны.

10.

Имъ, всегда уравновѣшеннымъ и любовно поклоняющимся, Я дарую Іогу распознаванія [2]), посредствомъ которой они достигаютъ Меня.

11.

Изъ чистаго состраданія пребывая въ ихъ „Я“, сіяющимъ свѣтильникомъ мудрости Я уничтожаю невѣдѣньемъ-рожденную темноту.

12.

Арджуна молвилъ:

Ты еси высочайшій Предвѣчный, высочайшая Обитель, высочайшая Чистота, вѣчный божественный Человѣкъ, первичное Божество, нерожденный, Господь нашъ.

13.

Всѣ Риши такимъ провозглашали Тебя, и божественный Риши Нарада [3]) также; также и Азита [4]), Девала [5]) и Віяса [6]); а нынѣ Ты Самъ мнѣ это повѣдалъ.

---

[1]) Четыре Кумара дѣвственники-юноши, стоящіе на высокой ступени оккультной іерархіи.

[2]) Viveka.

[3]) Знаменитый мудрецъ и подвижникъ Индіи.

[4]) Азита—сынъ Бхарата, Риши и мудрецъ.

[5]) Девала—также мудрецъ.

[6]) Віяса—знаменитый мудрецъ, собравшій Веды, авторъ Магабхарата.

14.

Я вѣрю въ истинность всего, что Ты говоришь мнѣ, О Кешава. Твои проявленія, о благословенный Господь, непостижимы ни для Лучезарныхъ, ни для Данававъ [1]).

15.

И Ты Самъ знаешь Себя лишь черезъ Себя, О Совершенный [2])! Ты еси Источникъ всѣхъ твореній, Господь всего сущаго, Лучезарный изъ Лучезарныхъ, Правитель вселенной.

16.

Повѣдай мнѣ, ничего не тая, о Твоей собственной божественной славѣ, въ которой Ты пребываешь, проникая всю вселенную [3]).

17.

Какъ мнѣ познать Табя, о Іогъ, непрестанно размышляя о Тебѣ? Какъ долженъ я мыслить Тебя, о Благословенный [4])?

18.

Подробно повѣдай мнѣ снова о Своей Іогѣ и славѣ, о Джанардана [5]); никогда не насыщусь я, слыша Твои жизньдающія слова.

19.

Благословенный сказалъ:

Будь благословенъ! Тебѣ Я повѣдаю Мою божественную славу въ ея главныхъ чертахъ, о лучшій изъ Куру; знаніямъ обо Мнѣ нѣтъ конца.

20.

О Гудакеша,—Я [6]). То, что пребываетъ въ сердцахъ всего-сущаго; Я есмь начало, середина, а также и конецъ всѣхъ существъ.

21.

Изъ сыновей Адити [7]) Я—Вишну; изъ всѣхъ сіяній Я—лучезарное Солнце; изъ вѣтровъ Я—глава [8]): изъ всѣхъ созвѣздій Я—луна.

---

[1]) Данава—демоны и великаны.

[2]) Пурушоттама.

[3]) Буквально: всѣ міры.

[4]) Буквально: какъ мнѣ познать Тебя, размышляя о Тебѣ?

[5]) Тревожащій людей.

[6]) Побѣдитель враговъ.

[7]) 12 сыновей Адити, матери боговъ.

[8]) Маричи, глава вѣтровъ, рожденный мыслью Брахмы.

22.

Изъ Ведъ Я—пѣснопѣніе [1]); изъ Лучезарныхъ Я—величайшій [2]); изъ всѣхъ чувствъ Я—разумъ; изъ всѣхъ живыхъ существъ Я—сознаніе.

23.

Среди Рудровъ [3]) Я—Шанкара; Я—князь демоновъ и геніевъ [4]); изъ боговъ [5]) Я—Агни [6]); изъ высокихъ горъ Я—Меру [7]).

24.

Познай во Мнѣ, о Партха, Главу всѣхъ священнослужителей [8]), Брихаспати; изъ предводителей Я—Сканда [9]); изъ озеръ Я—океанъ.

25.

Изъ великихъ Риши Я—Бригу [10]); изъ рѣчи Я—есмь единый слогъ [11]); изъ жертвоприношеній Я—приношеніе безмолвныхъ повтореній; изъ неподвижныхъ вещей Я—Гималая.

26.

Изъ всѣхъ древъ Я—древо познанія [12]); изъ божественныхъ Риши Я—Нарада [13]); изъ божественныхъ музыкантовъ [14]) Я—Читрарата [15]); изъ совершенныхъ Я—муни Капила [16]).

---

1) Сама-Веда.

2) Васава или Индра.

3) Могучіе; небесное воинство, рожденное Брахмой.

4) Якши и Ракшасы.

5) Васу.

6) Павака, Агни; огонь символъ проявленнаго Баи, 2-го лица Trimurti, Троицы браманизма.

7) Св. гора, обитель боговъ.

8) Буквально: домашнихъ священнослужителей, т. е. отцовъ семействъ. Брихаспати значитъ Отецъ Слова.

9) Миѳическій предводитель боговъ.

10) Мудрецъ, сынъ Варуны, одинъ изъ 7 Риши.

11) Св. слово Омъ.

12) Ашваттха.

13) Знаменитый мудрецъ и подвижникъ Индіи.

14) Гандарвы—божественные музыканты.

15) Читрарата—имѣющій сіяющую колесницу, имя музыкантши Gandharva, пребывающей въ раю Индры.

16) Мудрецъ-подвижникъ, извѣстный основатель одной изъ 6 философскихъ школъ Веданты.

27.

Изъ всѣхъ коней знай Меня какъ Уччайшраву [1]; нектаромъ—рожденнаго; среди царственныхъ слоновъ Я—Айравата [2]; Я—же и Монархъ людей.

28.

Изъ оружія Я—громъ; изъ коровъ Я—Камадукъ [3]; изъ предковъ Я—Кандарпа [4]; изъ змѣй Я—Вазуки [5].

29.

Изъ Наговъ [6] Я—Ананта [7]; изъ обитателей морей Я—Варуна [8]; изъ предковъ Я—Аріама; изъ правителей—Яма [9].

30.

Изъ Дайтіевъ [10] Я—Пралада [11]; изъ счетчиковъ Я—Время; изъ дикихъ звѣрей Я—царь животныхъ [12]; изъ птицъ Я—Вайнатея [13].

31.

Изъ очищающихъ стихій Я—вѣтеръ; изъ воиновъ Я—Рама; изъ рыбъ Я—макара; изъ рѣкъ Я—Гангъ.

32.

Твореніямъ Я—начало, конецъ, а также середина, о Арджуна. Изъ наукъ Я—наука о „Божественномъ Я"; Я-же и рѣчь говорящихъ.

33.

Изъ буквъ Я есмь буква А, Я-же двойственность въ сложныхъ сочетаніяхъ [14]; Я—также вѣчное Время; Я—многоликій Защитникъ.

---

[1] Бѣлый конь Индры.

[2] Имя слона Индры.

[3] Корова желанія.

[4] Кама, страсть или земная любовь.

[5] Царь змѣй.

[6] Мистическій змѣй, съ человѣческимъ ликомъ, живущій въ подземномъ царствѣ.

[7] Царь змѣй.

[8] Богъ моря.

[9] Богъ смерти.

[10] Сыны богини Дити, демоны.

[11] Имя благочестиваго Daitya.

[12] Левъ или тигръ.

[13] Гарушметъ, птица-вѣщунъ, сынъ Вината, царь-птица. На ней ѣздятъ Вишну и Кришна.

[14] Въ санскритѣ есть сочетаніе буквъ „двандва".

34.

Я—и всепоглощающая смерть и рожденіе грядущаго; и изъ женскихъ качествъ Я — слава, процвѣтаніе, рѣчь, память, умъ, стойкость, прощеніе.

35.

Изъ гимновъ Я — Брихатсаманъ [1]); изъ поэтическихъ размѣровъ Я — Гайатри [2]); изъ мѣсяцевъ Я — Маргаширша [3]); изъ временъ года Я — цвѣтущая весна.

36.

Я — и въ игрѣ плутующихъ и въ великолѣпіи самыхъ великолѣпныхъ вещей; Я — побѣда, Я — рѣшимость, и Я — правда правдиваго.

37.

Изъ Vrishnis [4]) Я — Васудева [5]); изъ Пандавъ [6]) Я — Дхананджая [7]); изъ мудрецовъ Я—Віаса; изъ бардовъ Я—Ушана [8]).

38.

Я — скипетръ правителей; Я — политика стремящихся къ побѣдѣ; Я — безмолвіе тайнъ; Я есмь знаніе познающихъ.

39.

И все, что есть сѣмя всего сущаго, это — Я, о Арджуна; и нѣтъ ничего движущагося или неподвижнаго, что могло бы существовать внѣ Меня.

40.

Нѣтъ границъ Моему могуществу, о Парантапа. И все сказанное есть лишь поясненіе къ Моей безконечной Славѣ.

---

1) Главный гимнъ.

2) Размѣръ стиховъ въ Ведахъ, имѣющій мистическое значеніе; приближается къ нашему гекзаметру.

3) Первый и десятый мѣсяцъ года, когда луна стоитъ въ 3-мъ своемъ „домѣ".

4) Потомки Ясу, родъ Кришны.

5) Самъ Кришна.

6) Имя Риши.

7) Потомки Панду, родъ Арджуны.

8) Побѣдитель въ сраженіяхъ.

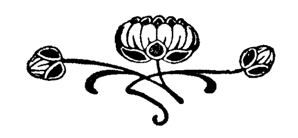
41.

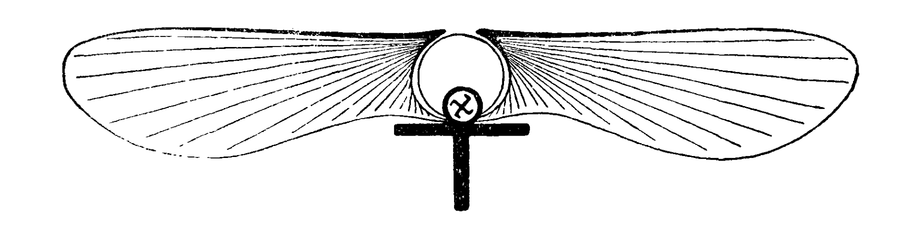
Познай, что все, что славно, хорошо, прекрасно и могущественно, есть лишь ничтожная часть Моего великолѣпія.

42.

Но къ чему тебѣ знаніе всѣхъ этихъ подробностей, о Арджуна? Создавъ изъ частицы Себя всю вселенную, Я остаюсь.

Такъ гласитъ X бесѣда славной Бхагаватъ-Гиты, именуемая Іога владычества.





Книга проф. Джемса.

*Продолженіе *).*

II.

Всѣ корни религіозной жизни и центра ея мы должны искать въ мистическихъ состояніяхъ сознанія—говоритъ Джемсъ **).

Я надѣюсь убѣдить моихъ читателей въ реальности мистическихъ состояній и въ громадномъ значеніи выполняемой ими функціи.

Что же значитъ это выраженіе — „мистическое состояніе сознанія"?

Слова „мистицизмъ", „мистическій" употребляются часто для обозначенія туманныхъ, безсодержательно-сантиментальныхъ, не имѣющихъ фактическаго и логическаго обоснованія, взглядовъ.

Для многихъ, писавшихъ о мистицизмѣ, „мистикомъ" является всякій, кто вѣритъ въ телепатію или въ спиритизмъ. Но въ такомъ освѣщеніи этотъ терминъ не имѣетъ для насъ цѣны.

Я выдѣляю здѣсь главные признаки, которые послужатъ намъ критеріемъ для различенія мистическихъ переживаній.

1) *Неизрѣченность.*

2) *Интуитивность.*

3) *Кратковременность.*

4) *Бездѣятельность воли.*

1) *Неизрѣченность.*—Самый лучшій критерій для распознаванія мистическихъ состояній сознанія—невозможность со стороны пережившаго ихъ найти слова для ихъ описанія, вѣрнѣе сказать, отсутствіе словъ, способныхъ въ полной мѣрѣ выразить

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 10.

**) Многообразіе Религіознаго Опыта. Москва. 1910 г., изд. „Русской Мысли".

сущность этого рода переживаній; чтобы знать о нихъ надо испытать ихъ на личномъ непосредственномъ опытѣ, а пережить по чужимъ сообщеніямъ нельзя.

...Мистическія состоянія по своему характеру ближе къ эмоціональной сферѣ, чѣмъ къ интеллектуальной... Нужно музыкальное ухо, чтобы оцѣнить симфонію. Нужно быть когда нибудь самому влюбленнымъ, чтобы понять состояніе влюбленнаго. Если у насъ нѣтъ сердца, мы будемъ разсматривать музыканта и влюбленнаго, какъ слабоумныхъ или сумасшедшихъ, и мистики находятъ, что многіе изъ насъ судятъ именно такимъ образомъ объ ихъ переживаніяхъ.

2) *Интуитивность.*—Для переживающаго ихъ мистическія состоянія являются особой формой познаванія. При помощи ихъ человѣкъ проникаетъ въ глубины истины, закрытыя для трезваго разсудка. Они являются откровеніями, моментами внутренняго просвѣтленія, неизмѣримо важными для тѣхъ, кто ихъ пережилъ, и надъ чьей жизнью власть ихъ остается незыблемой до конца.

3) *Кратковременность.* — Мистическія состоянія не имѣютъ длительнаго характера. Послѣ ихъ исчезновенія трудно воспроизвести въ памяти ихъ свойства; но когда они вновь посѣщаютъ человѣка, онъ узнаетъ ихъ и съ каждымъ посѣщеніемъ они обогащаютъ и расширяютъ душу, и отражаются въ сознаніи, какъ нѣчто центрально важное и безцѣнно дорогое.

Затѣмъ мистическія состоянія близки къ тѣмъ переживаніямъ, которыя даются искусствомъ.

Все значеніе лирической поэзіи и музыки сводится къ раскрытію этихъ неясныхъ далей жизни за предѣлами нашего личнаго существованія—волнующихъ, манящихъ и вѣчно неуловимыхъ. Сообразно съ тѣмъ, обладаемъ мы этимъ чутьемъ къ мистическому или нѣтъ, для насъ существуютъ или не существуютъ вѣчныя откровенія искусства.

На высшихъ ступеняхъ развитія мистическаго чувства встрѣчаются особыя часто повторяющіяся явленія.

Иногда мы внезапно ощущаемъ, что то, что происходитъ сейчасъ, когда-то было, „что мы уже были здѣсь“, съ тѣми же людьми, и говорили и дѣлали то же, что сейчасъ.

Иногда вмѣстѣ съ тѣмъ ощущеніемъ до безпредѣльности расширяются границы познанія.

Чарльзъ Кингслей говоритъ о такихъ состояніяхъ:

„...Я испытываю, время отъ времени, тоскливое чувство отъ того, что видимое мною имѣетъ смыслъ, разгадать который я не въ силахъ. Я окруженъ истинами, неуловимыми для меня... Душа раскрывается передъ умственнымъ взоромъ только въ нѣкоторые священные часы“...

Подобныя же состоянія описываютъ многіе другіе.

Слѣдующій шагъ по пути изслѣдованія вопроса о мистицизмѣ вводитъ насъ въ ту область, которую общественное мнѣніе и этика съ давнихъ поръ относятъ къ области патологіи.

Дальше Джемсъ разсказываетъ о мистическихъ состояніяхъ подъ наркозомъ.

Эфиръ и въ особенности окись азота, въ извѣстной дозѣ примѣшанные къ воздуху, являются также могучими стимулами къ пробужденію мистическаго сознанія. Передъ вдыхающимъ ихъ точно разверзаются бездны истины одна за другою. Когда человѣкъ приходитъ въ нормальное состояніе, истина отъ него ускользаетъ и если остается отъ нея какая нибудь формула, то для нормальнаго разсудка она оказывается безсмысленной. Тѣмъ не менѣе у человѣка остается чувство, что эта формула полна глубокаго значенія. Я лично знаю многихъ людей, которые убѣждены, что въ трансѣ, вызванномъ окисью азота, возможны настоящія мистическія откровенія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ сообщеніе въ печати о произведенныхъ лично надо мною опытахъ опьяненія окисью азота. На основаніи ихъ я пришелъ тогда къ такому выводу—который и до настоящаго времени не поколебался въ моихъ глазахъ—именно, что наше нормальное, или, какъ мы его называемъ разумное сознаніе представляетъ лишь одну изъ формъ сознанія, при чемъ другія, совершенно отъ него отличныя формы существуютъ рядомъ съ нимъ, отдѣленныя отъ него лишь тонкой перегородкой. Мы можемъ совершить нашъ жизненный путь даже и не подозрѣвая объ ихъ существованіи; но какъ только будетъ примѣненъ необходимый для ихъ пробужденія стимулъ, онѣ сразу оживутъ для насъ, представляя готовыя и опредѣленныя формы духовной жизни, которыя, быть можетъ, имѣютъ гдѣ нибудь свою область примѣненія. Наше представленіе о мірѣ не можетъ быть законченнымъ, если мы не примемъ во вниманіе и этихъ формъ сознанія. И онѣ должны помѣшать слишкомъ поспѣшнымъ заключеніямъ о предѣлахъ реальнаго.

Возвращаясь къ моимъ собственнымъ переживаніямъ этого рода, я долженъ признать, что они сводятся къ особому просвѣтленному состоянію, которому я не могу не придать мистической окраски.

Основной чертой такого состоянія всегда является примиренность, словно двѣ противоположныя стороны міра, столкновенія между которыми составляютъ причину всѣхъ нашихъ внутреннихъ бурь и неурядицъ, расплавились и образовали единое цѣлое. Они не принадлежатъ къ одному роду, какъ два различныхъ вида, но *одинъ изъ видовъ*, болѣе возвышенный, —самъ *становится родомъ* по отношенію къ противоположному виду и растворяетъ его въ себѣ. Я знаю, что эта мысль съ логической стороны темна, но я не могу избавиться отъ ея вліянія на меня. Я чувствую, что въ ней есть смыслъ, соприкасающійся съ сущностью гегелевской философіи. Имѣющій уши, да слышитъ. Для меня эта мысль постижима лишь этимъ путемъ искусственнаго разбуженнаго мистическаго состоянія сознанія.

У кого изъ читавшихъ Гегеля можетъ явиться сомнѣніе, что его идея о совершенномъ Существѣ, поглощающемъ въ себѣ все, что внѣ его существуетъ,—идея господствующая надъ всей гегелевской философіей,—родилась, какъ слѣдствіе преобладанія въ сознаніи этого философа подобныхъ мистическихъ состояній, которыя для большинства людей являются подсознательными. Выясненіе этой мысли, столь характерной для мистическаго состоянія сознанія, является задачей гегелевской философіи, зиждущейся безъ сомнѣнія на мистическомъ чувствѣ.

У меня есть друзья, которые вѣрятъ въ откровеніе, обусловленное наркозомъ. Для нихъ оно также метафизическая интуиція, въ которыхъ міръ въ своихъ многообразныхъ проявленіяхъ воспринимается какъ бы растворившимся въ Единомъ. Помимо всякаго наркоза, въ нѣкоторыхъ условіяхъ окружающей насъ природы кроется особая власть вызывать мистическія состоянія.

Затѣмъ существуетъ систематически культивируемый мистицизмъ, какъ элементъ религіозной жизни. Такое культивированіе мы встрѣчаемъ, какъ у христіанъ, такъ и у буддистовъ и у магометанъ.

Въ Индіи упражненія въ развитіи способности къ мистическому прозрѣнію извѣстно еще съ незапамятныхъ временъ подъ именемъ іога (yoga). Іога — внутреннее единеніе индивидуума съ

божествомъ. Оно достигается упорными упражненіями. Предписанія относительно положенія тѣла, дыханія, сосредоточенія мыслей и моральной дисциплины въ различныхъ системахъ почти одинаковы. Іога, т. е. ученикъ, который въ достаточной степени побѣдилъ свои низшія наклонности, вступаетъ въ высшее состояніе, именуемое *самади* (samâdhi), въ которомъ онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ тѣмъ, чего никогда не подозрѣвалъ ни инстинктъ его, ни разсудокъ.

Человѣкъ, переживающій состояніе *самади*, ощущаетъ себя свободнымъ, безсмертнымъ, всемогущимъ, освобожденнымъ отъ ига конечности, отъ противорѣчій добра и зла, тожественнымъ съ Душой Вселенной.

Веды говорятъ, что это состояніе высшаго сознанія можетъ явиться и случайно, безъ подготовительной дисциплины.

Переживъ состояніе *самади*, человѣкъ, по словамъ Ведъ, становится „свыше одареннымъ мудрецомъ, пророкомъ, святымъ, характеръ его перерождается и жизнь становится другою“.

Буддисты употребляютъ слово *самади* въ томъ же значеніи, какъ индуисты, но для обозначенія еще болѣе высокаго состоянія чистаго созерцанія у нихъ есть слово *дьяна* (dhyana).

Есть и еще болѣе высокая ступень созерцанія, гдѣ всякое представленіе о существованіи исчезаетъ и гдѣ созерцающій говоритъ: „не существуетъ абсолютно ничего“, и останавливается. Послѣ этого онъ достигаетъ новой ступени и говоритъ: „не существуетъ даже идей; не существуетъ и отсутствія идей“ и снова останавливается. За этимъ слѣдуетъ область, гдѣ, „достигнувъ уничтоженія идей и воспріятій, онъ окончательно останавливается“. Это еще не Нирвана (Nirvâna), но самое большое приближеніе къ ней, какое только возможно въ жизни.

Въ магометанскомъ мірѣ хранителями мистическихъ традицій являются, на ряду съ сектой суфіевъ, различныя общества дервишей. Въ Персіи суфіи существовали съ самыхъ отдаленныхъ временъ; и пантеизмъ ихъ настолько отличается отъ ревностнаго и чистаго монотеизма арабовъ, что невольно является предположеніе объ индусскомъ вліяніи на эту секту. Христіане мало знаютъ о суфіяхъ, потому что тайны ученія ихъ открыты лишь посвященнымъ.

Ученіе суфіевъ очень высоко. Созерцаніе и размышленіе приводитъ ихъ къ откровеніямъ въ яркихъ и живыхъ образахъ.

Иногда они возносятся еще выше—туда, гдѣ нѣтъ мѣста ни формамъ, ни образамъ, о чемъ нельзя разсказáть словами.

Вообще невозможность описать словами то, что познается въ состояніи экстаза, является характерной чертой мистицизма.

При этомъ, сколько мистиковъ, столько и мистическихъ состояній. Состоянія эти столь же разнообразны, какъ разнообразны люди.

Насъ интересуетъ главнымъ образомъ познавательная сторона мистики, цѣнность тѣхъ откровеній, какія она даетъ намъ.

Истины, которыя человѣкъ познаетъ мистическимъ путемъ, очень разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ этому міру—напр. предвидѣніе будущаго, чтеніе въ сердцахъ людей, внезапное уразумѣніе смысла какого нибудь текста, знаніе о событіяхъ, которыя совершаются далеко отъ того мѣста, гдѣ находится субъектъ;—но гораздо важнѣе по своему значенію откровенія теологическаго и метафизическаго характера.

Святой Игнатій, читаемъ мы у Бартоли Мишеля, признался однажды отцу Лайнецу, что часъ молитвеннаго созерцанія, пережитаго однажды въ Манрезѣ, открылъ ему больше истины о небесныхъ вещахъ, чѣмъ всѣ поученія ученыхъ докторовъ, взятыя вмѣстѣ.

„Однажды, когда онъ молился на ступеняхъ хоровъ доминиканской церкви, онъ ясно уразумѣлъ весь замыселъ божественной мудрости, проявившейся въ созиданіи міра. Другой разъ, во время одной церковной процессіи, духъ его возрадовался о Богѣ и ему дано было увидѣть въ образѣ, доступномъ слабому пониманію обитателя земли, глубокую тайну сущности Святой Троицы. Это видѣніе наполнило сердце его такой сладостью, что впослѣдствіи лишь одно воспоминаніе о немъ заставляло его проливать обильныя слезы".

Замѣчательны откровенія Якова Бёме, мистика конца XVI и начала XVII столѣтія, бывшаго сапожникомъ въ нѣмецкомъ городѣ Герлицѣ.

Однажды, когда Бёме было 26 лѣтъ онъ „былъ озаренъ божественнымъ свѣтомъ и осѣненъ небеснымъ знаніемъ. Проходя черезъ поля въ Герлицѣ, онъ сѣлъ на землю, чтобы отдохнуть и, посмотрѣвъ на травы и другія растенія, онъ благодаря своему внутреннему свѣту прозрѣлъ ихъ сущность, ихъ полезность и ихъ свойства сквозь ихъ формы, линіи и другіе признаки". Одно изъ своихъ позднѣйшихъ переживаній онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ четверть часа я узналъ больше, чѣмъ могло бы мнѣ дать многолѣтнее пребываніе въ университетѣ, ибо я увидѣлъ и позналъ существованіе всѣхъ вещей, глубину и бездну,

вѣчное зарожденіе Св. Троицы, происхожденіе міра и всѣхъ тварей отъ божественной мудрости. Я увидѣлъ и позналъ всю творящую сущность, какъ въ добрѣ такъ и въ злѣ, происхожденіе этихъ началъ и ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга; точно также я понялъ, какимъ образомъ начался процессъ рожденія въ плодоносномъ чревѣ вѣчности. Я не только чувствовалъ великое изумленіе передъ всѣмъ этимъ, но ощущалъ также и чрезвычайную радость, хотя находящійся во мнѣ внѣшній человѣкъ съ трудомъ понималъ смыслъ видимаго мною и мнѣ трудно писать объ этомъ, потому что я видѣлъ вселенную въ состояніи хаоса съ таящимися въ ней зачатками всѣхъ вещей и выразить это словами я не состояніи.

Очень интересны описанія мистическихъ переживаній Св. Терезы.

— "Однажды, во время молитвы—пишетъ она, я получила способность сразу постигнуть, какимъ образомъ всѣ вещи могутъ быть созерцаемы въ Богѣ и содержаться въ Немъ. Я видѣла ихъ не въ ихъ обычной формѣ, однако съ поразительной ясностью, и видъ ихъ остался живо запечатлѣннымъ въ моей душѣ. Это одна изъ наиболѣе выдающихся милостей, дарованныхъ мнѣ Богомъ. Видъ этотъ былъ до такой степени утонченный и нѣжный, что описать его нѣтъ возможности".

Дальше Св. Тереза разсказываетъ, что Божество представляетъ собою словно громадный и поразительно прозрачный бриллiантъ, въ которомъ каждый изъ нашихъ поступковъ отражается такимъ образомъ, что вся его грѣховность становится ясной и очевидной.

„Господь далъ мнѣ уразумѣть, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ Богъ можетъ быть въ трехъ лицахъ. Онъ такъ показалъ мнѣ это, что удивленіе мое было равно охватившему меня чувству утѣшенія. И теперь, когда я думаю о Святой Троицѣ или когда я слышу упоминаніе о ней, я понимаю, какимъ образомъ три лица составляютъ только одного Бога, и я испытываю при этомъ неизрѣченное блаженство".

Восторгъ, испытываемый мистиками во время подобныхъ состояній, повидимому превосходитъ тѣ радости, которыя намъ можетъ дать нормальное сознаніе. Такой восторгъ очевидно возбуждаетъ и физическую природу, потому что объ этомъ чувствѣ восхищенія всегда говорятъ, какъ о чемъ то такомъ, что трудно вынести, и что почти граничитъ съ физической болью.

Не смотря на трудность получить ясныя и точныя свѣдѣнія о мистическихъ состояніяхъ, они все же проявляютъ въ общемъ опредѣленную философскую тенденцію. Большинство изъ нихъ обнаруживаетъ тяготѣніе къ оптимизму и къ монизму. Переходъ отъ нормальнаго сознанія къ сознанію мистическому отражается въ человѣкѣ, какъ переходъ изъ замкнутаго и тѣснаго пространства къ необъятно широкому кругозору и, въ то же время, какъ переходъ отъ смятенія къ покою. Состоянія эти гораздо чаще вызываютъ утвержденія, чѣмъ отрицанія. Въ нихъ безграничное поглощаетъ въ себѣ всѣ границы, хотя они обыкновенно отрицаютъ возможность дать какое бы то ни было опредѣленіе высшей истины. Тотъ кто даетъ абсолютному какое нибудь названіе, кто думаетъ, что оно представляетъ собой нѣчто опредѣленное— этимъ самымъ исключаетъ для него возможность быть абсолютнымъ и, самъ того не сознавая, умаляетъ его. Поэтому, отрицая возможность опредѣленія, мистикъ отрицаетъ то отрицаніе, которое содержится въ опредѣленіи, и поступаетъ такъ ради высшаго утвержденія. Глава христіанскаго мистицизма Діонисій Ареопагитъ говоритъ объ абсолютномъ только въ отрицательныхъ формулахъ.

„Причина всѣхъ вещей не есть душа или разумъ; у нея нѣтъ ни воображенія, ни мысли, ни разума, ни пониманія; въ то же время она сама не разумъ, не пониманіе. Ее нельзя ни высказать, ни подумать. Она не является ни количествомъ, ни порядкомъ, ни величіемъ, ни ничтожествомъ, ни равенствомъ, ни неравенствомъ, ни подобіемъ, ни различіемъ. Она не стоитъ, не движется и не находится въ состояніи покоя... Она не представляетъ собой ни сущности, ни вѣчности, ни времени. Даже сама мысль не принадлежитъ ей. Она ни знаніе, ни истина, ни царское достоинство, ни мудрость, ни одинъ, ни единство, ни божественность, ни доброта, ни даже духъ, въ такомъ видѣ, какъ мы знаемъ его“.

Всѣ эти опредѣленія отрицаются Діонисіемъ не потому, что истина ниже ихъ, а потому, что она неизмѣримо превосходитъ ихъ.

Въ сущности это конечно только діалектическое упражненіе, но смыслъ его лежитъ въ той *неизрѣченности* мистическихъ состояній, на которую уже указалъ проф. Джемсъ.

„Въ мистической литературѣ, говоритъ дальше Джемсъ, постоянно встрѣчаются противорѣчивыя выраженія, въ родѣ: „ослѣпительный мракъ“, „шопотъ молчанія“, „плодотворная безплодность“.—Это все конечно только попытки высказать то, что не поддается высказыванію, попытки дать новымъ ощущеніямъ названіе, состоящее изъ противорѣчащихъ понятій.

Дальше Джемсъ резюмируетъ свои положенія о мистицизмѣ слѣдующимъ образомъ:

„1) Мистическія состоянія, достигшія своего полнаго развитія, являются абсолютно авторитетными для тѣхъ лицъ, которыя ихъ испытываютъ.

2) Для лицъ, не пережившихъ мистическаго опыта, чужой мистическій опытъ лишенъ той авторитетности, которая заставляла бы ихъ принимать безъ критики всѣ мистическія откровенія.

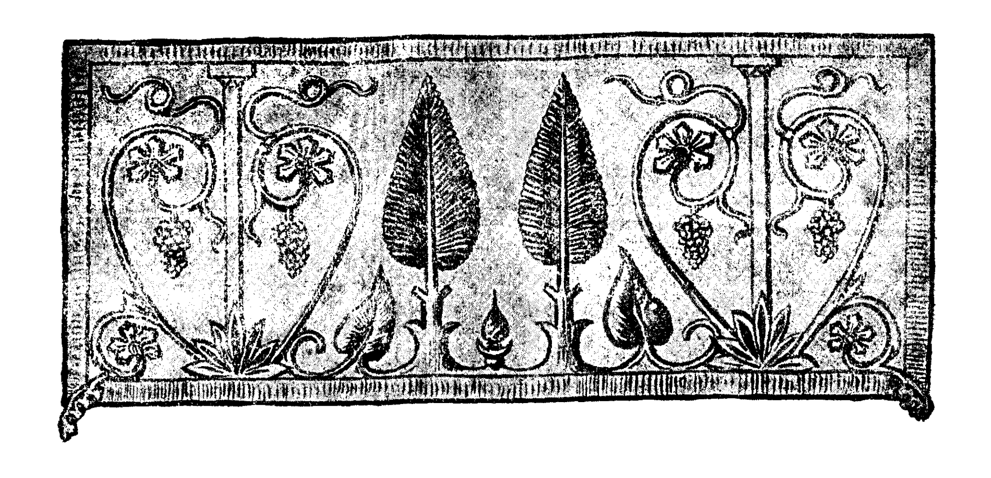
3) Мистическій опытъ подрываетъ авторитетность немистическаго или раціоналистическаго сознанія, основаннаго только на разсудкѣ и чувствахъ. Онъ показываетъ, что послѣднее представляетъ собою только одинъ изъ видовъ сознанія. Онъ устанавливаетъ возможность существованія истинъ другого порядка, которыя являются для насъ несомнѣнными истинами, поскольку соотвѣтствуютъ нашей внутренней жизни.

И въ заключеніе онъ спрашиваетъ:

— Не представляютъ ли мистическія состоянія такихъ возвышенныхъ точекъ зрѣнія, такихъ *оконъ*, черезъ которыя нашъ духъ смотритъ на болѣе обширный и болѣе богатый міръ.

Нѣкоторое различіе видовъ, открывающихся изъ каждаго отдѣльнаго окна, не можетъ помѣшать намъ такъ думать.

П. У.



Музыка и жизнь.

Въ высокой, старинной, усыпанной пескомъ липовой аллеѣ, напоминающей величественную древне-греческую колоннаду, есть мѣсто, похожее на маленькій залъ. Липы тамъ растутъ полукругомъ и образуютъ, по обѣимъ сторонамъ дорожки, два уютныхъ углубленія. Въ жаркое время тамъ бываетъ прохладно, въ вѣтренную погоду—тихо. За липами растутъ высокіе кусты, а за ними яблони. Въ этомъ мѣстѣ хорошо и насѣкомымъ, и птицамъ, и людямъ, и потому весной тамъ ползаютъ по дорожкамъ муравьи и букашки, въ кустахъ щебечутъ птички и поютъ соловьи, а друзья мои любятъ приходить туда заниматься, заранѣе условившись работать молча. И въ хорошую погоду, въ опредѣленные часы по утрамъ, круглый залъ аллеи съ высокими, темными липовыми колоннами превращается въ маленькій храмъ безмолвія и мысли. Тишина аллеи украшается пѣніемъ соловья, шелестомъ листьевъ, игрою мягкихъ солнечныхъ пятенъ на пескѣ и неясными звуками красоты жизни всего сада; они смѣшиваются съ шорохомъ перелистываемыхъ тетрадей и книгъ и съ легкимъ скрипомъ пера по шелковистой поверхности бумаги.

Въ концѣ мая, въ тихую ясную погоду, друзья мои сидѣли тамъ у зеленаго деревяннаго стола и работали, невольно прислушиваясь къ пѣнію соловья. Въ другомъ концѣ сада, подражая ему, пѣлъ другой соловей—молодой, и друзья мои, радуясь ихъ

пѣнію, изрѣдка переглядывались, улыбались и опять принимались за работу.

Когда соловьи замолкали, въ аллеѣ наступала тишина, и тогда постепенно въ ней начинали слышаться неясные звуки, объединяющіеся въ тихую музыку. Она звучала въ тѣни аллеи тональностью настроенія прекраснаго майскаго утра. Цвѣтеніе сада, шелестъ темной листвы, тихое пѣніе комаровъ, жужжаніе бархатныхъ шмелей въ травѣ и трепетъ крыльевъ бабочки вокругъ цвѣтка смѣшивались съ легкими перебѣгающими пятнами, играющими съ лучами солнца. А кругомъ нихъ легкіе ароматы травъ плавали въ тепломъ воздухѣ, смѣшиваясь съ благоуханіями цвѣтовъ. И все это объединялось и пѣло чарующую Кантату — нѣжное „andante cantabile con amore“. Его исполняли хоры и оркестры безчисленныхъ видимыхъ и невидимыхъ музыкантовъ, и ими управлялъ ихъ капельмейстеръ—солнце. Эти музыканты пѣли и играли не для себя и не думая о себѣ. Они жили и пѣли для солнца, чувствуя его лучи, какъ свою жизнь. Они любили и воспѣвали солнце, также какъ оно воспѣвало ихъ существованіе, вознося хвалу Силѣ, сотворившей его, давшей ему свѣтъ, тепло и власть строить Божественный Храмъ, созидая жизнь...

Неумолкаемо звучали въ саду нѣжные голоса работниковъ этого храма.

И эти невидимые оркестры и воздушные хоры, которые исполняли симфонію красоты, мы называли „тишиной липовой аллеи“. И мы любили эту тишину. Она помогала намъ работать, вдохновляла насъ. Разгораясь подъ теплыми лучами идущаго къ полдню солнца, она освѣщала наши мысли. Когда же солнце пряталось за тучку и тѣнь ея прохладой пробѣгала по землѣ, легкое облако грусти проносилось въ тишинѣ аллеи, и соловей, прислушиваясь къ ней, замолкалъ. Когда же солнце опять выглядывало изъ-за тучки, онъ снова пѣлъ свою блестящую пѣсню, и вдали, подражая ему, отвѣчалъ другой, молодой—ученикъ его.

Мой другъ молча протянула мнѣ книжку—брошюру въ красивой темно-синей обложкѣ. Раскрывъ ее, она сказала мнѣ глазами: „Прочтите“. Я кивнула головой и взяла книгу.

„The Aprentice“ *) („ученикъ“), прочла я заглавіе разсказа, помѣщеннаго въ майскомъ номерѣ „The Adyar Bulletin“. Онъ начинается такъ:

*) Разсказъ д-ра Гартмана, перев. съ нѣмецкаго на англійскій.

„Въ теченіе долгаго времени я работалъ въ качествѣ ученика при постройкѣ Великаго Храма. Никто не хвалилъ меня, хотя я работалъ усердно; напротивъ того, мнѣ дали товарища—мастера, который въ свободные часы обучалъ меня дальнѣйшему мастерству.

Я пошелъ къ нему въ мастерскую и увидѣлъ недалеко отъ нея лежащій на травѣ камень, художественныя украшенія котораго обратили мое вниманіе. Я указалъ на него моему товарищу и спросилъ, отчего онъ тамъ лежитъ въ такомъ пренебреженіи. „Этотъ камень", сказалъ онъ, „есть искусное произведеніе, но онъ не подходитъ къ плану зданія". Я удивился, а онъ сказалъ: „Смотри, вотъ воинъ, тамъ женщина, далѣе влѣво женщина съ флейтой, подъ всѣмъ этимъ изображенъ Нарцисъ, смотрящійся въ воду; а тамъ наверху высѣченъ правитель, которому рабы его приносятъ фиміамы; а вокругъ всего гирлянда изъ лавровъ. Мастеръ художественно выполнилъ эту работу и онъ ожидалъ награды; но когда учитель его пришелъ съ угольникомъ и циркулемъ, чтобы смѣрить камень,—онъ отложилъ его въ сторону".

Я удивился. Искусство и добрая воля мастера, казалось бы, заслуживали нѣкотораго вниманія, думалъ я. Товарищъ указалъ мнѣ на мастерскую и сказалъ серьезно: „еслибъ каждый ученикъ работалъ по своему усмотрѣнію, подошли ли бы камни одинъ къ другому? Ширина, высота и длина указаны, и тотъ, кто работаетъ не по этимъ указаніямъ, работаетъ для себя, но не для Храма. Послушаніе есть обязанность и мастерового, и ученика. Они должны знать законъ, исполненіе котораго только можетъ быть для нихъ наградой; но вотъ идетъ надсмотрщикъ, я долженъ вернуться къ своей работѣ; если хочешь, ты можешь итти со мной".

Онъ привелъ меня къ отдѣланному камню, простое украшеніе котораго указывало на то, что онъ приготовленъ не для того, чтобы существовать самому по себѣ, но долженъ быть присоединенъ къ другимъ. Я высказалъ ему свое мнѣніе относительно необходимости индивидуальнаго выраженія въ работѣ, на что онъ коротко отвѣтилъ: „Планъ Господина требуетъ такой работы".

Надсмотрщикъ приблизился; онъ взглянулъ на камень, надъ которымъ работалъ мой товарищъ, и началъ мѣрить его со всѣхъ сторонъ угольникомъ и циркулемъ. Наконецъ онъ сказалъ: „Размѣры вѣрны, все сдѣлано по мѣрѣ Господина. Заботливо и старательно выполнено! Нѣтъ изломовъ, нѣтъ трещинъ. Отнеси его въ мастерскую, и Господинъ Самъ сдѣлаетъ на немъ помѣтку, которая опредѣлитъ настоящую цѣнность твоей работы. Ты тру-

дился съ любовью и усердіемъ для цѣлаго, и Онъ желаетъ, чтобы ты получилъ болѣе широкое поле дѣятельности.

Онъ отошелъ. Глаза моего товарища заблестѣли, а я стоялъ смущенный. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „я не заслужилъ того, что Господинъ даетъ мнѣ; для меня было радостью покоряться Ему; Онъ слишкомъ снисходителенъ, слишкомъ добръ! Пусть этотъ случай придастъ тебѣ мужества,—усердія“. Увидѣвъ мое смущеніе, онъ продолжалъ: „О, не отчаявайся; тотъ, кто *усердно хочетъ*, можетъ легко всего достигнуть! Не покажешь ли ты мнѣ свою работу?

„Не теперь“, отвѣтилъ я, „въ другой разъ, когда я буду спокойнѣе“. Онъ не настаивалъ долѣе, но я, я не былъ способенъ ни на какое правильное сужденіе; все мое существо до глубины возмущалось; я взялъ его за руку, а онъ воскликнулъ: „Что же ты сдѣлалъ изъ своего камня!“ „Подойди и посмотри“ сказалъ я. Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли возлѣ камня.

Печально посмотрѣлъ товарищъ мой на мою работу. Казалось, что онъ былъ въ нерѣшительности, говорить ли, или тотчасъ уйти. „Видишь ли теперь“, сказалъ я, „сколько я наработалъ“?

„Я вижу“ спокойно отвѣтилъ онъ; „Всѣ ищутъ; всѣ думаютъ, что поступаютъ правильно; въ началѣ всѣ дѣлаютъ ошибки; счастливы тѣ, которые достигаютъ познанія“.

— „О! ты хочешь утѣшить меня въ моей слѣпотѣ, въ моемъ упрямствѣ, въ моей гордости и въ потерянномъ времени!“.

„Тотъ, кто имѣетъ мужество исправляться, ничего не потерялъ“ былъ его отвѣтъ.

Теперь онъ осматривалъ камень со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ великолѣпно сработанъ. Его вытесанныя стороны были такъ велики, что каждая изъ нихъ представлялась какъ бы отдѣльнымъ камнемъ, въ формѣ пирамиды: онѣ какъ бы выростали изъ одного центра. Я не могъ помириться съ мыслью разстаться съ этими пирамидами и думалъ, что ихъ можно было прекрасно пригнать къ прямоугольной формѣ.

Каждая вытесанная сторона стоила мнѣ такъ много труда. Вездѣ, гдѣ оставалось мѣсто, я высѣкъ различныя изображенія: была и музыка, и поэзія, тамъ изобразилъ я зданіе, здѣсь храмъ; группа дѣтей окружала отца и мать. Я представилъ общественныя увеселенія, побѣду на полѣ битвы и всевозможныя государственныя реформы. Короче сказать, я изобразилъ всякія событія въ жизни человѣка. „Ты очень много сдѣлалъ“ сказалъ мой товарищъ.

— „Но что принесетъ мнѣ мой трудъ?“ спросилъ я.

„Сознаніе, что ты можешь работать“, былъ его отвѣтъ.

„Имѣешь ли ты мужество выслушать добрый совѣтъ?“ спросилъ онъ. Я кивнулъ головой, тогда онъ продолжалъ:

„Я никогда не былъ въ мастерской Архитектора, и поэтому не могу разсказать тебѣ о планѣ зданія, которое мы строимъ, но то, что я слышалъ, приводитъ меня къ заключенію, что планъ этотъ составленъ съ величайшей премудростью, и если бъ даже я употребилъ милліарды столѣтій, чтобы завершить его, ни одна самомалѣйшая линія не была бы въ немъ измѣнена. Это зданіе— и обыкновенныя постройки—не одно и то же. Этотъ планъ не находится въ зависимости ни отъ мѣста, ни отъ матеріаловъ, ни отъ средствъ строителя и ни отъ одной изъ тысячей другихъ незначительныхъ причинъ. Не можетъ случиться и того, чтобы во время постройки планъ этотъ измѣнился. Онъ неизмѣняемъ, и только та работа, которая соотвѣтствуетъ ему, принимается. Планы, составляемые людьми, именуются различіемъ; планъ же нашего зданія— единство. Когда благородное зданіе это завершится--неизмѣримые размѣры его будутъ выраженіемъ единой мысли, единой воли, могъ бы я сказать. Теперь ты можешь самъ понять, почему тотъ, видѣнный тобою, былъ отстраненъ, и теперь ты можешь догадаться, что тебѣ нужно сдѣлать съ твоимъ камнемъ“.

Онъ пожалъ мнѣ руку и ушелъ. Долго оставался я, полный грусти, и смотрѣлъ въ землю; я не былъ въ силахъ сдвинуться съ мѣста.

На слѣдующій день я пошелъ посмотрѣть на свой камень и былъ полонъ сдержаннаго чувства удовлетворенія, когда увидѣлъ его красоту. Наконецъ я воскликнулъ:

„Неужели и эта работа будетъ напрасна, напрасны всѣ мои усилія, и ни къ чему не поведетъ усовершенствованіе моихъ талантовъ! И всѣ чудные дары, данные человѣку, будутъ безплодны! Однако, для кого же я работалъ? Для кого же я употребилъ свои дары? Для роскоши, которая стоитъ отъ правды дальше, чѣмъ я самъ, для личнаго самоудовлетворенія, по собственному плану работалъ я.

Я молчалъ и услышалъ внутри себя голосъ, какъ бы отдаленный громъ. Онъ говорилъ: „все, что не полезно для плана Архитектора, будетъ отвергнуто“.

Немедленно взялся я за свои инструменты и не останавливался до тѣхъ поръ, пока самое крупное украшеніе моего камня не было отбито. Когда оно отпало, я почувствовалъ, что частч

моей жизни ушла, и я безсильно опустился на землю. Ничего больше не могъ я дѣлать въ этотъ день. На слѣдующій день я выдержалъ ту же внутреннюю битву и сдѣлалъ ту же работу, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ мои пирамиды были повергнуты на земь и я стоялъ передъ необдѣланной глыбой моего искалѣченнаго камня, какъ бы отверженный цѣлымъ міромъ.

Я проклиналъ свою судьбу, самого себя и всю вселенную и не находилъ покоя, пока видѣлъ передъ собой прекрасныя украшенія свои; и я ушелъ изъ своей мастерской, но и тогда они привлекали меня и я началъ сомнѣваться, достигну ли я когда-нибудь побѣды надъ самимъ собой.

Я рѣшился уничтожить ихъ. И это было сдѣлано. Черезъ короткое время они лежали передо мной грудой песка и пыли. Теперь у меня не было ничего, что связывало бы меня, и я работалъ надъ своимъ необтесаннымъ камнемъ почти безчувственно. Наконецъ, когда я обтесалъ одну сторону его, товарищъ мой опять посѣтилъ меня. Онъ пожалъ мою руку и спросилъ о моей работѣ. Я привелъ его къ мѣсту разрушенія и онъ дружественно обнялъ меня.

„Ты побѣдилъ, сказалъ онъ; первый шагъ сдѣланъ. Смѣлѣй иди впередъ; скоро духъ мира осѣнитъ тебя. А я, прибавилъ онъ, „въ это время былъ въ мастерской Архитектора, и то, что я говорилъ тебѣ, совершенная правда; больше ничего я не могу сказать тебѣ. Будь твердъ! Мудрость близка, и она направитъ тебя!“ Онъ отъ меня ушелъ.

Я продолжалъ свою работу, и образы прошлаго начали постепенно блѣднѣть, и убѣдился я въ томъ, что созданные нами самими законы не приносятъ намъ удовлетворенія, и только повиновеніе Вѣчному закону можетъ дать намъ свободу.

Мой камень былъ въ извѣстной степени оконченъ, и онъ былъ принятъ. Я пошелъ въ мастерскую, чтобы получить указанія относительно предписанныхъ украшеній, и тамъ меня допустили къ Архитектору. Тамъ я удостоился услышать голосъ Его. И хотя я еще не все понималъ ясно, но я окончательно убѣдился въ томъ, что принимается только то, что соотвѣтствуетъ плану; все же прочее отвергается: „Гдѣ и какъ?“—объ этомъ голосъ молчитъ.

„Вѣчный Свѣтъ веди насъ! Камень намъ данъ, помоги намъ вытесать его! Орнаментъ, которымъ мы должны украсить его—Любовь. Только любовь приводитъ къ вѣчному единенію, одно

это чувство есть истинный источникъ счастья". Когда я прочла этотъ разсказъ и закрыла книгу, мой другъ посмотрѣла на меня.

„Ну что?" спросила она меня взглядомъ. „Чудесный разсказъ!" отвѣтила я движеніемъ головы. Тогда она тихонько встала, взяла меня подъ руку и мы пошли по усыпанной пескомъ дорожкѣ липовой аллеи, которая вела въ самую глубину сада.

„Какъ Вы понимаете его?" спросила меня мой другъ, и я отвѣтила:

„Разсказъ этотъ имѣетъ глубокій символическій смыслъ, для музыканта же онъ имѣетъ особенное значеніе, и потому позвольте мнѣ объяснить его, коснувшись музыки,—этого драгоцѣннаго искусства, которое сродни самой природѣ (всѣ космическія явленія природы звучатъ музыкой, вся природа вѣчно поетъ). Музыка такъ близка самой жизни, что съ ея помощью можно понять и объяснить всякія жизненныя положенія, всякіе символы.

Всѣ великіе музыканты доказывали своимъ примѣромъ, что музыка существуетъ на свѣтѣ не для личныхъ радостей человѣка, но что истинное ея назначеніе—воспитывать благородныя чувства человѣка, помогать движенію, его эволюціи. Такимъ образомъ, правильно понятая, она для идейнаго музыканта является путемъ служенія, тѣмъ путемъ, который приводитъ къ высшей радости самоотреченія. Только этимъ путемъ человѣкъ познаетъ истинный смыслъ жизни и истинное значеніе музыки въ жизни, музыки, которая по своимъ принципамъ нераздѣльна съ самой жизнью.

Человѣку, прошедшему школу музыки, школу не въ смыслѣ училища, но въ смыслѣ руководительства мудрыми учителями, такому человѣку легче понять и исполнять законы самой жизни; они ему уже знакомы по работѣ въ музыкѣ.

Уже тогда ему приходится учиться различать истинно прекрасное отъ ложно-красиваго и, стремясь къ чистой гармоніи, благоговѣть передъ ней; тамъ онъ учится повиноваться учителю и молча выслушивать его мудрыя мысли, точно выполняя задаваемые ему уроки. Онъ учится обуздывать себя и владѣть собой, для того, чтобы его слушались руки, пальцы; онъ также учится управлять своими мыслями и чувствами. Потомъ онъ борется съ лѣнью, также и съ слишкомъ горячимъ отношеніемъ къ работѣ и вырабатываетъ терпѣніе и спокойствіе. Безъ этого немыслимо не только хорошее музыкальное исполненіе, но даже и самое ученіе музыкѣ.

Преодолѣвъ эти преграды и еще многія другія препятствія и достигнувъ нѣкоторыхъ успѣховъ, ученикъ долженъ бороться

съ самоудовлетворенiемъ, которое есть признакъ остановки успѣховъ, и онъ долженъ развить въ себѣ самокритику; она въ свою очередь терзаетъ и мучаетъ его; и между самоудовлетворенiемъ и самокритикой онъ долженъ найти и опредѣлить самого себя. Потомъ являются соблазны: гордость, зависть; онѣ побуждаютъ его конкурировать съ товарищами, учиться и работать, чтобы стать выше ихъ, и снона начинается борьба съ этими и многими другими пороками. Однимъ словомъ жизнь ученика полна борьбы, и путь его преграждается всевозможными препятствiями и омрачается темными тучами сомнѣнiй. Но за ними онъ предчувствуетъ свѣтъ и не унываетъ, потому что любитъ музыку. Онъ довѣряетъ мудрости своихъ учителей, которые говорятъ ему, что, поборовъ себя и работая, онъ достигнетъ самогармонизацiи и тогда пойметъ истинный принципъ музыки—свѣтъ музыки, который есть полное слiянiе ея съ жизнью.

Этотъ принципъ впервые выясняется ученику при осуществленiи музыкальнаго братства въ совмѣстной и оркестровой игрѣ. Здѣсь ученикъ познаетъ радость товарищеской любви и принципъ взаимопомощи.

Такимъ образомъ, уже въ школѣ музыки ученикъ проходитъ путь, который является подготовительнымъ путемъ къ жизни. Не смотря на всѣ трудности—онъ проходитъ его радостно, потому что путь этотъ украшенъ живыми звуками музыки.

Окончивъ ученiе, молодой музыкантъ, запасшись музыкальнымъ опытомъ, идетъ въ жизнь. Музыка, какъ магическiй ключъ, открываетъ ему всѣ ея двери, и за ними, соприкасаясь съ самой жизнью, онъ изучаетъ ее. Она представляется ему музыкой; неправда кажется ему фальшью; страданiя—диссонирующими аккордами, которые непремѣнно разрѣшаются въ консонансы. Борьба въ жизни кажется ему сложной музыкальной модуляцiей. Нравственность въ жизни онъ понимаетъ, какъ стремленiе къ безукоризненной чистотѣ и красотѣ музыкальнаго исполненiя.

О! Еслибъ люди понимали великое значенiе музыки „воспитательницы“, „помощницы“ жизни, они стали бы учиться музыкѣ усердно и настойчиво, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, и тогда мiръ гармонизовался бы, людямъ стало бы легче жить на свѣтѣ. Посредствомъ музыки люди наглядно поняли бы радость братства, которая ощущается уже съ той минуты, когда ученикъ исполняетъ пьесу не одинъ, но съ товарищемъ: дуэтомъ, трiо, квартетомъ и наконецъ въ оркестрѣ. Сердце его невольно связывается съ сердцами товарищей неразрывными узами музыкальной

братской любви, не умирающей и въ жизни. Еслибъ всѣ люди сознательно учились музыкѣ, они и въ жизни чувствовали бы себя братьями музыкантами всечеловѣческаго оркестра, то есть людьми, отвѣтственными другъ за друга и за каждую „ноту жизни". Они стали бы жить ритмичнѣе, зная, что чѣмъ больше оркестръ, тѣмъ ритмичнѣе должны играть музыканты.

Когда артистъ поступаетъ въ составъ хорошаго симфоническаго оркестра, онъ подвергается строгому испытанію, онъ долженъ обладать особыми оркестровыми качествами. Одно изъ самыхъ важныхъ, кромѣ умѣнія подчиняться оркестровой дисциплинѣ, есть готовность „угашать себя"; во имя общей гармоніи воздерживаться отъ субъективнаго проявленія своей техники и своего вкуса, которые музыкантъ раньше проявлялъ, какъ солистъ. Во имя музыкальной общественности онъ пользуется своей техникой уже иначе: въ оркестрѣ техника должна служить ему не для того, чтобы *выдѣляться*, но для того, чтобы *примѣняться*. Она уже проявляется не внѣшнимъ образомъ, а выражается из-нутри качествомъ его дѣйствій, извѣстной сдержанной выразительностью, внутренной теплотой его музыкальнаго исполненія. Сознательное оркестровое самоотреченіе и смиреніе создаютъ живую душу оркестра, даютъ силу и могущество музыкѣ, исполняемой оркестромъ.

Разсказъ, который мы только что прочли, какъ нельзя лучше передаетъ переживанія молодого музыканта, вступающаго въ большой симфоническій оркестръ. Онъ силится угадать свою задачу и найти наилучшій способъ исполнить свою партію. Онъ начинаетъ понимать ее только тогда, когда онъ постигаетъ характеръ самой симфоніи. Тогда онъ понимаетъ и ея значеніе въ музыкѣ. Развиваясь, постепенно, онъ задается вопросомъ о значеніи самой музыки для слушателей и, наконецъ, онъ начинаетъ понимать связь музыки съ жизнью. Далѣе, анализируя свое собственное значеніе въ оркестрѣ, онъ сознаетъ, что искусство, какъ и сама жизнь, даны человѣку не для удовлетворенія эгоистическихъ цѣлей, но что они посланы ему для роста его сознанія, для того, чтобы, владѣя ими, онъ могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ жизни всего міра. Онъ понимаетъ, что свѣтлая сила искусства должна бы стать *святою силою*, еслибъ она была оберегаема, но не попираема людьми, такъ часто пользующимися искусствами для удовлетворенія своихъ порочныхъ стремленій; тогда свѣтлая сила искусства, пропущенная черезъ призму человѣческаго эгоизма, обращается въ силу темную и злую, и такъ пользоваться искусствомъ—значитъ не любить его.

Любить искусство—значитъ оберегать его какъ самую жизнь свою. Понимать ее,—значитъ непрестанно благодарить Творца за дарованную намъ жизнь, въ которой Онъ Самъ, Творецъ нашъ, говоритъ съ нами голосомъ чистаго искусства.

Въ разсказѣ „The Aprentice“ молодой ученикъ услышалъ этотъ Голосъ. Этого ученика можно сравнить съ художникомъ жизни, съ артистомъ идеи. Во имя любви къ Господину своему, благоговѣя передъ Его храмомъ, онъ угасилъ свое личное эгоистическое субъективное пониманіе земной красоты. Отреченіе отъ личныхъ вкусовъ раскрываетъ въ немъ способность болѣе глубокаго созерцанія, и въ душѣ его рождается сила, которая проявляется болѣе высокимъ качествомъ его новой работы. Камень, казавшійся ему такимъ великолѣпнымъ, сознательно имъ разбитый и искалѣченный, оживаетъ высшею красотою простоты. Самоотреченіе „человѣка во имя идеи“ даетъ жизнь этому камню, запечатлѣваетъ на немъ живое слово „Любовь“.

Другой же ученикъ, тотъ, который украсилъ свой камень по собственному плану и работалъ для себя, подобенъ диллетанту въ музыкѣ, которому кажется, что онъ ярко чувствуетъ и ярко выражаетъ свои чувства, но, увлекая себя и любуясь своею игрою, онъ не замѣчаетъ того, что субъективность его затемняетъ идею автора.

Для того, чтобы сильно выразить идею, надо глубоко понять и пережить ее въ своемъ сердцѣ, потомъ выразить ее безъ примѣси личнаго элемента. Такъ поступаетъ мудрый артистъ; забывая о своемъ я, онъ сознательно становится только проводникомъ идеи автора, и въ этомъ сила артиста. Безсиліе же диллетанта въ яркомъ присутствіи личнаго элемента, который заглушаетъ „голосъ идеи“.

Въ жизни человѣка и музыканта есть два пути: путь солиста *) и путь музыканта-работника.

Первый путь ведетъ къ личной славѣ, и если солистъ поддается ея соблазнамъ и увлекается единственно ею, онъ невольно все больше и больше заботится о пріобрѣтеніи и поддержаніи

*) Солистъ есть музыкантъ, который, благодаря своему таланту, въ техникѣ и фразировкѣ идетъ впереди другихъ; неся въ душѣ своей идею красоты и гармоніи, онъ одинъ вмѣщаетъ въ себѣ идею цѣлаго оркестра и красочностью своего исполненія выражаетъ и рисуетъ цѣлыя картины въ яркихъ звуковыхъ образахъ. Такая игра должна быть воспитательна; если же артистъ солистъ, жертвуя гармоніей, ради славы прибѣгаетъ къ эффектамъ и фокусамъ, онъ теряетъ почетное имя солиста и можетъ быть названъ *„обособленникомъ“*.

внѣшней техники, удивляя ею слушателей, для того, чтобы удержать около себя толпу своихъ поклонниковъ, восторженно вѣнчающихъ его лаврами, усыпающихъ цвѣтами путь его.

Какъ опасенъ бываетъ этотъ путь, и какъ часто онъ ведетъ артиста къ погибели. Техника его обращается въ фокусничество, одухотворенность смѣняется психизмомъ. Эфектами своей игры онъ потрясаетъ нервы слушателей и расшатываетъ свои собственные нервы. Стремленіе его—встать выше всѣхъ, цѣль—его быть внѣ конкуренціи. Въ концѣ концовъ въ артистѣ гибнетъ художникъ.

На второмъ пути музыкантъ не удовлетворяется развитіемъ одной техники: она для него не цѣль, а средство. Онъ стремится стать работникомъ музыки и войти съ другими музыкантами въ общеніе, основанное не на конкуренціи, развивающей зависть, а на стремленіи учиться у старшихъ, чтобы научиться вести младшихъ. Это путь любви въ музыкѣ. Въ этой совмѣстной работѣ развиваются качества музыканта, нужныя для идеальнаго оркестра: умѣнье работать во имя идеи общей гармоніи, умѣнье угашать свою личность во имя идеи. Значеніе личности музыканта въ оркестрѣ обратно пропорціонально величинѣ оркестра. Качество же его исполненія должно быть прямо пропорціонально этой величинѣ: чѣмъ больше оркестръ, тѣмъ лучше должны играть музыканты, тѣмъ отвѣтственнѣе каждый за стройность общаго исполненія.

Музыкантъ, понимающій свою задачу въ оркестрѣ, со временемъ самъ можетъ быть поставленъ во главѣ оркестра и тогда сдѣлаться сознательнымъ проводникомъ музыки въ жизнь. Чѣмъ совершеннѣе будетъ проводиться она, тѣмъ ярче въ ней отразится идея высшей гармоніи, искры которой, достигая до земли черезъ достойныхъ проводниковъ своихъ, зажигаютъ сердца людей любовью къ красотѣ, чистотѣ искусства и стремленіемъ въ общей работѣ служить ему и имъ служить людямъ.

Пророки мысли, слова и искусства всегда стремились объединить людей, призывая ихъ, во имя любви, быть работниками жизни, музыкантами единаго всечеловѣческаго оркестра, вѣрными учениками Господина своего, строителя Божественнаго Храма.

Чистое искусство подобно этому Храму; оно не является созданіемъ человѣка, но творчествомъ Бога черезъ чистаго человѣка, а человѣкъ лишь проводникъ, работникъ Его.

Въ музыкѣ этимъ проводникомъ и долженъ быть композиторъ, и музыка его дѣйствительно бываетъ божественна, когда она сверхлична.

Въ оркестрѣ капельмейстеръ является проводникомъ идеи автора, онъ отвѣчаетъ за правдивость, за благородство фразировки музыкантовъ, которые, въ свою очередь, отвѣчаютъ за качество оркестроваго звука, точно такъ же, какъ капельмейстеръ отвѣчаетъ за строй оркестра. Композиторъ несетъ высшую отвѣтственность. Онъ отвѣчаетъ за чистоту красоты своего произведенія. Онъ нравственно отвѣчаетъ за развитіе вкусовъ слушателей, и отвѣтственность эта велика, потому что вкусы людей отражаются въ ихъ жизни, въ ихъ работѣ, въ окружащей ихъ средѣ.

Итакъ музыкальный композиторъ и музыкальный исполнитель, непосредственно дѣйствуя на вкусы людей, дѣйствуютъ на ихъ жизнь и отчасти руководятъ ихъ судьбами. Они могутъ нанести людямъ вредъ, или принести имъ величайшую пользу, смотря по качеству его исполненія. И въ искусствѣ, какъ и въ жизни, есть два пути: чистое искусство ведетъ къ свѣту и добру, искусство же, обращенное въ наркозъ, опьяняющій человѣка, усиливаетъ его страсти, его пороки и ведетъ ко злу.

Чтобы распознать качество искусства и понять его направленіе, не надо быть ни тонкимъ художникомъ, ни ученымъ музыкантомъ; оно распознается не знаніемъ, не чувствомъ, но совѣстью человѣка.

Если мы показываемъ произведеніе искусства молодому и чистому существу, или ребенку, наша совѣсть безошибочно опредѣляетъ его качество. Композиторы, авторы и творцы художественныхъ произведеній въ своихъ работахъ не должны бы руководиться одними личными побужденіями, но, главнымъ образомъ, совѣстью своей, и тогда произведенія ихъ всегда имѣли бы значеніе не только воспитательное, но и всечеловѣческое, всемірное. Такова должна быть и музыка въ жизни.

Теперь представимъ себѣ идеальный оркестръ. музыкальное братство, одухотворенное этой идеей, и молодого музыканта, выдержавшаго всѣ испытанія и принятаго въ составъ. Онъ счастливъ! Съ довѣріемъ и любовью относится онъ къ своимъ старшимъ собратьямъ и, раздѣляя съ ними отвѣтственность за предстоящій концертъ, онъ готовится. До начала онъ со всѣми вмѣстѣ настраиваетъ свой инструментъ по инструменту концертмейстера, на обязанности котораго лежитъ не только строй всего оркестра, но и распредѣленіе смычковыхъ штриховъ *) (концертмейстеромъ

*) Смычковыми штрихами называется извѣстное направленіе смычка и характеръ его движенія въ связи съ характеромъ музыки; штрихи соотвѣтствуютъ дыханію и удареніямъ въ рѣчи, пѣніи и въ игрѣ на духовыхъ инструментахъ,— удару на роялѣ и арфѣ.

всегда бываетъ первый скрипачъ перваго пульта). Штрихи эти для всѣхъ обязательны и не могутъ быть измѣнены по личному произволу музыкантовъ. Старшіе слѣдятъ, чтобы младшіе не ошибались и, если нужно, разучиваютъ съ ними партіи.

Приготовляющійся и настраивающійся оркестръ полонъ разнообразнѣйшихъ дѣловитыхъ звуковъ, и онъ похожъ на дѣятельный рой пчелъ, собирающихъ медъ. Когда музыканты настроились и приготсвились, они замолкаютъ и въ тишинѣ ждутъ своего капельмейстера.

Онъ придетъ и займетъ свое мѣсто. Даровитой рукой своей онъ возьметъ легкую бѣлую палочку и, ощущая ее тонкимъ мускульнымъ чувствомъ въ рукѣ своей, онъ передастъ ей часть своей жизни, часть своей силы, и палочка, какъ бы намагниченная, станетъ проводникомъ его воли, такъ же какъ онъ самъ является проводникомъ высшей воли автора.

Покорный этой волѣ, онъ властной рукой своей станетъ чертить въ воздухѣ ритмическіе музыкальные символы, которые отразятся въ сознаніи музыкантовъ тѣмъ ярче, чѣмъ болѣе внимательны они.

Прежде чѣмъ дать знакъ вступленія, капельмейстеръ обратитъ свой взоръ къ музыкантамъ и они прочтутъ въ его глазахъ доброжелательство, обѣщаніе помощи.

„Вѣрно-ли настроены ваши инструменты, строятъ ли они другъ съ другомъ и всѣ вмѣстѣ?“ спрашиваетъ его взглядъ.

„Все готово!“ отвѣчаютъ глаза музыкантовъ, „мы всѣ готовы въ дружной работѣ быть дружными силами, подчиняющимися твоей волѣ во имя гармоніи“.

Тонкое зданіе построено, оно соткано изъ невидимыхъ нитей взаимнаго довѣрія и любви, оно подобно храму, воздвигнутому во имя правды.

Жрецъ его у алтаря. Глубоко сосредоточившись, онъ возносится пламенными чувствами и мыслями къ своему идеалу. Сердце его разгорается, и вдохновеніе въ немъ вспыхиваетъ свѣтлымъ огнемъ. Тогда онъ величественно поднимаетъ руку и даетъ знакъ... И яркими потоками живыхъ звуковъ, сіяющихъ всѣми оттѣнками красоты сверкающихъ тембровъ, разливается вдохновенная музыка, наполняя пространства, озаряя мракъ, очищая сердца . . .
. . . . Но да не возгордится сердце музыканта радостью музыки, пусть онъ въ себѣ никогда не забываетъ „человѣка“, способнаго во имя жизни, если это нужно, угасить свое я, поклоняющееся музыкѣ. И тогда идея музыки углубится въ его сердце и

схоронится въ самомъ центрѣ его, въ той неуловимой точкѣ, которая есть центръ его жизни. И тамъ она претворится въ Силу, и Сила эта будетъ проявляться качествомъ его дѣйствій—„музыкальностью“ его поступковъ, чистотой и красотой выраженія его любви въ жизни.

А. Унковская.

Изреченія Суфи *).

*) Мистическая секта Ислама.

Лучше поклоняться чему бы то ни было, чѣмъ поклоняться самому себѣ.

Въ каждой религіи есть чему поучиться.

Безъ любви ищущій Истины не достигаетъ своей цѣли. Любовь должна быть основнымъ свойствомъ ищущаго.

Для того, чтобы быть носителемъ любви, надо, прежде всего, отречься отъ себя.

Богъ всюду и во всемъ. Непрестанно славословьте Его.

Покажите намъ, гдѣ нѣтъ Бога, и мы вамъ покажемъ, гдѣ Онъ есть.

Богъ есть абсолютная красота. Красота земная слабый отблескъ Его: красота формы, мысли и дѣйствій.

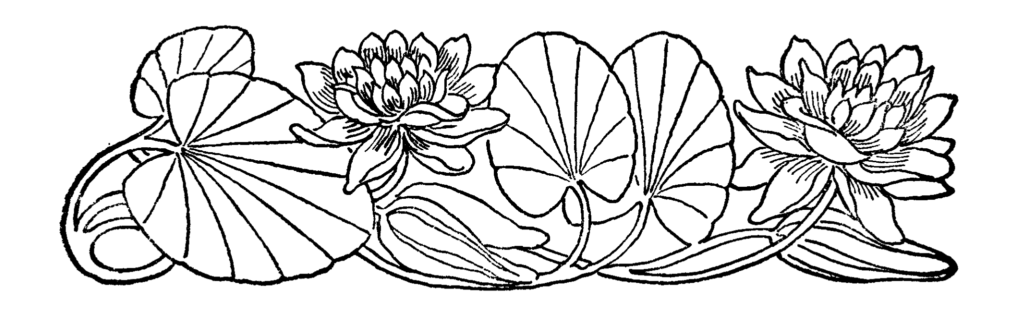
Богъ есть вѣчная красота; вселенная есть зеркало вѣчной красоты.

Богъ былъ, когда ничего не было, кромѣ Него.

Богъ былъ одинъ, когда ничего не было. Онъ пожелалъ проявить Себя и создалъ вселенную.

Тайна зла есть тайна проявленія, т. е. ограниченія.

Мы видимъ отраженіе солнца въ водѣ; это отраженіе обнаруживаетъ нѣкоторыя свойства солнца и постолько—посколько оно ихъ обнаруживаетъ, оно—реальное явленіе. Но оно проявляетъ лишь аттрибуты солнца, а не его суть. Насколько оно отражаетъ солнце, оно—реально, и всю свою долю реальности оно черпаетъ у солнца. Но оно не имѣетъ самостоятельнаго бытія; его кажущееся бытіе въ совершенной зависимости отъ солнца: какъ только солнце перестаетъ свѣтить на воду, оно исчезаетъ.



Общечеловѣческіе Корни Идеализма.

Мнѣ хочется познакомить читателей „Вѣстника Теософіи“ съ глубоко интереснымъ явленіемъ въ новѣйшей религіозно-философской мысли*). Въ сентябрѣ 1908 года передъ собраніемъ ученыхъ богослововъ въ Московской Духовной Академіи была прочитана молодымъ академикомъ П. Флоренскимъ рѣчь, названная имъ „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“. Онъ начинаетъ съ того, что устанавливаетъ родословную Духовной Академіи (по ея человѣческому содержанію) отъ Платона, котораго называетъ ея „истиннымъ основателемъ“, „вдохновителемъ“ и даже „первымъ ректоромъ“ ея. И прибавляетъ, что вспомнить *языческихъ* своихъ предковъ—это значитъ исполнить христіанскій долгъ въ отношеніи къ нимъ.

Такимъ образомъ, онъ ясно и опредѣленно устанавливаетъ духовную связь древне-языческаго міра съ христіанскимъ міромъ.

Но онъ не доходитъ до источника Платонизма, до древнихъ мистерій. Возможно, что это и неудобно въ такой аудиторіи; но въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ подходитъ очень близко къ этому источнику. Такъ, въ одномъ мѣстѣ на вопросъ: „изъ какихъ данныхъ сознанія происходитъ Платонизмъ?“ онъ отвѣчаетъ: *Магія*, вотъ единственное слово, которое рѣшаетъ платоновскій вопросъ, или, если хотите болѣе современное слово—*оккультизмъ* **). Подъ „Магіей“ онъ подразумѣваетъ проникновеніе въ сущность вещей, въ самую суть природы, въ *das Ding an sich,* въ противоположность интеллектуальному изученію однѣхъ внѣшнихъ формъ вещей. Такое проникновеніе онъ видитъ въ Платонѣ

*) Статья эта написана по поводу рѣчи П. Флоренскаго: „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“,—изданіе Троице-Сергіевой Лавры.

**) Стран. 8-ая отдѣльнаго изданія рѣчи Флоренскаго „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“. Сергіевъ Посадъ. 1909 г.

Прим. редакціи.

и его школѣ, но сознательное, философски обоснованное; и его же онъ находитъ въ міровоззрѣніи народа, въ творческомъ процессѣ народной души. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что философскій идеализмъ, идеальное міровоззрѣніе коренится въ міроощущеніи народной души. Это ясно выражено въ заключительныхъ словахъ его рѣчи, которыми онъ подчеркиваетъ, что для него—народное, мужицкое—какъ онъ выражается—міросозерцаніе „стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели многія лженаучныя системы“.

„Свѣтъ изъ тьмы! Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Еслибъ въ сумрачное лоно
Не впивался нагруженный
Темный корень ихъ“.

Такова Платонова философія. Это благоуханная роза, выросшая на все-человѣческомъ темномъ черноземѣ, это „Темнаго Хаоса Свѣтлая Дочь“, такъ кончаетъ свою лекцію Флоренскій.

Этотъ выводъ заставляетъ думать, что мысль Флоренскаго все еще двигается по привычнымъ линіямъ позитивистическаго обоснованія корней человѣческаго творчества. Но рядомъ съ этимъ у него столько новаго, столько глубоко эзотерическаго, такая свѣтлая струя теософическихъ идей, что можно привѣтствовать его какъ одну изъ тѣхъ новыхъ силъ въ христіанскомъ богословіи, которыя *должны* появиться, чтобы одухотворить и углубить наше христіанское богословіе—болѣе того, чтобы вновь создать христіанскій эзотеризмъ на почвѣ древневосточнаго, раскрываемаго теософіей, эзотеризма.

Въ первой части своей лекціи Флоренскій старается провести параллель между идеалистической системой мысли языческаго философа и міроощущеніемъ народа. Въ цѣльности духовной жизни народа и въ идеалѣ *цѣльнаго* знанія, начертаннаго Платономъ и такъ ярко сказывающемся во всемъ міросозерцаніи древняго Востока, прибавлю я отъ себя, онъ видитъ антитезу современнаго духовнаго „атомизма“, какъ онъ называетъ современную раздробленность сознанія, отсутствіе духовной связи между различными частями агностическаго міропониманія современныхъ европейцевъ. Вся эта часть лекціи выражена съ такой образной красотой, что я приведу изъ нея большія выдержки, которыя познакомятъ читателя съ обаятельной рѣчью Флоренскаго.

„Платонъ далъ имя нашей школѣ.

„Неужели она называется именно Академіей, а не Лицеемъ или Стоей, или Университетомъ безъ причины? Конечно, нѣтъ. Вы знаете о несомнѣнной преемственности нашей духовной культуры отъ Платона. Своимъ именемъ мы признаемъ себя питомцами и той, Аѳинской Академіи. Разумѣется въ этомъ признаніи нѣтъ ничего унизительнаго для христіанства. Развѣ христіане сами не бывали рождены языческими родителями. Такъ и мы сыны древняго Пророка Аттики...

„Какъ послѣ бюста Платона и глаза не глядятъ на бюсты иныхъ мыслителей, такъ послѣ твореній его кажутся сырыми, грубыми и земными писанія ихъ. Какіе маленькіе они въ сравненіи съ этимъ провидцемъ-философомъ, безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, чуткимъ воспитателемъ, вдохновеннымъ поэтомъ! Какою непонятною силою заклялъ онъ слова своихъ писаній, что, по исходѣ тысячелѣтій, все еще волнуютъ сердца страннымъ волненіемъ и жгутъ ихъ сладкою болью, и томятъ, и влекутъ въ еле зримую, брежжущую въ холодныхъ предутреннихъ туманахъ даль? Чѣмъ то мистеріальнымъ благоухаютъ его священныя рѣчи, исполненныя божественной магіи. Такъ пахнетъ осѣвшимъ на стѣнѣ ѳиміамомъ въ давно неотворявшихся храмахъ. И какими глубокими очами смотрятъ на читателя его странные миѳы. Кто знаетъ, какой тайный смыслъ скрывается за ними? Вѣдь эзотеризмъ платоновой школы такъ вѣроятенъ. Творенія философовъ значительно позднѣйшихъ давно уже пожелтѣли и высохли. Спалъ ихъ нарядный уборъ, и стоятъ предъ сознаніемъ оголенныя ихъ схемы, какъ мерзлыя деревья зимою. Но живы и будутъ жить эти притрепетные Діалоги Платона. И нѣтъ такого человѣка, который, хотя бы одно время жизни своей, не былъ платоникомъ. Кто, вѣдь, не испытывалъ, какъ растутъ крылья души? Кто не знаетъ, какъ подымается она къ непосредственному созерцанію того, что отъ будничной сутолоки задернуто сѣрымъ покровомъ облакъ? Кто съ помощью Эроса не проникалъ въ невѣдомыя разсудку глубины познанія? Кому не открывалась иная лучезарная дѣйствительность, гдѣ лицомъ къ лицу вдохновенный встрѣчаетъ вѣчные прообразы вещей? Кто не переживалъ, какъ рушится и падаетъ непроходимая стѣна между субъектомъ и объектомъ,— какъ *я* выходитъ за предѣлы своего эгоистическаго обособленія, какъ открытою широкою грудью вдыхаетъ оно горный воздухъ познанія и дѣлается единымъ со всѣмъ міромъ? Тѣ „прекрасныя, чистыя, отрѣшенныя отъ всего земного и какъ бы сотканныя изъ запаха цвѣтовъ и луннаго свѣта грезы любви, которыми теперь

туманятся дни юности и которыя воспѣваются всѣми поэтами у всѣхъ образованныхъ народовъ"—развѣ грезы эти порождены не платонизмомъ? И развѣ *„идеи"*, *„сущности"*, *„понятія"*, *„монады"*, *„личности"*, которыми живетъ и движется философія,—не въ кровномъ родствѣ съ ученіемъ Платона? Идеализмъ,—въ широкомъ смыслѣ слова,—стихія философіи, и, лишенная этого кислорода, философія задыхается, а затѣмъ увядаетъ и гибнетъ.

Европейская философія вышла изъ рукъ Платона.

„Но откуда *самъ* онъ взялъ свою мысль объ Эросѣ, какъ познавательномъ началѣ философіи? Откуда явилось у *него* представленіе о непосредственномъ касаніи къ самой сути вещей, къ ихъ таинственной душѣ? Какъ возникло это почти безграничное отождествленіе слова и мысли (Soph. 263 E. Phaed. 99 D, E)? Какимъ путемъ пришелъ Платонъ къ своему царству воистину сущихъ, неизмѣняемыхъ, имматеріальныхъ, самихъ по себѣ прекрасныхъ, вѣчныхъ, находящихся въ „умномъ мѣстѣ" образовъ сущаго, познавая которые въ Эросѣ мы владѣемъ ключемъ въ отверзенію всѣхъ тайнъ міра? И почему сѣдою *древностью* вѣетъ отъ этихъ концепцій философа? Почему онѣ всегда современны? Это—темные вопросы. Но, кажется, менѣе всего справедливо обычное объясненіе; видящее въ платоновскихъ *„идеяхъ"* ѵпостазированныя *„понятія"* Сократа. „Сократъ, молъ, училъ о родовыхъ понятіяхъ: а Платонъ взялъ да превратилъ ихъ въ метафизическія сущности". Какъ это просто!—и какъ это нелѣпо психологически.

„Мнѣ кажется умѣстнымъ исполнить сыновній долгъ дальше,—глубже проникнуть въ „Книгу родовъ" нашей школы. При этомъ я надѣюсь показать вамъ *корни* платонизма, которыми онъ привлекаетъ къ себѣ почвенную влагу общечеловѣческихъ вѣрованій. Въ этой *почвенности* платонизма, мнѣ кажется, и завита причина его *вѣчности*. Вѣдь Платонъ—не плодъ школьной философіи, а цвѣтокъ *народной* души, и краски его не поблекнутъ, доколѣ будетъ жить эта душа.

„Вопросомъ „откуда происходитъ платонизмъ" спрашивается вовсе не то, каковы *историческія* вліянія и связи, обусловившія возникновеніе его. Выяснять историческія вліянія въ большинствѣ случаевъ дѣло столь безнадежно темное, что дѣлается оно посредствомъ многихъ насилій надъ исторіей. Но есть и иной смыслъ вопроса „откуда"? а именно: „Изъ какихъ данныхъ сознанія? Гдѣ эти данныя проявили себя въ своей первичной грубости? Гдѣ они болѣе ярки? Если вы согласитесь на такую постановку вопроса, то отвѣтъ мой кратокъ и простъ. *Магія*—вотъ то единственное

слово, которое рѣшаетъ Платоновскій вопросъ. Или, если хотите болѣе современнаго слова, то это будетъ „*оккультизмъ*“. Но не думайте, что я хочу говорить вамъ о чертяхъ или вѣдьмахъ. Меня, какъ историка, вопросъ объ ихъ реальности нисколько не касается. Пусть нѣтъ лѣшихъ и русалокъ:—но есть воспріятіе ихъ. Пусть нѣтъ власти заклятій и заговоровъ:—но есть вѣра въ нее. Какъ мнѣ, такъ и вамъ, данъ *фактъ*—мiроощущеніе и міровоззрѣніе мага.

„Дѣло психологовъ рѣшить, міровоззрѣніе ли мѣняется отъ измѣненій въ міроощущеніи, или, напротивъ, само міроощущеніе есть лишь производное отъ міровоззрѣнія.

„Чтобы понять внутреннюю жизнь древняго человѣка, чтобы проникнуть въ непосредственное міровоспріятіе крестьянина необходимо отрѣшиться отъ интеллигентскихъ взглядовъ, забыть о нихъ и, съ чистымъ сердцемъ, не очерствѣлымъ отъ предвзятыхъ схемъ и безчисленныхъ научныхъ теорій, всмотрѣться въ этотъ новый душевный міръ. Для того же, кто не живетъ или не можетъ жить этою цѣльною жизнью, ключъ къ народному міросозерцанію утерянъ навсегда. Понимать чужую душу—это значитъ перевоплощаться. Быть можетъ, самымъ близкимъ къ народному сознанію является моментъ геніальнаго озаренія поэта, когда снимаются грани мірового обособленія, когда онъ слышитъ:

И дольней розы прозябанье,
И горнихъ ангеловъ полетъ.

„И напротивъ, нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ народнаго, непосредственнаго сознанія, какъ тотъ духовный атомизмъ, который, какъ ракъ, изъѣлъ и мертвитъ современную душу. Возьмите для примѣра ближайшую къ намъ область,—науку. Идеалъ *цѣльнаго знанія*, столь ясно начертанный Платономъ, пересталъ вести науку даже въ качествѣ Кантовской регулятивной идеи. Не наукою, а дисциплинами занято человѣчество. Случайные вопросы, какъ внушенное представленіе, въѣдаются въ сознаніе и, порабощенное своими же порожденіями, оно теряетъ связь со всѣмъ міромъ. Спеціализація, моноидеизмъ,—губительная болѣзнь вѣка, требуетъ себѣ больше жертвъ, нежели чума, холера и моровая язва. Нѣтъ даже спеціалистовъ по наукамъ: одинъ знаетъ эллиптическіе интегралы, другой—ротаторій, третій—химію какого-нибудь подвида бѣлковъ и т. д.

„Но еще замѣтнѣе это разъѣдающее дѣйствіе душевнаго атомизма на другихъ обласляхъ. Для многихъ-ли природа не разла-

гается на ничѣмъ не связанные между собою землю, лѣсъ, поле, рѣку и т. д. Да и многіе-ли за деревьями видятъ лѣсъ? Для многихъ-ли „*лѣсъ*" есть не только собирательное существительное и риторическое олицетвореніе, т. е. чистая фикція, а нѣчто единое, живое. Вы недоумѣваете на мой вопросъ? Но вѣдь реальное *единство* есть единство самосознанія. Итакъ, спрашиваю, многіе-ли признаютъ за лѣсомъ единство, т. е. живую душу лѣса, какъ цѣлаго, *лѣсного*, *лѣсовика*, *лѣшаго?* Согласны-ли Вы признать *русалокъ* и *водяныхъ*—эти души водной стихіи? Видите, какъ различна внутренняя жизнь. Но оставимъ природу. Посмотрите, какъ распались начала внутренней жизни: святыня, красота, добро, польза не только не образуютъ единаго цѣлаго, но даже и въ мысляхъ не подлежатъ теперь сліянію. Современная святыня робка и жмется въ затаенный, ни для чего болѣе не нужный уголокъ души. Красота бездѣйственна и мечтательна, добро ригористично, польза,—пресловутый кумиръ нашихъ дней,—нагла и жестока. Жизнь распылилась. Какой глубокій смыслъ въ томъ, что научная психологія—бездушная психологія: вѣдь и впрямь у людей нашего времени нѣтъ души, а вмѣсто нея одинъ только психическій потокъ, связка ассоціацій, психическая пыль. День мелькаетъ за днемъ, „дѣло" за „дѣломъ". Смѣняются психическія „состоянія", но нѣтъ цѣльной жизни. Если у души отрицаютъ субстанціональность, то это—вовсе не выдумка психологовъ, а дѣйствительное самопознаніе, содержаніе котораго сводится къ тому, что не бываетъ переживанія себя, какъ субстанціи, при современномъ распадѣ души. Но вглядитесь въ душу народную, и вы увидите, что тамъ—совсѣмъ не такъ. Медлительно и важно течетъ жизнь,—свѣжая, широкая и свѣтлая, и какъ Волга, напоенная закатнымъ блескомъ и вечерѣющею прохладою,—и отдѣльныя струи ея, сплетаясь межъ собою, дружно текутъ и сливаются во-едино. Тутъ цѣленъ человѣкъ. Польза не есть только польза, но она и добро; она и прекрасна, она и свята.

„Знаніе крестьянина,—цѣльное, органически-слитное, нужное ему знаніе, выросшее изъ души его; интеллигентное-же знаніе раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внѣшне взято имъ на себя. Онъ,—какъ навьюченный скотъ,—несетъ бремя своего знанія. И все, и все-такъ, въ особенности-же—языкъ.

„Народъ живетъ цѣльною, содержательною жизнью. Какъ нѣтъ тутъ непроницаемости, непроходимой стѣны изъ „вѣжливости" между отдѣльными личностями, такъ и съ природою крестьянинъ живетъ *одною* жизнью, какъ сынъ съ матерью, и эти отношенія

его къ природѣ то—любовны, нѣжны и проникновенны, то—исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою-же властны и своевольны. То подчиняясь природѣ, то подчиняя ее самъ, или же сожительствуя ей, какъ равный равной, онъ, однако, всегда *открытыми* глазами смотритъ на всю тварь, дышитъ съ нею *однимъ* воздухомъ, грѣется *однимъ* солнышкомъ. Это не сантиментальное воздыханіе по природѣ. Нѣтъ, это—на дѣлѣ жизнь съ нею,—жизнь, въ которой столько черной работы и житейской грубости, и которая, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ своей, всегда носитъ сосредоточенность и подлинную любовъ. И потому, даже будничная жизнь среднихъ людей проникнута какимъ-то непередаваемымъ трепетомъ поэзіи и сердечности. Возьмите любой травникъ или лечебникъ,—книгу, повидимому, чисто утилитарную, и сравните описаніе ея съ описаніями ботаниковъ. Вы не сможете не поразиться тою нѣжностью, тою любовностью, съ какою говоритъ о травахъ народная фармакопея. Есть трава „тихоня“, говорится въ бѣло-русскомъ травникѣ: „растетъ окала зелени, листички маленькія, маленькія рядышкымъ, рядышькымъ, твяточикъ сининькій. Растетъ окала земли, стелитца у разныи сторыны“.—Или послушайте благоговѣйное описаніе простого одувачника (мы, быть можетъ и не замѣтили-бы его), какъ хрупкаго, живого и дорогого намъ существа: „трава вездѣ растетъ по пожнямъ и по межнинкамъ и по протокамъ, листье разстилается по землѣ. Кругомъ листиковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прекрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ, а какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ корнѣ на листу и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленко“...

„Народъ видѣлъ и, нерѣдко, видитъ *ангеловъ* въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. „Есть трава именемъ *Архангелъ*,—говоритъ травникъ,—собою мала, на сторонахъ по девять листовъ, тонка въ стрѣлки, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ день сквозь златую или серебряную гривну и ту трава носитъ, и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злого человѣка“. Голуби называются *„Ангелами Божіими“*: это святая птица, убивать ее—великій грѣхъ. *Пчела*—„Божія угодница“—„Божія скотинка“. Она символъ чистоты и водится только у людей праведныхъ и чистоплотныхъ, мирно живущихъ со своею семьею; извѣстно, что „пчела жалитъ только грѣшника“. А въ Костромской губерніи и дѣтей научаютъ: „Если Божія коровка, (вслушайтесь въ самое названіе ма-

ленькаго жучка) если Божія коровка сядетъ на ручку, то ее не гони и не обижай, а подыми ручку пальчикомъ вверхъ и припѣвай:

„Божія коровка
улетай на небо:
тамъ тепленько,
здѣсь холоденько",

и тогда она раскроетъ крылышки и улетитъ.

„Какая непроходимая пропасть отдѣляетъ это благоговѣніе предъ *всѣмъ* и гадливость ко *всему*,—гадливость, которая такъ трудно отдѣлима отъ интеллигентности!

„Вся природа одушевлена для народа, *вся* жива,—въ цѣломъ и въ частяхъ. Все связано тайными узами между собой, все дышитъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Враждебныя и благотворныя воздѣйствія идутъ со всѣхъ сторонъ. Ничто не бездѣйственно: но, однако, всѣ дѣйствія и взаимодѣйствія вещей—существъ—думъ имѣютъ въ основѣ—родъ телепатіи, изнутри дѣйствующее, симпатическое сродство. Энергіи вещей *втекаютъ* въ другія вещи, и каждая во всѣхъ, и всѣ—въ каждой. Послушайте, какъ крестьянинъ разговариваетъ со скотиною, съ деревомъ, съ вещью, со всею природою: онъ ласкаетъ, проситъ, умоляетъ, ругаетъ, проклинаетъ, бесѣдуетъ съ нею, возмущается ею и, порою, ненавидитъ. Онъ живетъ съ природою въ тѣсномъ союзѣ, борется съ нею и смиряется предъ нею. Какая-нибудь былинка не просто былинка, но что-то безмѣрно болѣе значительное,—особый міръ. И міръ этотъ глядитъ на другіе міры глубокими, завораживающими очами. Всѣ вещи взираютъ другъ на друга, тысячакраты отражаютъ другъ-друга. Всѣ вещи—центры исходящихъ тайныхъ силъ. Пересѣкаясь, сплетаясь, запутываясь, эти черные лучи, эти нити судебъ вяжутъ узлы—новые центры, какъ-бы новыя многоразличныя манифестаціи природы,—то являющіяся, то исчезающія, то попадающія въ поле зрѣнія повседневнаго, то заволакивающіяся отъ солнечнаго свѣта туманною дымкою, или исчезающія въ густой, какъ смола, тьмѣ ночи. Это—безчисленныя существа,—лѣсовые, полевые, домовые, под-овинники, сарайники, русалки, шишиги или кикиморы и т. д. и т. д.,—двойники вещей, мѣстъ и стихій, воплощенныя и безплотныя, добрыя и злыя *numina* ихъ. Это,—предвосхищу дальнѣйшее,—*ѵпостасныя имена вещей*, *nomina* ихъ. Это—знаменія судебъ ихъ, *omina* ихъ. Это—Numina—Nomina—Omina rerum. Но, прежде всего, это живыя существа. Они покровительствуютъ человѣку и враждуютъ съ нимъ. Они то возвращаются въ пораждающія ихъ стихіи, растворяясь въ нихъ и обез-

личиваются до простыхъ поэтическихъ олицетвореній этой стихіи, то снова выступаютъ изъ нихъ, снова надѣваютъ личину самостоятельности, говорятъ какими-то особыми, но порою человѣку понятными голосами,—быть можетъ, беззвучными телепатическими внушеніями, прямо въ душу—требуютъ себѣ пищу, вершатъ житейскія дѣла, женятся и посягаютъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, дерутся, хохочутъ и плачутъ, радуются и печалятся, болѣютъ и умираютъ. Какъ по стѣнамъ невѣрныя тѣни угасающей лучины, мелькаютъ эти души и двойники вещей, мѣняются видомъ, выступаютъ изъ мрака и снова уходятъ, выростаютъ и уменьшаются, дѣлаются отчетливыми и расплываются. Кажется, вотъ—вотъ сможешь запечатлѣть ихъ взглядомъ! Но нѣтъ! Они растаяли, и осталось обычное, обиходное, дневное. Отвернулся,—и снова они тутъ, прихотливые тремодники, чудные проказники. Никто не можетъ точно описать ихъ, никто отчетливо не знаетъ, какія у нихъ лица; а иногда они кажутся и вовсе безликими; у нихъ вмѣсто лицъ—зіяющая бездонность ночи. Вся дѣйствительность переливается странными фосфоресцирующими свѣтами, — углубляется новою, интеллигенту невѣдомою свѣто-тѣнью. Каждая вещь порою дѣлается болѣе, нежели она есть грубо-эмпирически. Отъ всего ждешь диковинъ. И ничего нельзя закрѣпить, утвердить окончательно. Міръ этотъ есть всегда—текущее, всегда бывающее, всегда дрожащее полубытіе, и за нимъ, за его—какъ воздухъ надъ землею въ жаркій полдень—дрожащими и колеблющимися и размытыми очертаніями чуткое око прозрѣваетъ иную дѣйствительность.

„Вотъ вѣтеръ кружится вдоль по дорогѣ, завивая снѣжные или пыльные столбы. Но это — не просто вѣтеръ. Это — вѣдьма празднуетъ свою нечистую свадьбу съ чортомъ. И въ этомъ легко убѣдиться. Брось ножъ въ этотъ вихрь;—ты увидишь, какъ его втянетъ туда, понесетъ, а потомъ онъ упадетъ, окровавленный нечистою кровью. „Окровавленный вихремъ“ ножъ — не просто ножъ. Имъ можно вырѣзывать слѣды, оставленные молодицей въ снѣгу, можно творить иныя неподобныя чары. Или еще: надъ крышею вдовьяго дома разсыпались золотымъ дождемъ огненныя искры, какъ не простымъ былъ золотой потокъ, одождившій Данаю. Искры эти—змѣй-летунъ, оборачивающійся въ избѣ покойнымъ мужемъ хозяйки, вступающій съ нею въ плотскую связь и доставляющій ей деньги; отъ этого сочетанія женщины съ нездѣшнею силою родится,—ужъ конечно!—уродина, звѣро-образный ребенокъ, имѣющій какую-нибудь часть тѣла звѣриную. Да и одно-ли только это?

„Все, все, что ни видитъ взоръ—все имѣетъ свое тайное значеніе, двойное существованіе и иную, за-эмпирическую сущность. Все причастно *иному* міру, во всемъ *иной* міръ отображаетъ свой оттискъ...

„Это воззрѣніе на двойственную природу *всего* въ мірѣ—воззрѣніе все-человѣческое. Какъ каменный хрящъ известковымъ растворомъ, весь видимый міръ былъ пропитанъ и скрѣпленъ потустороннимъ. Нѣтъ *просто* ѣды, болѣзни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все—просто и непросто; все житейско. Океанъ невѣдомаго бьетъ волнами въ обиходъ. Человѣкъ пускаетъ длинные корни въ иныя почвы, нежели эта почва. Воспріимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вѣщею, примѣчающею то, „что для другихъ неуловимо“, чего не замѣчаетъ разслабленная рефлексіей душа. Таинственное врастаетъ въ обиходѣ, обиходъ дѣлается частью таинственнаго. Нездѣшняя сила срастворяется съ шелестами и шорохами ночи, съ воемъ вѣтра, съ гудѣніемъ лѣса, съ крикомъ ночныхъ птицъ, съ жизнью всей природы. Идешь ты вечеромъ надъ рѣкою: всплеснулась рыба; зашелестѣлъ дрездильникъ, зашумѣло что-то въ хвощахъ; выхухоль бросился въ воду,—ну, совсѣмъ какъ мужикъ. Но ты напрасно успокаиваешь себя. Такъ и знай, что не спроста екнуло у тебя сердце: вѣдь это конечно, дѣдушка — водяной „мыряется“ въ черной влагѣ.—Или, вотъ, въ лѣсу заржало, заухало, захохотало,—да такъ, что листъ съ дерева посыпался. А то,—бываетъ,—ровно ребенокъ жалобно заплачетъ и застонетъ кто-то въ лѣсу, завизжитъ и снова расхохочется.

„Однако, у крестьянина, средняго, это міроощущеніе не развивается до конца. Есть множество тайнъ, которыя онъ принимаетъ попросту, довѣрчиво, и мудро не любопытствуетъ о нихъ далѣе, смиряется передъ невѣдомымъ, молчитъ или отвѣчаетъ случайно подвернувшимися миѳами...

„Но есть и среди крестьянъ отдѣльные люди, которымъ вѣдомо и невѣдомое. Они—вѣдуны и вѣдуньи, вѣдьмаки и вѣдьмы, ибо *они* вѣдуютъ по преимуществу. Одни изъ нихъ такъ и отродились, нарочито отзывчивые на каждую вибрацію міра; другіе достигли вѣдѣнія посредствомъ внутренней аскезы или благочестія и созерцательной жизни. Третьи вступили въ союзъ съ темною силою, поработились нечисти, подталкиваемые несчастіями, гнѣвомъ, или страстью. Одни пользуются своимъ вѣдѣніемъ во благо, другіе во зло. Но всѣ они, добрые и злые, прирожденные и выученные переживаютъ *такія* времена, когда видятъ, слышатъ и

всячески воспринимаютъ то, что незримо и непостижимо всѣмъ прочимъ. Всѣ они живутъ двойною жизнью. Предъ всѣми ними отверзаются настежь двери потусторонняго. Всю силу своей воли сосредоточивая на *одномъ* желаніи, заклинатель наполняется этимъ желаніемъ, самъ становится воплощеніемъ единаго акта воли. „Воля къ дѣйствію" отдѣляется отъ него, выходитъ за предѣлы его ограниченности, вступаетъ въ активное взаимодѣйствіе съ волями природныхъ вещей—существъ. Она — дѣйственный духъ среди другихъ духовъ, центръ мистическихъ силъ среди другихъ центровъ. Онъ борется съ природою и вступаетъ съ нею въ союзъ; побѣждаетъ ее и бываетъ побѣждаемъ. Онъ уже не человѣкъ, не просто субъектъ, для котораго міръ есть просто объектъ. Нѣтъ тутъ ни субъекта, ни объекта. Теряется это различеніе въ дружественномъ или враждебномъ слитіи съ природой, въ этомъ объятіи или этой схваткѣ съ тайными силами. Онъ—часть природы; она—часть его. Онъ вступаетъ въ бракъ съ природой и тутъ—намекъ на тѣснѣйшую связь и почти нераздѣлимую сліянность между оккультными силами и метафизическимъ корнемъ пола. *Двое* становятся однимъ. Мысли мага сами собою выливаются въ слова. Его слова—уже начинающіяся дѣйствія.

„Мысль и слово, слово и дѣло—нераздѣльны,—одно и то же, тожественны. Дѣло рождается само собою, какъ плодъ этого брачнаго смѣшенія кудесника и природы. Вѣдь даже въ обычномъ, „дневномъ" сознаніи нельзя *только* мыслить, нельзя мыслить безъ словъ. Мысль сама собою заставляетъ извѣстнымъ образомъ напрягаться наши голосовыя связки, сама собою заставляетъ насъ внутренне произносить мыслимое слово. Мыслить—по выраженію полинезійцевъ, рьяно защищаемому М. Мюллеромъ,—это значитъ „*говорить въ животъ*", т. е. беззвучно артикулировать. Стоитъ немного забыться, и вы будете произносить вслухъ; ваша артикуляція выявится въ звукѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль есть и начало дѣйствія. Когда вы обдумываете что-нибудь, вы неизбѣжно готовитесь начать рядъ дѣйствій, такъ или иначе напрягаете мышцы. Чѣмъ напряженнѣе желаніе, чѣмъ непосредственнѣе сознаніе, тѣмъ ближе другъ къ другу мысль, слово и дѣло. Въ экстазѣ магическаго творчества, въ упоеніи міро-творческою властью нѣтъ границы между ними.

„Одно *есть* другое. Огненною лавою течетъ изъ устъ заклинаніе и, ударяясь о вещи, плавитъ ихъ и отливаетъ въ новыя формы, даваемыя кудесникомъ. Кто имѣлъ дѣло съ гипнозомъ, тотъ хорошо знаетъ это состояніе, когда слово, даже желаніе,

осуществляется безъ промежуточныхъ звеньевъ; но еще лучше знаетъ его тотъ, кто дѣлалъ опытъ съ движеніемъ тѣлъ по приказу словесному или мысленному, когда нечеловѣческое „да будетъ“ претворяетъ дѣйствительность, когда mens agitat molem; и тотъ пойметъ, что активность кудесника—это нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, нежели обычное, пассивное воспріятіе міра.

„Въ этомъ соединеніи субъекта съ объектомъ, въ сліяніи, которое зачинаетъ уже дѣйствіе, и дѣйствіе котораго есть воплощенное слово, кудесникъ живетъ какъ полу-богъ, какъ особое существо, уходящее отъ людей и возвращающееся въ лоно природы“...

Во второй части своей лекціи Флоренскій даетъ совершенно оккультное разслѣдованіе могущества *слова*; при этомъ онъ обнаруживаетъ большую ученость и знаніе древнихъ и современныхъ языковъ. Интересенъ его анализъ силы, посредствомъ которой дѣйствуетъ заклинатель или кудесникъ.

„Дѣйственная, творческая воля кудесника,—сама по себѣ—темна, безвидна и неопредѣленна. Это—стихійная мощь, незнающая цѣли;—напряженіе, не являющее себя, ибо не знаетъ, какъ явить себя;—чистая возможность, не имѣющая ничего дѣйствительнаго. Она даетъ *сказуемое* міро творческаго сужденія: „Да будетъ“. Но что „Да будетъ“? Сказуемымъ опредѣляется реальность подлежащаго; но только подлежащее, своею идеальною данностью, опредѣляетъ творческій переводъ потенціи въ актъ. Идея—вотъ что должно быть подлежащимъ. И только наличность *идеи* въ духѣ кудесника дѣлаетъ дѣйствительностью его творческую возможность. Идея, мыслимая кудесникомъ, направляетъ его мощь, даетъ опредѣленность его напряженію. Но и сама идея требуетъ скрѣпляющей ее сдержки. Идея фиксируется лишь въ *словѣ*. Лишь слово, хотя бы и беззвучно произносимое, хотя бы лишь потенціальное слово, данное какъ *напряженіе* голосовыхъ мышцъ (и въ крайнемъ случаѣ, какъ *другое* мускульное чувство), лишь оно фиксируетъ мысль на *идеѣ*. Лишь въ *словѣ* объективируется и получаетъ опредѣленность воля. *Слово* кудесника есть эманація его воли; это—выдѣленіе души его, самостоятельный центръ силъ,—какъ бы живое существо, съ тѣломъ, сотканнымъ изъ воздуха, и внутренней структурою—формою звуковой волны. Это—элементаль,—по выраженію оккультистовъ,—особаго рода природный духъ, изсылаемый изъ себя кудесникомъ. Слово—это и есть *подлежащее*, сказуемымъ котораго является творческое „Да будетъ“.

„Дѣйствіе ли то, состояніе, качество или вещь,—слово, какъ подлежащее, какъ желаемое, непремѣнно носитъ характеръ *вещный*, субстанціальный. Съ этимъ, желаемымъ, кудесникъ вступаетъ въ живое взаимодѣйствіе. Мысленно противопоставляя *себѣ* идеальное, объектъ (ибо объектъ—всегда идеаленъ, тогда какъ субъектъ—реаленъ), актомъ воленія, въ творческомъ восторгѣ зачатія, онъ порождаетъ часть своей души, *подражающей* этому идеальному, и, направляя это рожденное отъ него слово на противостоящій ему объектъ, заклинаетъ его, т. е. сливается съ нимъ посредствомъ своей эманаціи.

„Слово кудесника—вещно. Оно—сама вещь. Оно поэтому всегда есть *имя*. Магія дѣйствія есть магія словъ; магія словъ—магія именъ. *Имя* вещи и есть субстанція вещи. Въ вещи живетъ имя; вещь творится именемъ. Вещь вступаетъ во взаимодѣйствіе съ именемъ, вещь подражаетъ имени. У вещи—*много* разныхъ именъ, но различна ихъ мощь, различна ихъ глубина. Есть имена болѣе и менѣе периферическія, и, сообразно съ тѣмъ, зная имя вещи, мы знаемъ болѣе и менѣе и самую вещь и могучи болѣе и менѣе въ отношеніи къ ней. Непроницаемость вещи происходитъ отъ неумѣнія заглянуть во внутрь ея, въ ея сокровенное ядро. Чѣмъ глубже мы постигаемъ вещь, тѣмъ больше мы можемъ. Кому извѣстны сокровенныя имена вещей, *нѣтъ* для того ничего непреступаемаго. Ничто не устоитъ предъ вѣдающимъ имена, и, чѣмъ важнѣе, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ многозначительнѣе носитель имени, тѣмъ мощнѣе, тѣмъ глубже, тѣмъ значительнѣе его имя...

„Ѳеургія и магія столь же стары, какъ и человѣчество. Вѣра въ силу заклятія и переживаніе своего мірообразующаго творчества простирается такъ же далеко, какъ и человѣкъ“...

Но здѣсь эзотеризмъ теософіи могъ бы закончить его мысль: далеко не всѣ кудесники являются тѣмъ могучимъ проводникомъ невѣдомыхъ силъ, какими Флоренскій рисуетъ ихъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что безъ всякаго „акта воленія“, безъ всякаго „творческаго восторга зачатія“ заклинатель прекращаетъ боль, останавливаетъ кровотеченіе, вылечиваетъ заговоромъ отъ ядовитаго укуса змѣи и т. д. Тутъ у Флоренскаго не хватаетъ теософическаго знанія мыслеобразовъ съ одной стороны и оккультнаго значенія Мантры съ другой. И потому всѣ его интересныя разсужденія о силѣ слова и о „магіи имени“ недостаточно обоснованы, „Истинное имя“ всѣхъ вещей, которое можетъ быть познано лишь въ трансцендентальномъ мірѣ первообразовъ, онъ соединяетъ съ понятіемъ о земныхъ именахъ вещей, и тутъ его рѣчь

становится темной и невразумительной. Онъ схватилъ глубоко оккультную идею, но у него не хватаетъ тѣхъ звеньевъ, соединяющихъ ее съ земными, отраженными понятіями, которыми обладаетъ теософическій эзотеризмъ.

То же отсутствіе соединяющихъ звеньевъ обнаруживается и въ его главной мысли, которая служитъ выводомъ изъ всей его лекціи: „Стремленіе Платона къ цѣльному знанію, къ нераздробленному единству міропредставленія, находитъ себѣ точный откликъ во всеобъемлемости и органическомъ единствѣ первобытнаго міросозерцанія". Если бы онъ къ этой мысли прибавилъ указаніе *на источникъ* этой „всеобъемлемости и этого единства первобытнаго міросозерцанія", на мистеріи и на древнихъ посвященныхъ, которые руководили молодымъ человѣчествомъ, тогда его идеи получили бы разумное обоснованіе. Тогда какъ, безъ этого звена, его выводъ совершенно произвольный и неубѣдительный. „Безграничная вѣра Платона, говоритъ онъ, въ силу человѣческаго духа, есть прямое отраженіе народной вѣры въ возможность *творчества силою мысли*".

Въ дѣйствительности, эта безграничная вѣра основана на томъ, что Платонъ былъ посвященъ въ древнія Мистеріи, народная же вѣра въ возможность творчества силою мысли (кудесники, заклинатели, знахари и т. д., которыхъ приводитъ Флоренскій и изъ магіи которыхъ онъ выводитъ идеализмъ Платона) *лишь* отраженіе истинныхъ магическихъ знаній, которыми обладали древніе посвященные. Это—*лишь* отрывочные, часто искаженные, лишенные своего научнаго обоснованія—ибо наука духа существуетъ такъ же, какъ и земная наука—осколки мистерьяльныхъ знаній, проникшихъ въ народъ. „Магическое міросозерцаніе", продолжаетъ онъ, подразумѣвая подъ „магическимъ" знаніе сути вещей, а не только ихъ формы,—нумена, а не только феномены, и способность вступать въ общеніе съ этой сутью, „такое міросозерцаніе не укладывается на разсудочной плоскости". Это совершенно вѣрно, такъ какъ знанія, положенныя въ основу такого міросозерцанія, обнимаютъ не только физическій, но и потустороннія планы бытія. Но выводъ, который Флоренскій дѣлаетъ изъ этой вѣрной мысли, говоритъ снова о недостаткѣ промежуточныхъ звеньевъ въ его умозаключеніяхъ. Онъ указываетъ на невозможность построить изъ народныхъ вѣрованій цѣльную систему мысли благодаря тому, что „магическое міросозерцаніе не укладывается *на разсудочной плоскости*". И отсутствіе цѣльности, характеръ какъ бы „осколковъ" въ системѣ Платона онъ объяс-

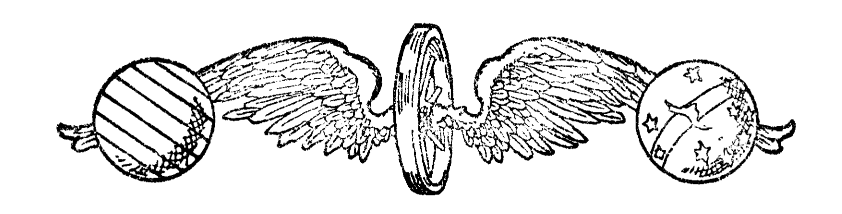
той же причиной. На самомъ дѣлѣ, причина безсистемности, обрывочности „народнаго магическаго міросозерцанія“ происходитъ отъ того, что народъ обладаетъ дѣйствительно лишь отрывками изъ стройной и цѣльной науки—религіи древнихъ посвященныхъ—Маговъ, и если народъ сохранилъ еще эти „неукладывающіяся въ разсудочную плоскость“ понятія, то только потому, что онъ продолжалъ жить въ непосредственной близости съ природой и не потерялъ своей органической связи съ остальнымъ міромъ, какъ ее потеряла интеллигенція. Что касается отрывочности системы Платона, которая на Флоренскаго производитъ впечатлѣніе „осколковъ цѣльной системы“ (стр. 30),—отрывочность эта происходитъ отъ того, что Платонъ хотя самъ и былъ посвященъ въ науку—религію древнихъ Мистерій, но выдавать ее міру не имѣлъ права; въ его ученіяхъ она могла лишь отражаться, передавать же ее во всей ея стройной цѣльности онъ не могъ въ виду обѣта молчанія, которымъ были связаны всѣ древніе посвященные.

Е. П.

Человѣкъ—это глазъ отраженнаго Бога въ зеркалѣ небытія. Человѣкъ—глазъ этого отраженія, а Богъ—свѣтъ глаза. Съ помощью этого глаза Богъ видитъ Себя.

Въ человѣкѣ, этомъ чудесномъ и таинственномъ созданіи, воплощается вся вселенная. Человѣкъ, какъ и она, составляетъ соединеніе дѣйствительнаго и недѣйствительнаго, добраго и недобраго, свѣта и мрака. Если онъ смотритъ внизъ и отворачивается отъ Бога, то онъ видитъ только мрачную тѣнь своего я, источника всѣхъ его страданій и грѣховъ. Но, если онъ научится смотрѣть вверхъ, то онъ увидитъ передъ собою свѣтъ и только свѣтъ, добро и только добро, Бога и только Бога.

(Изреченія Суфи, см. стр. 71).



М. А. Врубель *).

Вполнѣ вѣроятно, что я, какъ почти современникъ Врубеля, ошибусь въ своей оцѣнкѣ его; можетъ быть то, что будущимъ поколѣніямъ откроется цѣннымъ въ его образѣ, мнѣ заслонено внѣшнимъ и временнымъ и потому, дабы избѣжать грубыхъ промаховъ, я постараюсь говорить о значеніи Врубеля только для „сегодняшняго дня" русской жизни. Сейчасъ болѣе другихъ сторонъ его дара насъ затрагиваетъ надломленность его духа, больная и гнѣвная.

Творчество Врубеля не стройно - свободно, но словно притиснуто; каждая черта красоты давалась ему мучительнымъ напряженіемъ; словно въ темнотѣ, не видя самъ, что дѣлалъ, только судорожно пытаясь забыться въ творчествѣ отъ жизни, создавалъ онъ свои произведенія. Эти судорожные поиски и тоскующія уклоненія отъ жизни въ вымыселъ сейчасъ намъ представляются геніальною мощью, откровеніемъ, но потомъ, можетъ быть, будутъ приняты какъ лихорадочный бредъ замученнаго. Въ Врубелѣ не слышно той ясной тишины, что странно волнуетъ насъ, напримѣръ, въ созданіяхъ Леонардо да-Винчи. Я бы назвалъ, хотя это и выйдетъ немного пышно, такую тишину—печатью вѣчности.

---

*) Врубель настолько выдающееся явленіе нашей современной дѣятельности, что всякая серьезная и искренняя попытка освѣтить его съ той или иной стороны уже тѣмъ самымъ заслуживаетъ вниманія.

Поэтому, помѣщаемъ настоящій очеркъ тѣмъ болѣе охотно, что авторъ подходитъ въ немъ и къ крайне важному для искусства вопросу, вопросу, надъ которымъ, къ сожалѣнію, черезчуръ мало останавливаются объ отношеніи художника къ своему дарованію и вытекающихъ изъ него требованій къ самому себѣ.—

Вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваемся, что сдѣланная авторомъ оцѣнки личности самого Врубеля кажется нѣсколько односторонней и не вполнѣ соотвѣтствующей тому образу крайне скромнаго, дѣтски радостнаго и незлобиваго человѣка, какимъ рисуютъ художника многіе изъ близко знавшихъ его людей.

Прим. редакціи.

Картины, отмѣченныя этой печатью, совершенно тихи, даже точно незначительны; онѣ такъ ясны, что взбудораженный мелочами жизни человѣкъ минуетъ ихъ, какъ минуетъ равнодушно природу; смыслъ такихъ произведеній не передать словомъ; когда глядишь на нихъ, то отчетливо сознаешь, что самый драгоцѣнный ихъ смыслъ внѣ слова. Почти все во Врубелѣ можно переложить на слова, можетъ быть на очень восторженныя, но все же слова. Общепризнано мнѣніе, что Врубеля загубило непониманіе публики, но толпа всегда одна, и смѣшно ее въ чемъ либо обвинять; въ самомъ Врубелѣ, непремѣнно, были заключены причины его трагической судьбы. Я смутно, отрывками, знаю про личную жизнь Врубеля, онъ мнѣ знакомъ только по картинамъ. Картины его врѣзывались въ память своими напряженными красками, разбитыми линіями; онѣ казались крикомъ пытаемаго подлѣ сонныхъ самодовольныхъ позѣвываній и чувственныхъ кокетничаній картинъ другихъ художниковъ. Этотъ крикъ иныхъ потѣшалъ, иныхъ восхищалъ, большинство же косилось на нихъ съ опасливымъ недоумѣніемъ. Дѣйствительно, развѣ не странно среди благоустройства и благополучія современнаго общества слышать такой крикъ? Девяносто девять процентовъ публики, созерцавшей изогнутыхъ, обезумѣвшихъ отъ тоски демоновъ Врубеля, вполнѣ убѣждено было, что лучше того состоянія, въ коемъ находятся они сейчасъ, и придумать нельзя; для себя они находили въ немъ неисчерпаемый запасъ удовольствій, даже блаженствъ. Развѣ имъ не странно было видѣть, что человѣкъ изъ той же среды, какъ они, ни съ того ни съ сего начинаетъ кричать, какъ пытаемый?

Я думаю, что сгубило Врубеля его совершенное непониманіе самого себя. Я бы назвалъ Врубеля невольнымъ геніемъ. Бываютъ такіе, словно слѣпые, геніи. Ихъ даръ имъ не радостный свѣтъ, но жестокая сила, куда-то непреклонно влекущая ихъ; они всячески противятся ей, но только, какъ петля, накинутая на шею отъ борьбы лишь стягивается уже, такъ все неумолимѣй на свой путь клонитъ ихъ, имъ непонятная, воля. Въ Врубелѣ не слышно той гордой покорности, покорности становящейся мудрой свободой, что прельщаетъ въ Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, или нашемъ Пушкинѣ. Не понимая себя, Врубель пытался приравнять себя и быть рядовымъ человѣкомъ, когда былъ геніемъ, и конечно жестоко платился за свои попытки. Мнѣ кажется, что въ двадцать лѣтъ онъ совершенно и не предчувствовалъ, какимъ станетъ въ тридцать или сорокъ. Но почему инымъ дается могучій даръ, но вмѣстѣ не дается силы, чтобы сознать и овладѣть

своимъ даромъ? Безъ этой поясняющей силы они кажутся слѣпыми, пытающимися взобраться на горы, и неизбѣжно обречены на пытку. Чуя въ себѣ присутствіе великаго дара, Врубель, вмѣсто того, чтобы мудро покориться ему, метался, тосковалъ о временной личной славѣ, не получая ее старался забыться въ винѣ, но никогда онъ не могъ сказать: „Ты царь. Живи одинъ", или „Не пріемлю славы отъ человѣковъ". Смыслъ творчества Врубеля, какимъ онъ сейчасъ открывается намъ, прекрасенъ, но какъ неизмѣримо онъ былъ бы радостнѣй, если Врубель самъ созналъ бы его, а не шелъ бы мучительно по предопредѣленному ему пути, по темному для него самого. И вотъ мы наслѣдовали только осколки его дара, вмѣсто цѣльнаго и прозрачно-стихшаго зеркала, какимъ должно быть и есть искусство; зеркаломъ, отразившимъ видимую минутную жизнь, но только преображенную проникшимъ въ нее духомъ художника, въ вѣчные неподвижные символы. Можно принять судьбу Врубеля какъ урокъ, если только можно позволить учить себя такимъ образомъ. Тогда его гибель — мщеніе за то, что онъ пытался свой священный даръ пригнуть внизъ, къ людямъ, а не держалъ вверхъ. Онъ не принялъ отреченія и очищенія, связанныхъ съ такимъ даромъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы освѣтить его затишьемъ вѣчности, даръ изжегъ его. Священный даръ не позволялъ Врубелю закоченѣть въ мертвой мелочности жизни окружающихъ его людей, но жестокимъ инстинктомъ подымалъ и заставлялъ биться въ тоскѣ. Тоска Врубеля жгуча и гнѣвна и вмѣстѣ чрезвычайно самолюбива. Конечно, въ немъ и должна была быть такая самолюбивая и такой страшной силы тоска, ибо онъ не принесъ непремѣнной жертвы—себя ради своего вѣчнаго дара. Врубель пытался не черезъ себя возвеличить искусство, но черезъ искусство возвеличить себя, т. е. дѣлалъ ту же ошибку, что дѣлаютъ почти всѣ; но если ряловые таланты за это платятся тѣмъ, что еще при жизни они уже умираютъ духомъ, то Врубелю его огненный даръ отомстилъ все разростающейся тоской, а потомъ сумашествіемъ.

Въ творчествѣ Врубеля искусство вновь поднялось, впервые послѣ А. Иванова, до подлиннаго предназначенія своего—религіознаго служенія, но этотъ путь такъ чуждъ былъ всему, что видѣлъ и слышалъ Врубель вокругъ себя!

Въ его времена, да и сейчасъ тоже, искусство у однихъ сводилось до потѣшной роли поучать въ видѣ нравственныхъ разсказиковъ въ лицахъ или было грубой непродуманной копировкой дѣйствительности, у другихъ же почти перешло въ „стильную ме-

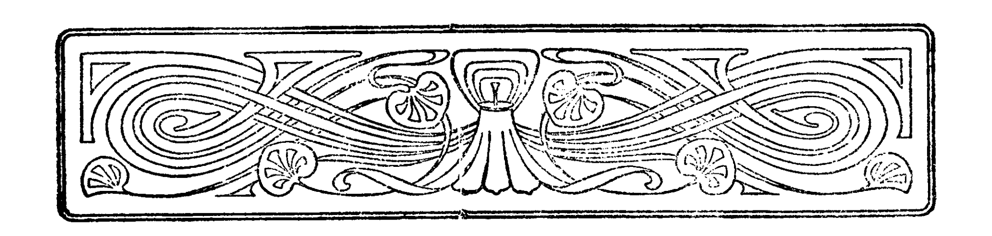
бель". Въ первомъ случаѣ было очевидное недомысліе, ибо безукоризненная цвѣтная фотографія окажется идеальнымъ завершеніемъ ихъ искусства. Во второмъ случаѣ стирались грани между изощреннымъ художникомъ и угодливымъ мастеровымъ. искусство принижалось до унизительной роли услаждать и украшать нашу земную жизнь. Все вниманіе обращалось на ловкость техники и художники, оставаясь духомъ мелкими и низменными, въ полной увѣренности, что „святое искусство"—одно, а ихъ личная жизнь—другое, наперерывъ другъ передъ другомъ кокетничали яркими мазками, причудливо-похотливыми линіями, но живой огонь искусства явно замиралъ подъ жиромъ чувственности, нарядно расписанной снаружи.

Великая заслуга Врубеля въ томъ, что онъ своей судьбой и творчествомъ отчетливо показалъ всю безсмысленную однобокость, даже безобразіе искусства, стремящагося только къ внѣшней красивости. Можно прослѣдить по произведеніямъ Врубеля, какъ постепенно онъ отбрасывалъ обычную технику, ту технику, которой можно научиться и которую я назвалъ бы тѣлесной, чтобы замѣнить ее новой техникой—духовной, которой научиться нельзя, но которая единственно есть подлинно-реальная.

Произведенія послѣднихъ лѣтъ Врубеля, до окончательнаго безумія его, отмѣчены высокимъ религіознымъ горѣніемъ; они властно захватываютъ насъ и, хотя сюжетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ фантастиченъ (Демонъ), мы совершенно увѣряемся въ ихъ подлинности, ибо въ нихъ онъ намъ показалъ не ложную и минутную красивость плоти, но плоть, преображенную духомъ въ вѣчную красоту.

„Скорбью ангела загорится наша поэзія" пророчествовалъ Гоголь; на нашихъ глазахъ этою скорбью зажглася живопись. Своей гнѣвной неудовлетворенностью нынѣшнимъ человѣчествомъ и мученической попыткой творчествомъ предугадать и приблизить будущее, просвѣтленное красотой,—Врубель поднялся вровень и сроднился съ А. Ивановымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Достоевскимъ.

Всев. Дмитріевъ.



Обозрѣніе Теософической Литературы.

Въ „Teosophist'ѣ“ заканчивается статья А. Безантъ: „Воспитаніе въ свѣтѣ теософіи“.

По мнѣнію автора, до 14 лѣтъ ребенокъ долженъ получать образованіе общаго характера. Послѣ 14 лѣтъ онъ можетъ начать спеціальное ученіе, смотря по той профессіи, которую хочетъ выбрать. Родители должны чутко прислушиваться къ способностямъ и вкусамъ дѣтей и помогать имъ въ выборѣ будущей профессіи, но ни въ какомъ случаѣ не насиловать ихъ волю. Останавливаясь на задачахъ высшаго образованія, А. Безантъ горячо ратуетъ за то, чтобы всѣ школы, и среднія, и высшія, строились возможно дальше отъ тлетворной атмосферы городовъ и чтобы онѣ были проникнуты чистотой и красотой. Нежелательно, чтобы до 14 лѣтъ дѣтей отдавали на полный пансіонъ, но, въ случаѣ нужды въ такомъ пансіонѣ, онъ долженъ непремѣнно быть устроенъ въ деревнѣ, среди природы; жизнь маленькой общины должна быть простая, дружная и интересная. Дѣти должны получать не только правильное физическое воспитаніе, но и умственное и духовное развитіе. Въ каждой такой школѣ должна быть особая комната, самая красивая во всемъ домѣ, украшенная образами основателей великихъ религій, пророковъ и святыхъ, въ которой бы дѣти собирались утромъ и вечеромъ, молились и пѣли гимны благодарности Творцу и великимъ помощникамъ Его. „Такимъ образомъ, питаемые великими идеалами, воспитанные въ добрѣ и красотѣ, съ здорово-развитымъ тѣломъ, съ пламенными, но строго управляемыми эмоціями, съ умомъ, подготовленнымъ къ наблюденію, сравненію и сужденію, съ уравновѣшеннымъ характеромъ, юноши и дѣвушки вступятъ въ жизнь вооруженными, готовыми бодро нести общее бремя, съ восторгомъ принимая радости, стойко встрѣчая

испытанія, какъ подобаетъ истиннымъ и мудрымъ сынамъ человѣка и Бога".

А. Погосская (Дана) даетъ статью: „Русскій крестьянинъ и крестьянскій трудъ". Авторъ читалъ въ Лондонѣ лекцію о Россіи. Статья представляетъ собою извлеченіе изъ этой лекціи. Авторъ даетъ краткое описаніе классовъ русскаго общества и ихъ значенія и съ особой любовью останавливается на крестьянствѣ, въ которомъ видитъ надежду и спасеніе Россіи. Онъ останавливается на нашихъ сектахъ, указываетъ на все значеніе нашихъ духовныхъ исканій и поэтически описываетъ крестьянскую жизнь въ деревнѣ.

Затѣмъ Дана переходитъ къ народному творчеству, выраженному въ народныхъ пѣсняхъ и въ кустарныхъ промыслахъ. Изучая миѳы, искусство и символы разныхъ народовъ, авторъ находитъ въ ихъ основѣ единство стремленій, ясно указывающее на духовное братство и солидарность человѣчества.

Г. Пиноппо разсказываетъ объ организаціи помощи слѣпымъ въ Бостонѣ, гдѣ теософы учредили союзъ для печатанія теософическихъ книгъ шрифтомъ слѣпыхъ. Первой печатается книга Ч. Ледбитера: „Очерки теософіи". Въ Америкѣ насчитываютъ 40.000 взрослыхъ слѣпыхъ. Починъ теософовъ обѣщаетъ внести утѣшеніе и свѣтъ пониманія въ жизнь страдальцевъ.

Въ статьѣ „Теософія и суфизмъ", Кая Кханъ разбираетъ ученіе глубоко-мистической исламской секты Суфи. Слово это онъ производитъ, какъ и Софія, отъ одного и того же греческаго корня, означающаго мудрость. Суфи принимаютъ божественное происхожденіе человѣка и вселенной, законъ перевоплощенія и эволюціи, имманентность Бога и восхожденіе человѣка по ступенямъ совершенства до состоянія сверхчеловѣчества.

Ж. Спенслэй знакомитъ насъ съ однимъ изъ древне-египетскихъ миѳовъ, именуемымъ „Уничтоженіе человѣчества", въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ боги подготовляли великій потопъ, который долженъ былъ на время смыть человѣчество съ лица земли.

А. Говиндачарія заступается за санскритскій языкъ, протестуя противъ мнѣнія, что этотъ языкъ будто бы мертвый: въ его пластическія формы вылились религіозная мысль и великая философія Индіи и до настоящаго времени онъ служитъ живымъ проводникомъ жизни сердца индусовъ. Кромѣ того, онъ есть ключъ къ изученію всѣхъ европейскихъ языковъ, такъ какъ всѣ они арійскаго происхожденія. Онъ горячо призываетъ всѣхъ къ

изученію его. Пока живъ индусскій народъ, санскритскій языкъ не можетъ умереть.

Статья Ч. Ледбитера: „Прана или жизненная сила“ описываетъ подробно процессъ вхожденія солнечной энергіи въ тѣло человѣка и распространеніе ея по всѣмъ его жиламъ и нервамъ. Прана содержитъ въ себѣ всѣ цвѣта радуги; цвѣтовые лучи ея направляются каждый къ опредѣленному органу. Всякое заболѣваніе сопровождается прекращеніемъ прилива праны къ данной части организма. Мы всѣ вбираемъ въ себя и претворяемъ солнечную энергію, но тѣло, огрубѣвшее отъ потребленія мяса, табаку или алкоголя, не способно претворять ее въ той мѣрѣ, въ какой ассимилируетъ ее чистое тѣло. Прану не слѣдуетъ смѣшивать съ магнетизмомъ человѣка, состоящимъ изъ эманаціи его эфирнаго тѣла.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ дается краткій очеркъ жизни настоящаго представителя теософическаго общества въ Англіи, г-жи Модъ Шарпъ. Свою общественную дѣятельность М. Шарпъ начала въ клубѣ работницъ, основанномъ Е. П. Блаватской, гдѣ своимъ самоотверженіемъ и неустанной энергіей она обратила на себя всеобщее вниманіе. Позже она стала незамѣнимымъ работникомъ въ теософическомъ обществѣ, гдѣ обыкновенно бралась за ту скучную и черную работу, которую никто не желалъ исполнять. Она была другомъ всѣхъ, утѣшая тѣхъ, кто былъ въ горѣ, успокаивая волнующихся, наставляя и направляя начинающихъ. Работа ея все осложнялась и росла; наконецъ, въ 1908 г. она была избрана генеральнымъ секретаремъ Великобританіи. Съ тѣхъ поръ она несетъ на себѣ многосложныя и отвѣтственныя задачи представительства, исполняя свою работу съ той преданностью и увлеченіемъ, которыя ее отмѣтили какъ выдающагося работника съ самыхъ первыхъ шаговъ ея дѣятельности.

— Въ популярномъ отдѣлѣ (Elementary Theosophy) А. Безантъ даетъ очеркъ: „Человѣкъ и его міры“.

А. К. Коморасвати описываетъ нѣкоторыхъ геніевъ и силъ природы Индіи, ея ангеловъ и святыхъ. При очеркѣ приложенъ рисунокъ Ragini Tori, ангела въ женскомъ образѣ, покровительницы музыки и звѣрей. Въ индусскомъ писаніи она описывается такъ: „Обладая бѣлоснѣжной формой, бѣлизны цвѣтка кунда, благоухая, какъ кашмирскій камфоръ, Тори пребываетъ въ лѣсахъ и чаруетъ дикихъ звѣрей медовыми звуками своей нѣжной вины *). Рагиня Тори изображена въ древне-индусскомъ одѣяніи,

*) Древне-индусскій инструментъ.

съ длиннымъ спадающимъ съ головы на плечи покрываломъ. Въ лѣвой рукѣ она держитъ четки, въ правой—длинную свою свирѣль. Вокругъ нея столпились олени и серны, къ которымъ она нѣжно склонилась. Передъ нею прудъ, въ которомъ расцвѣли лотусы. Кругомъ нея—снѣгомъ покрытыя горы. Вдали, на одной изъ вершинъ возвышается бѣлый храмъ съ куполами. Эта картина напоминаетъ что-то древне-русское, изъ области сказокъ, былинъ и святыхъ подвиговъ. Она принадлежитъ къ школѣ живописи Ражпутовъ XVII вѣка и представляетъ собой выраженіе чистой индусской традиціи, свободной отъ всякихъ персидскихъ или иныхъ иноземныхъ вліяній.

Adyar Bulletin сообщаетъ о пріѣздѣ новыхъ гостей въ Адіаръ. Скоро ожидаютъ прибытіе г-жи Виндэстъ изъ Голландіи и г. Ш. Блэка, представителя Теософическаго общества во Франціи.

Напечатано письмо Е. П. Блаватской, обращенное къ одному изъ членовъ Теософическаго общества, нынѣ уже не въ живыхъ. Е. П. Блаватская говоритъ о томъ, что намъ необходимо углубляться въ значеніе всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ, событій нашей жизни. Какъ только человѣкъ устремилъ свое вниманіе на духовную жизнь, такъ все пріобрѣтаетъ особый смыслъ; каждая перемѣна, каждое впечатлѣніе, каждая новая встрѣча могутъ быть посланнымъ ему испытаніемъ и помощью. Теософъ долженъ научиться въ этомъ свѣтѣ принимать все, что съ нимъ совершается и что ему посылается.

Очень красивъ разсказъ К. Браунинга „Исполненное желаніе". Его содержаніе слѣдующее: ученый профессоръ, любившій уединеніе и созерцаніе и жившій нѣсколько отчужденно отъ людей, видитъ во снѣ образъ Учителя, столь сіяющей красоты, что онъ въ трепетѣ и съ мольбою опускается къ Его ногамъ. „Мой сынъ, о чемъ просишь ты?"—„Господи, дай мнѣ ближе стать къ Тебѣ".—„Цѣною даже большихъ страданій?"—„Никакая цѣна не будетъ слишкомъ велика для такой радости".—„Да будетъ такъ!" Утромъ профессоръ проснулся съ радостнымъ воспоминаніемъ о посѣтившемъ его видѣніи, но онъ сталъ слѣпымъ. Послѣ перваго потрясенія, профессоръ начинаетъ понимать, что поразившій его недугъ и есть начало тѣхъ страданій, которыя онъ во снѣ такъ радостно принялъ. Понемногу онъ привыкаетъ къ своей новой жизни и съ удивленіемъ замѣчаетъ, что вокругъ него собираются люди, жаждущіе послушать его и научиться отъ его живого слова. Его свѣтлое и любовное отношеніе привлекаетъ къ нему всѣ сердца, и онъ постигаетъ радость истиннаго служенія Богу.

„Lotus Bleu“ (Revue Thèsophique) даетъ статьи Ч. Ледбитера о Кундалини *) и о началахъ VI расы.

Газета „Le Thèosophe“, выходящая дважды въ мѣсяцъ, даетъ статью Л. Ревель (разборъ современной персидской поэтики), разныя статьи психологическаго и антропологическаго характера, статью А. Безантъ (Грядущее) и романъ „Дхарма“, который выходитъ небольшими фельетонами.

Нѣмецкій журналъ „Theosophie“ даетъ статью Г. Фрейгера, въ которой авторъ разбираетъ философію арабовъ и статью А. Симона „Перевоплощеніе и біологія“. Въ очеркѣ А. Ф. Ульрихъ „Трансцендентальное воспоминаніе“, знакомый автора разсказываетъ трагическія событія одной изъ своихъ прошлыхъ жизней, которыя онъ съ дѣтства не разъ переживалъ въ сновидѣніяхъ и которыя запечатлѣлись въ его памяти въ рядѣ яркихъ картинъ изъ древне-египетской, монашеской жизни.

Теософическій французскій центръ въ С.-Морисѣ приступилъ къ изданію журнала „Le chercheur“ (ищущій), выходящій 4 раза въ годъ. Журналъ даетъ подробныя свѣдѣнія о движеніи въ С.-Морисѣ, отчетъ о послѣднихъ лекціяхъ по теософіи, статью объ управленіи мысли, два стихотворенія духовнаго содержанія и рядъ философскихъ мыслей различныхъ писателей. Журналъ даетъ мѣсто статьямъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

„Bolletino della Societa Teosofica Italiana“ даетъ письмо Н. Кирби: „Теософія въ Италіи“, статью покойнаго Г. Олькота „Восточная магія и западный спиритизмъ“, „Начала VI расы“, Ч. Ледбитера и свѣдѣнія о теософическомъ движеніи. Въ началѣ № помѣщено „Письмо Президента“.

Въ своей статьѣ „Теософія въ Италіи“, Н. Кирби горячо призываетъ теософовъ къ активному участію въ работѣ теософическаго общества и даетъ рядъ интересныхъ мыслей по вопросу о методахъ работы. Особенно подчеркиваетъ онъ необходимость распространять теософическую литературу и всѣми способами поддерживать издательскую дѣятельность Теософическаго общества.

„Theosophy in Australasia“ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о юномъ американцѣ, сынѣ д-ра Сидисъ, недавно такъ поразившемъ ученую аудиторію въ Нью-Іоркѣ своей лекціей о IV измѣреніи. Трехъ лѣтъ онъ былъ грамотнымъ и могъ работать на пишущей машинѣ, а четырехъ лѣтъ онъ уже совершалъ малень-

*) См. «В. Т.» (май).

кія хирургическія операціи. Пяти лѣтъ онъ началъ изучать французскій языкъ, латынь и анатомію. Анатоміей онъ заинтересовался по слѣдующему случаю: однажды онъ нашелъ старый черепъ и попросилъ объяснить ему, что это такое. Строеніе человѣческаго тѣла такъ поразило его, что онъ сталъ жадно изучать анатомію. Шести лѣтъ родители отдали его въ школу. Когда мать въ первый же день пришла за нимъ въ школу, оказалось, что его уже перевели въ III классъ. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ онъ окончилъ весь семилѣтній курсъ училища. Тогда его стали готовить въ университетъ. Въ первый же годъ онъ оставилъ за собой всѣхъ товарищей и нѣкоторыхъ профессоровъ, обративъ на себя всеобщее вниманіе. Въ настоящее время онъ временно оставилъ ученіе, такъ какъ на юномъ организмѣ сказались признаки переутомленія. Нужно надѣяться, что родители болѣе мудро обставятъ впредь жизнь геніальнаго мальчика, котораго не безъ основанія сравниваютъ съ Карломъ-Фридрихомъ Гаузеромъ *).

Въ отдѣлѣ „Признаки времени“ журналъ отмѣчаетъ, что во многихъ проповѣдяхъ священниковъ англиканской церкви открыто говорится о приближающемся „Второмъ пришествіи“ и міряне призываются подготовиться молитвой и чистой жизнью къ Великому Событію. Въ рѣчахъ священниковъ слышится новая нота примиренія и болѣе глубокое, мистическое толкованіе духовныхъ истинъ.

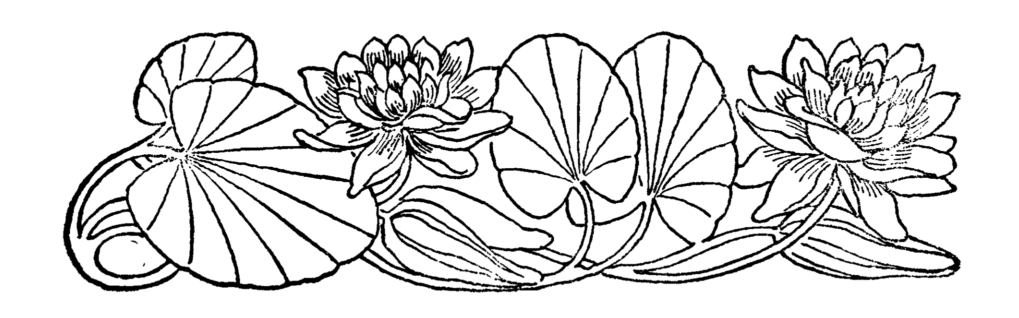
Даются статья Ч. Ледбитера о „Перевоплощеніи“ и нѣкоторыя мысли Эмерсона и Метерлинка.

„Ничего не надо такъ бояться,—говоритъ Эмерсонъ,—какъ страха. Всегда совершай то, что ты считаешь хорошимъ, чего бы это тебѣ ни стоило“.

Alba.

---

*) Вундеркиндъ XVIII вѣка, самоучкой дошедшій до пониманія высшей математики и философіи.



Хроника Теософическаго движенія.

═ VI международный теософическій конгрессъ переносится изъ Турина въ Геную. Онъ состоится въ первой половинѣ сентября с. с. 1911 г. (17—21 сентября н. с.).

═ Въ Харрогэтѣ *) возобновляются курсы теософіи (съ 15 сентября—15 декабря). Лекціи и бесѣды предполагается распредѣлить такъ:

По понедѣльникамъ, 11—12 ч. у.—Серія лекцій по элементарной теософіи, главнымъ образомъ, ученіе о перевоплощеніи (г-жа Ролфсенъ).

7½—9½ ч. у.—Объ изученіи психическихъ силъ (г-жа Бэль и г-жа Шоу).

По вторникамъ, 11—12 ч. у.—Изученіе тайной доктрины (г. Ходжсонъ Смитъ).

7—8½ ч. у. — Изученіе древней мудрости (г. Теодоръ Бэль).

По средамъ, 11—12 ч. у.—Сравнительное изученіе религій (г. Ходжсонъ Смитъ).

3—5 у.—Бесѣда съ интересующимися посѣтителями (г-жа Шоу).

По четвергамъ, 11—12 ч. у. (попеременно): Изученіе Мильтона (г-жа Брайсвайтъ) и классы краснорѣчія (г-жа Бэль).

7½—8½ ч. у.—Изученіе расъ и классы краснорѣчія (г-жа Лесли Смитъ).

---

*) Крупный теософ, центръ въ Сѣверной Англіи.

По пятницамъ, 11—12 ч. у. — Общія бесѣды по теософіи (г-жа Бэль).

8—9 ч. у.—Закрытое собраніе членовъ теософическаго общества.

По субботамъ, 11½—12¾ ч. у.—Обученіе вегетаріанской кухнѣ (г-жа Фростъ).

Послѣ обѣда—пріемъ гостей.

6½ ч. в.—Публичное собраніе въ залѣ Теософическаго общества.

Желающіе записаться на эти курсы должны сообщить объ этомъ г-жѣ Шоу (99, Franklin rd, Harrogate, Miss Shaw), секретарю курсовъ. Условія за пансіонъ (вегетаріанскій)—25 ш. въ недѣлю.

— Въ Бернѣ д-ръ Р. Штейнеръ закончилъ свою серію лекцій, посвященную Евангелію отъ Луки. Лекціи эти длились отъ 1—14 сентября.

— 8 сентября Кіевскій отдѣлъ Россійскаго Теософическаго общества возобновилъ свою дѣятельность. Состоялось первое его закрытое собраніе. Въ помѣщеніи Кіевскаго отдѣла, по примѣру прошлаго года, начались популярныя лекціи по Теософіи.

— 18 сентября возобновилась дѣятельность Россійскаго Теософическаго общества въ С.-Петербургѣ. Въ октябрѣ начнутся открытыя собранія и лекціи для начинающихъ.

— Вышла въ русскомъ переводѣ Alba книга А. Безантъ: „Въ Преддверіи храма“, съ предисловіемъ переводчика.

— Въ Австраліи открылись два новыхъ центра, въ Беалиба и въ Квинсландѣ.

— Въ Южно-Африканской секціи Теософическаго общества возникъ планъ общей молитвы для теософовъ всего міра. Она распредѣляется на 12 мѣсяцевъ:

Январь: Да укрѣпятся всѣ теософы въ Твоей волѣ и Твоихъ путяхъ для служенія человѣчеству!

Февраль: Да будетъ нашими усиліями любовь къ Богу расти во всемъ мірѣ!

Мартъ: Да помогутъ наши усилія распространенію мудрости Божьей и да озаритъ она весь міръ!

Апрѣль: Да укрѣпитъ насъ всѣхъ воля Божья въ тревожное время.

Май: Да воцарится міръ Божій надъ всѣми народами!

Іюнь: Да очиститъ міръ чистота Божья!

Іюль: Да снизойдетъ на все человѣчество божественная радость!

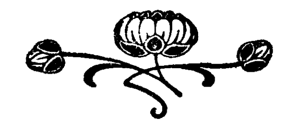
Августъ: Да устремятся къ тебѣ наши сердца въ пламенномъ стремленіи служить тебѣ!

Сентябрь: Да будетъ въ мірѣ расти способность понимать Твою мудрость!

Октябрь: Научи насъ жить въ гармоніи со всѣмъ твореніемъ!

Ноябрь: Помоги намъ устроить школы для воспитанія дѣтей въ свѣтѣ Твоей мудрости.

Декабрь: Да исполнятся наши сердца и наша жизнь Твоей волей, мудростью, миромъ и чистотой, дабы мы стали болѣе совершеннымъ проводникомъ служенія тебѣ въ воспріятіи, излученіи и изліяніи Твоей благодати!



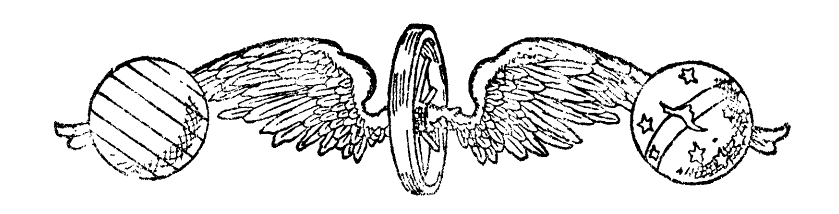
Исполни все, что велитъ „шейкъ“ (учитель), потому что шейкъ знаетъ все, что ты знаешь, и еще больше.

Я поклоняюсь Богу любовью своей, потому что не могу не поклоняться Ему.

Кто самый низкій и подлый человѣкъ? Тотъ, кто поклоняется Богу изъ страха или въ надеждѣ получить отъ Него какое-нибудь благо.

Я поклоняюсь Богу въ любви, потому что Его любовь побуждаетъ меня служить и повиноваться Ему.

(Изреченія Суфи, см. стр. 71).



Хроника жизни.

Съѣздъ Баптистовъ.

Дѣловыя собранія Баптистовъ происходили въ небольшой залѣ дома № 79 по Большому просп., на Васильевскомъ Островѣ, молитвенныя—по вечерамъ въ Тенишевскомъ училищѣ. Обстановка дѣловыхъ собраній самая скромная: рядъ скамей для братьевъ и сестеръ, каѳедра, фисгармонія, а на стѣнахъ плакаты въ рамкахъ съ Евангельскими изреченіями. Были делегаты отъ Бабтистскихъ общинъ съ разныхъ концовъ Россіи: изъ Новороссіи, съ Кавказа, изъ Амурскаго края,—и гости. На первомъ засѣданіи, до открытія его, былъ пропѣтъ любимый гимнъ Баптистовъ: „Всѣ къ труду, всѣ къ труду Слуги Господа силъ!"...

Предсѣдатель В. Е. Павловъ (редакторъ-издатель одесскаго журнала „Баптистъ"), открывая собраніе, сказалъ краткую молитвенную импровизацію. Послѣ представленія собранію гостей—г. Паккера изъ Австраліи и г. Байфорда изъ Лондона (представителя всемірнаго союза Баптистовъ) были прочитаны привѣтственныя телеграммы отъ общинъ, не приславшихъ своихъ депутатовъ, сообщенъ отчетъ объ успѣхахъ проповѣди Баптизма, о дѣятельности проповѣдниковъ и проч. Переходя къ ближайшимъ задачамъ Баптизма, предсѣдатель указалъ, какъ на главнаго врага,—на „невѣріе", и на слѣдствія его—частыя самоубійства. „Отчего мы счастливы, веселы",—спрашиваетъ г. Павловъ; отъ того, что мы имѣемъ вѣру, видимъ въ жизни высокій смыслъ! Не теоретическое распространеніе идей Баптизма, а проповѣдь Евангелія, практическое, живое христіанство и помощь несчастнымъ—наша задача"!

Мистеръ Байфордъ говорилъ съ большимъ подъемомъ, и волненіе оратора сообщалось даже переводчицѣ. „Я привезъ вамъ привѣтъ", сказалъ г. Байфордъ, „отъ всемірнаго союза Бапти-

стовъ. Мы уже болѣе не русскіе, нѣмцы или англичане, мы—братья и одинъ у насъ учитель—Христосъ!" Рѣчи взволновали собраніе, и во время трогательной, заключительной молитвы председателя у многихъ на глазахъ блестѣли слезы.

Въ программу съѣзда входили, во 1-хъ: выработка докладной записки Министру Внутреннихъ Дѣлъ по поводу имѣющагося въ Государственной Думѣ законопроекта; предполагалось указать, что законопроектъ долженъ быть расширенъ до предѣловъ, допускаемыхъ дѣйствующимъ закономъ о свободѣ совѣсти. Во 2-хъ: обсужденіе вопросовъ объ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ Баптистовъ,—объ этомъ была большая рѣчь делегата Андреевской общины въ Ставропольской губ. г-жи Е. В. Беклемишевой. Послѣднимъ пунктомъ программы было „объ организаціи общинъ": всякое возникновеніе новой общины должно происходить при участіи пресвитеровъ другихъ общинъ. Обсужденіе письма къ съѣзду отъ Евангельскихъ Христіанъ (не-Баптистовъ) по вопросамъ о соединеніи союзовъ—не было допущено.

— Секретарь редакціи „Мусульманинъ" г. Крымбаевъ получилъ письмо отъ Л. Н. Толстого (еще въ прошломъ году, но редакція не имѣла возможности его опубликовать тогда). Толстой говоритъ въ немъ, что основа всѣхъ религій одна и та же: любовь къ Богу, т. е. къ высшему совершенству и къ ближнему, но что всегда къ основной религіозной истинѣ, общей всѣмъ религіямъ, присоединяются ложныя толкованія, вносимыя въ ученіе его послѣдователями. „И потому", говоритъ онъ „какъ во всѣхъ религіяхъ, такъ и въ магометанствѣ задача теперешняго человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы, откинувъ религію, поставить на ея мѣсто узкіе, неосновательные и пошлые, такъ называемые научные взгляды, а въ томъ, чтобы понять сущность религіознаго ученія и постараться освободить основную религіозную истину ученія отъ того, что скрываетъ ее". Потомъ онъ указываетъ на двѣ очень высокія по своему религіозному ученію мусульманскія секты: беаистовъ и ваисовцевъ, и заключаетъ: „И потому полагаю, что всякому человѣку, желающему служить человѣчеству, прогрессу его, надо не отрицать огуломъ ту религію, въ которой онъ родился и воспитывался, какъ вы въ магометанствѣ, а напротивъ, понявъ тѣ глубокія основы, которыя есть въ каждой религіи, а также и въ магометанствѣ, стараться очищать ихъ отъ тѣхъ наростовъ, которые ихъ скрываютъ".

О религіозномъ единеніи славянства.

Письмо Л. Н. Толстого славянскому съѣзду въ Софіи.

Получилъ приглашеніе ваше и съ радостью пріѣхалъ бы, если бы не мои года и нездоровье. Пріѣхалъ бы съ тѣмъ, чтобы лично побесѣдовать съ вами о томъ предметѣ, который собралъ васъ. Постараюсь сдѣлать это хотя письменно.

Единеніе людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ я вижу и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни. Но для того, чтобы дѣятельность эта была благодѣтельна, нужно, чтобы она была понимаема во всемъ ея значеніи, безъ умаленія, ограниченія, извращенія. Такъ это по отношенію всѣхъ важнѣйшихъ дѣятельностей: такъ это по отношенію религіи, любви, служенія человѣчеству, науки, искусства. Все до конца, до послѣднихъ выводовъ, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ. Все или ничего.

Да, въ единеніи—и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни, но цѣль и благо эти достигаются только тогда, когда это единеніе всего человѣчества во имя основы, общей всему человѣчеству, но не единеніе малыхъ или большихъ частей человѣчества во имя ограниченныхъ частныхъ цѣлей.

Но единеніе,—для того, чтобы оно могло произвести свойственныя ему благодѣтельныя послѣдствія, оно должно имѣть цѣлью единеніе всѣхъ людей, во имя общаго всѣмъ людямъ, одинаково признаваемаго всѣми начала. А такимъ единеніемъ можетъ быть только единеніе, основанное на той религіозной основѣ жизни, которая одна соединяетъ людей и, къ несчастью, признается ненужной, отжившей большинствомъ людей, въ наше время руководящихъ народами.

Скажу болѣе: откинувъ соображенія о томъ, что по этимъ словамъ моимъ меня могутъ уличить въ непослѣдовательности и противорѣчіи самому себѣ,—скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказалъ, моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести къ свойственному имъ благу,—что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени.

Левъ Толстой.

Отрадное, 20 іюня 1910 г.

= Умершій въ Америкѣ психологъ Вильямъ Джемсъ, желая научнымъ образомъ разрѣшить проблему о безсмертіи, оставилъ послѣ себя нѣсколько запечатанныхъ писемъ, содержаніе которыхъ никому, кромѣ него, неизвѣстно. Въ этихъ письмахъ говорится о нѣкоторыхъ интимныхъ подробностяхъ изъ его жизни. Согласно завѣщанію умершаго, общество психическихъ изслѣдованій должно будетъ попытаться вступить съ нимъ въ общеніе и узнать отъ него, что именно содержится въ его письмахъ; только послѣ этого оно можетъ распечатать письма. И теперь англійскіе и американскіе спириты собираются предпринять такую попытку. Небезызвѣстный проф. Гайслопъ хочетъ вызвать духъ Джемса при помощи американскаго медіума Леоноры Пайперъ. По окончаніи сеансовъ, письма Джемса будутъ вскрыты при условіи самаго строгаго контроля.

= Редакціей получено письмо: „Позвольте при посредствѣ вашего журнала произвести слѣдующую анкету.

„Въ нашъ переходный вѣкъ, вѣкъ ломки міровоззрѣній и замѣны ихъ новыми, было бы очень интересно выяснить религіозныя убѣжденія русскаго общества. Сдѣлать это можно путемъ анкеты. Объяснять все значеніе подобной анкеты—это значило бы ломиться въ открытую дверь. Однако, такая анкета едва ли возможна, такъ какъ подобная задача слишкомъ широка. Настоящая анкета обращается къ той части русскаго общества, которая, такъ сказать, ex officio соприкасается съ наукой. Я обращаюсь къ гг. членамъ академіи наукъ, преподавателямъ высшей и средней школы, а также къ гг. студентамъ и курсисткамъ. Обращаясь къ нимъ, я просилъ бы преодолѣть нашу обычную несклонность отвѣчать на анкеты. Эта анкета имѣетъ огромный научный и общественный интересъ. Было бы крайне досадно, если бы мы оказались въ положеніи одного изслѣдователя, который, разославъ 5.000 опросниковъ, получилъ 30 отвѣтовъ. Поэтому, еще разъ усердная просьба отвѣтить на нижеслѣдующіе пункты:

1) Имя, отчество, фамилія (по желанію, личная тайна гарантирована).

2) Родъ занятій (подробно).

3) Офиціальное вѣроисповѣданіе.

4) Возрастъ.

5) Какова ваша вѣра?

а) вѣрите ли вы въ личнаго Бога?

б) если нѣтъ, то въ какого?

в) вѣрите ли въ божество Христа?

г) признаете ли церковь и какую (правосл., католическую и т. д.).

6) Причины вашей вѣры или невѣрія?

7) Съ какого возраста вы стали сознательно относиться такимъ образомъ къ религіи?

8) Какое, по вашему мнѣнію, имѣетъ значеніе религія для современной жизни?

9) Что вы думаете о будущемъ религіи?

Отвѣты на эти пункты благоволятъ направлять по адресу: Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я линія, д. 56, кв. 6, Александру Ивановичу Введенскому.

О результатахъ анкеты будетъ своевременно опубликовано.

Прошу столичныя и провинціальныя газеты перепечатать это письмо. **А. Введенскій.**

= На эту анкету, предпринятую А. И. Введенскимъ (но не профессоромъ с.-петербургскаго университета, какъ думалъ раньше Д. Философовъ), можно смотрѣть, какъ на „экзаменъ научной зрѣлости нашей интеллигенціи",—такъ говоритъ Д. Философовъ въ своей статьѣ („Русское Слово", № 212). „Отвѣтить по-старому, — говоритъ онъ дальше, — ссылаясь только на авторитетъ отцовъ, все равно какого собора—Стоглаваго или Эрфуртскаго,—значитъ, показать свою косность, свой первобытный консерватизмъ, полную неспособность не только мыслить самостоятельно, но и просто учиться. Есть нѣкоторыя показанія, что новое поколѣніе интеллигентовъ это поняло.

Когда въ петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ читались доклады С. Л. Франка о книгѣ Джемса („Многообразіе религіознаго опыта") или Н. О. Лосскаго объ идеѣ безсмертія съ точки зрѣнія гносеологіи, — яблоку упасть было негдѣ. Здѣсь не только праздное любопытство. Самыя имена референтовъ говорили за то, что доклады исходятъ изъ серьезнаго настроенія. Конечно, отъ интереса къ религіозной проблемѣ до положительной религіозной вѣры — очень далеко. Но все-таки фактъ на лицо. Твердыня атеистической вѣры разбита. Поверхностный матеріализмъ не удовлетворяетъ болѣе людей, относящихся съ уваженіемъ къ научному мышленію. А главное — религіозная проблема отдѣлена отъ клерикализма. Разорвана связь между религіей и реакціей"...

= Въ „Духовномъ Христіанинѣ" (№ 8) напечатано обращеніе В. А. Данилова: „Дорогіе сестры и братья, люди, живущіе со мной на землѣ, обращаюсь ко всѣмъ вамъ съ вопросомъ: въ чемъ вы

видите цѣль жизни вашей? Ищете ли смысла въ жизни или довольствуетесь мелкими повседневными быстропроходящими цѣлями, не утруждая мысль свою о смыслѣ всѣхъ этихъ быстропромелькающихъ цѣлей. Обращаюсь ко всѣмъ. Преимущественно же къ людямъ, называющимъ себя христіанами, а изъ нихъ особенно къ тѣмъ, кто считаетъ себя духовными или свободными христіанами"...

„Въ смиреніи ничтожества своего, желая способствовать уясненію каждому смысла жизни и тѣмъ открыть возможность объединенію людей въ одномъ религіозномъ сознаніи, общемъ всему разнообразію личныхъ пониманій и упованій,—я думаю, что предлагаемые вопросы дадутъ толчекъ мысли человѣка остановиться на самомъ себѣ и начать жить, какъ подобаетъ новозавѣтному духовному человѣку—быть благоустроителемъ жизни на землѣ—созидать тѣло Христово въ союзѣ любви и примиренія". Слѣдуютъ вопросы: Какъ понимаете: 1) Бога; 2) Духа Святаго; 3) Сына Божія; 4) Царствіе Божіе; 5) загробную жизнь; 6) вѣчную жизнь; 7) царство небесное; 8) 1000-лѣтнее царство; 9) вѣчное царство; 10) о времени суда; 11) о второмъ пришествіи; 12) о таинствахъ; 13) объ обрядахъ; 14) о водномъ крещеніи; 15) о крещеніи огнемъ и духомъ; 16) ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь во мнѣ пребываетъ и Я въ немъ; 17) тѣло Христово; 18) въ чемъ подобіе человѣка Богу; 19) въ чемъ образъ Божій; 20) человѣка, какъ онъ есть; 21) о пищѣ тѣла; 22) хлѣбъ нашъ насущный; 23) ваше личное упованіе, вѣра или религія (принятое названіе); 24) какъ чувствуете Бога; 25) сущность христіанства; 26) о крестной смерти Іисуса (нужна ли была); 27) чѣмъ и какъ спасъ міръ Іисусъ изъ Назарета; 28) о первородномъ грѣхѣ; 29) въ чемъ Новый Завѣтъ; 30) Моисей далъ законъ; Іисусъ благодать на благодать; 31) гдѣ законы Моисея? 32) взглядъ на себя — что я? 33) отношеніе къ браку; 34) понятіе о бракѣ; 35) отношеніе къ семьѣ; 36) отношеніе къ общинѣ; 37) къ обществу и государству; 38) къ воинской службѣ; 39) и другимъ обязанностямъ общественно-государственнымъ; 40) къ человѣчеству; 41) къ міру жизни и бытія къ вселенной; 42) отношеніе Ветхаго Завѣта къ Новому; 43) въ чемъ святость Библіи? 44) въ чемъ смыслъ жизни міра? 45) различіе новозавѣтнаго брака отъ ветхозавѣтнаго; 46) новозавѣтная и ветхозавѣтная семья; 47) новозавѣтная и ветхозавѣтная община; 48) новозавѣтное государство; 49) ветхозавѣтная гражданственность; 50) новозавѣтная гражданственность.

Н. Т.

Наука и религія въ современной философіи. Эмиль Бутру, членъ академіи наукъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Н. М. Соловьева. Книгоиздательство „Творческая Мысль“, Москва 1910 г., in 8⁰, стр. IV + 302. Ц. 2 руб.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ религіи и науки давно занимаетъ умы. Э. Бутру твердо отстаиваетъ *полное равноправіе и* одинаковую важность для человѣчества *обоихъ принциповъ*. Онъ указываетъ на то, что, „несмотря на сотни разъ возобновлявшіеся компромиссы, несмотря на упорныя усилія самыхъ великихъ умовъ дать раціональное рѣшеніе проблемы, кажется, что наука и религія всегда находились во враждебныхъ отношеніяхъ, и что онѣ не прекращаютъ этой борьбы, стремясь не только господствовать другъ надъ другомъ, но и совершенно уничтожить другъ друга.

„Однако оба принципа остаются по прежнему въ силѣ. Напрасно теологія пыталась подчинить себѣ науку: эта послѣдняя сбросила иго теологіи. Съ тѣхъ поръ могло казаться, что роли перемѣнились, и наука много разъ провозглашала конецъ религіи; но религія продолжаетъ существовать, и сама интенсивность борьбы свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности“.

Въ смыслѣ же моральной силы, начала, регулирующаго высшія движенія жизни, Э. Бутру отдаетъ явное преимущество религіи. Онъ утверждаетъ, что „въ корнѣ человѣческой жизни, какъ таковой, лежитъ то, что называютъ религіей“.

Онъ не отрицаетъ, конечно, что тысячи людей не чувствуютъ необходимости, какъ онъ выражается, „восходить къ творческому началу жизни“. „Можно жить, говоритъ онъ, однимъ инстинктомъ, или рутиной, или подражаніемъ; можно жить, можетъ быть, отвлеченнымъ разумомъ и наукой. Религія предлагаетъ человѣку болѣе богатую и болѣе глубокую жизнь, чѣмъ только самопроизвольная или даже интеллектуальная жизнь: она есть родъ синтеза или вѣрнѣе сокровенной и духовной связи *инстинкта* и разума, при которой каждый изъ

двухъ, слитый съ другимъ и благодаря этому преображенный и воспламененный, обладаетъ полнотой и творческой силой, которая ускользаетъ отъ него, когда онъ дѣйствуетъ отдѣльно".

Кромѣ ряда глубокихъ мыслей и возвышеннаго настроенія, книга Э. Бутру даетъ и массу интереснѣйшихъ свѣдѣній и соображеній по исторіи религій и взаимоотношенія религіи, науки и философіи. Разсмотрѣвъ въ введеніи религію и науку отъ греческой древности до современнаго періода, авторъ въ первой части переходитъ къ подробному изложенію натуралистическаго направленія, излагаетъ ученіе Огюста Конта, Герберта Спенсера, Геккеля, даетъ очеркъ монизма, психологизма и соціологизма, поскольку они даютъ объясненіе религіозныхъ феноменовъ. Вторая часть обнимаетъ спиритуалистическое направленіе: Ричль и радикальный дуализмъ, религія и границы науки, философія дѣйствія, Вильямъ Джемсъ и *религіозный опытъ.* Въ заключеніе Э. Бутру останавливается подробно на взаимоотношеніи научнаго духа съ религіознымъ духомъ, морали съ религіей.

Философъ вѣритъ въ конечную гармонію этихъ началъ и усматриваетъ возможность примиренія и сліянія ихъ въ одномъ цѣлостномъ стремленіи къ приближенію жизни, къ идеалу ея—царству гармоніи и любви.

„Взгляните, говорилъ сапожникъ Іаковъ Бёмъ, на птицъ въ нашихъ лѣсахъ. Онѣ хвалятъ Бога каждая на свой ладъ, на всѣ тоны и всѣми способами. Видимъ ли мы, чтобы Богъ оскорблялся этимъ разнообразіемъ и заставлялъ умолкнуть нестройные голоса? Всѣ формы дороги безконечному Существу.

„Религія предписываетъ намъ любить другихъ и любить ихъ за нихъ самихъ. Болѣе смѣлая, чѣмъ философія, она создаетъ изъ любви долгъ, долгъ по преимуществу. И она указываетъ людямъ любить другъ друга въ Богѣ, т. е. подниматься къ общему источнику бытія и любви. Братьямъ естественно любить другъ друга".

Б.

„Россія", 12 августа 1910 г., № 1451.

Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. Алланъ Кардекъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 руб. Люблинъ. Почтовый ящикъ № 123.

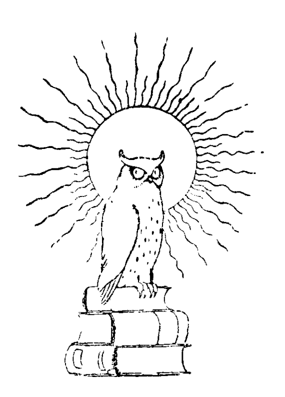
Имя Алланъ Кардека извѣстно всѣмъ спиритуалистамъ. Книги его выдержали во Франціи 42 изданія. Онѣ составлены на основаніи поученій, данныхъ черезъ разныхъ медіумовъ въ разныхъ частяхъ Свѣта, и касаются нравственныхъ основъ ученія Христа, ихъ согла-

сованія со спиритизмомъ и ихъ примѣненія къ различнымъ жизненнымъ положеніямъ. Нѣкоторыя сообщенія наивны, другія содержательны. Невѣроятно слабъ отдѣлъ молитвъ.

Русскій переводъ „Евангелія въ разъясненіи спиритизма“ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Книга издана хорошо.

К. Кудрявцевъ.



Есть три фазы религіозной жизни: „татріамъ“, законъ, данный Богомъ черезъ пророковъ для руководства людямъ; „тарикатъ“, путь къ единенію съ Богомъ; „хакикатъ“ состояніе блаженства въ сліяніи съ Богомъ.

Человѣкъ ударилъ сидящаго человѣка; тотъ вскочилъ и также ударилъ его въ отвѣтъ. Затѣмъ первый человѣкъ ударилъ второго сидящаго человѣка; тотъ покраснѣлъ и сжалъ кулаки, сдѣлавъ движеніе встать, но сдержалъ себя. Наконецъ первый человѣкъ ударилъ третьяго сидящаго человѣка; тотъ не обратилъ на это никакого вниманія. Первый—въ законѣ; второй—въ пути; третій—въ Истинѣ.

(Изреченія Суфи, см. стр. 71).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**